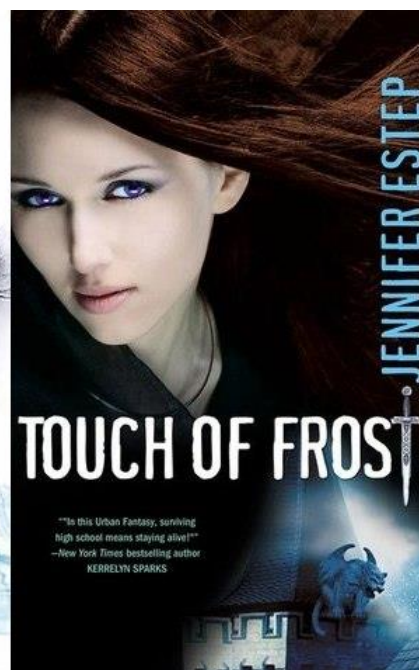
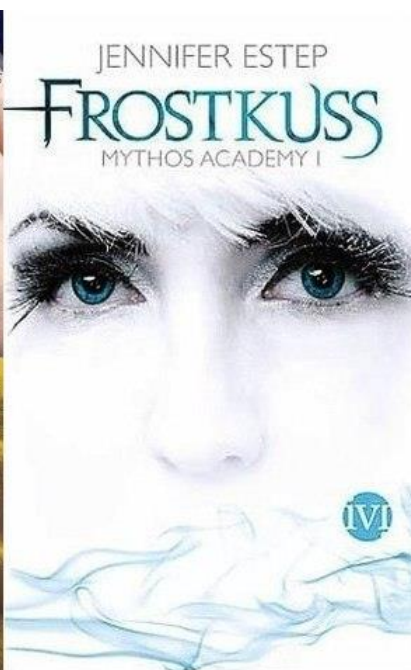
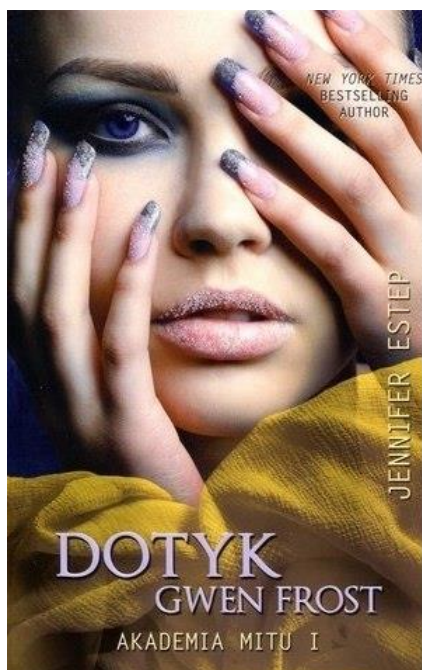

«Мифическая Академия: Прикосновение холода» Дженнифер Эстеп

Перевод выполнен специально для группы [~”°•†Мир фэнтези†°•”~ Переводы книг](#)
Любое копирование без ссылки на группу и переводчиков запрещено

Название: Прикосновение холода
Серия: Мифическая Академия №1
Переводчики: Люда Маркович, Ольга Орешкина
Екатерина Долгих, zelyony_shershen, gardenia
Редактор: Алена Горбунова
Главный редактор: Екатерина Русакова

Они - потомки сказочных воинов: спартанцы, амазонки или валькирии и обладают магическими способностями. В Мифической Академии они учатся обращаться со своими способностями и использовать их правильно.

Главная семнадцатилетняя героиня Гвен Фрост, которая обладает необычным талантом: цыганским даром. Ей достаточно мимолетного прикосновения, чтобы узнать все о предмете или человеке. Но при этом Гвен чувствует не только положительные чувства, но также и плохие, а иногда и опасные. В Мифической Академии Гвен должна научиться разумно применять свои способности. Но есть то, чего не знает Гвен: студенты в этой академии готовятся, чтобы сражаться против темного бога Локи. И хотя Гвен считает, что ей больше нечего терять в Мифической Академии, скоро узнает, что ее силы гораздо сильнее чем кажется и всем будет нужен ее дар, чтобы выжить против могущественного врага.

Глава первая

– Я знаю твою тайну.

Дафна Круз еще ближе приблизила лицо к зеркалу над умывальником и продолжила наносить блеск на губы. Она демонстративно игнорировала меня, как и другие красивые популярные девочки.

Как делал каждый в Мифической Академии.

– Я знаю твою тайну, – повторила я громче.

Я отделилась от статуи морской нимфы, неторопливо направилась к двери женского туалета и закрыла ее.

Мне было полностью безразлично, узнает ли кто-то о тайне Дафны, но я была уверена, что в конце нашей беседы она будет заинтересована в том, чтобы предотвратить это.

Как только Дафна была довольна блеском своих губ, она убрала помаду в огромную розовую сумку от Dooney & Bourke, а затем вытащила расческу и принялась причесывать гладкие золотистые пряди, все еще игнорируя меня.

Я сложила руки на груди, прислонилась к двери и ждала. Высокие фигуры воинов и монстров, вырезанные на тяжелой деревянной двери, впивались мне в спину, но я не предавала значения странным вырезам и выпуклостям.

Двести долларов, которые я получила за эту работу, стоили того, чтобы я была терпеливой.

Через две минуты, когда она причесала волосы и убедилась, что я все еще на месте, Дафна, наконец, снизошла до того, чтобы повернуться и посмотреть на меня.

Ее черные глаза скользнули по моим джинсам, футболке с аппликацией из комикса и пурпурной куртке с капюшоном, а в конце она выдавила из себя тихое сопение с отвращением.

Очевидно, ее оскорбил мой вкус в одежде, например, что я не носила самые новые тряпки от дизайнеров. Я не хотела попадать под клише одинаково-выглядящих девочек, как она и ее подруги.

Сегодня, видимо, был "шотландский" мотив, так как все, что одела сегодня Дафна, было клетчатое: от розовой кашемировой шали поверх ее черной юбки в складку до черно-розовых клетчатых колготок, которые подчеркивали ее стройные ноги.

Сочетание темных и светлых цветов делало ее еще прекрасней и подчеркивало мягкое сияние ее янтарной кожи. Так же как и блеск для губ.

– Ты знаешь мою тайну? – повторила Дафна насмешливо. – И что же это за тайна?

Итак Валькирия хотела быть дерзкой. Не проблема.

Я улыбнулась.

– Я знаю, что ты украла браслет с подвесками. Тот браслет, который Карсон Каллахан хотел подарить Лете Гастон, чтобы спросить, пойдет ли она с ним на бал встречи выпускников. Ты украла его вчера из ящика стола в его комнате, когда он помогал тебе с сочинением по английской литературе.

Первые нотки сомнения появились в глазах Дафны, и ее красивое лицо исказило недоверие, прежде чем она смогла скрыть свои чувства.

Теперь она смотрела на меня, действительно изучая, пытаюсь понять, кто я и что хотела. Через некоторое время она прищурила глаза.

– Ты та самая девочка-цыганка, – пробормотала Дафна. – Та, что может видеть вещи.

Девочка-цыганка. Так меня называли почти все в Мифической академии. Главным образом, потому что я была единственной цыганкой в этой школе для магических воинов-уродцев.

Девочка из средних слоев, которая продавала свой странный дар среди богатых, популярных и, несомненно, могущественных. Таких как Дафна Круз, избалованная, изысканная претендентка на трон, которая к тому же еще была Валькирией.

– Как тебя зовут? – спросила Дафна. – Гейл? Маленькая Грета?

Вау. Я была поражена, что она вообще знала, что мое имя начиналось с "Г".

– Гвен, – ответила я. – Гвен Фрост.

– Итак, Гвен Фрост, – сказала Дафна и снова направила внимание на свою сумку. – Я не представляю, о чем ты говоришь.

Ее голос и выражение лица были такими же ровными как зеркало в золотом обрамлении перед ней. Я даже поверила бы ей, если бы не видела ее руки, которые слегка дрожали, когда она убирала расческу обратно в сумку.

И если бы не знала, как красиво умели врать такие девочки как она.

Как хорошо мог врать каждый.

Я схватила серую сумку через плечо и вытащила пластиковый пакет. Внутри блестела маленькая серебряная подвеска в форме розы.

Затем заметила, как Дафна испугалась, как будто перед ней был пакет полный гашиша.

– Откуда... откуда это у тебя? – прошептала она.

– Карсон еще не успел повесить все подвески на браслет, когда показывал его тебе вчера во время дополнительных занятий, – объяснила я. – Эту я нашла прямо за его письменным столом. Она выпала, когда ты схватила браслет, чтобы положить в сумку.

Дафна улыбнулась и продолжила свои шарады.

– Но почему я должна делать что-то подобное?

– Потому что ты сходишь с ума по Карсону. Ты не хочешь, чтобы он был вместе с Летой. Хочешь сохранить его для себя.

Дафна вздрогнула и опустила руки на один из умывальников, которые выстроились в ряд.

Ее пальцы обхватили ненадолго один из серебряных водопроводных кранов, которые были выполнены в форме головы гидры, прежде чем опуститься в раковину. Ее длинные, ухоженные ногти скользили по мрамору, в то время как бледные, розовые искры отскакивали от кончиков ее пальцев.

Дафне могло быть всего семнадцать, как и мне, но Валькирии невероятно сильны. Я знала, что Дафна Круз, если бы в этом был смысл, могла вырвать этот умывальник и разбить о стену также как Халк.

Вероятно, мне стоило бы бояться Валькирий. Перед странными искрами в хватке принцессы розы, а особенно перед ее силой и тем, что она может сделать с ней. Но я не боялась.

Я уже потеряла кое-кого, кто значил в моей жизни больше всего. В сравнении в этом все другое блекло.

– Откуда ты знаешь все это? – спросила Дафна. Она говорила так тихо, что скорее это было похоже на шепот.

Я пожала плечами. – Как ты сказала, я вижу вещи. И как только я нашла эту подвеску, поняла, что именно ты украла браслет.

Я больше ничего не рассказала о моем цыганском даре, о моей способности, узнавать

историю вещей, когда я прикасаюсь к ним, а она больше не спрашивала.

Вместо этого Валькирия смотрела на меня своими черными глазами. Примерно через тридцать секунд молчания, очевидно, она приняла решение.

Дафна расправила плечи, снова схватила свою сумку и вытащила бумажник. Он отлично подходил к сумочке.

– Ок, – сказала она. – Сколько ты хочешь за то, что отдашь мне эту подвеску, и мы забудем эту историю? Сто долларов? Двести?

На этот раз мои руки сжались в кулаки. Она пыталась купить меня. Я не ожидала ничего другого, но все равно это злило.

Как и все остальные в Мифической академии Дафна Круз могла влиять на людей, лучше чем кто-либо. Пара сотен долларов для нее ничего не значат. Она отдала эту проклятую сумму за свою сумку.

Но для меня пара сотен долларов была значительно больше чем ничего. Для меня это значило одежду, комиксы, мобильный телефон и дюжину других вещей, о которых Дафна никогда не должна была заботиться.

– Карсон уже заплатил мне, – сказала я.

– И? – сказала она. – Я заплачу тебе больше. Столько, сколько захочешь.

– Мне очень жаль. Если я даю кому-то слово, то держу его. И я обещала Карсону, что найду этот браслет для него.

Дафна склонила голову, изучая меня, как будто бы я странное существо, которое она никогда не видела раньше, мифологический монстр, который замаскировался под подростка.

Возможно, это было глупо с моей стороны не взять предложенные деньги. Но моя мама не взяла бы деньги Дафны, если бы дала обещание кому-то другому.

Моя мама, Грейс, была цыганка также как и я. Мой дар такой же как и у нее.

На мгновение мое сердце сжалось от чувства вины и тоски. Моя мама мертва, и я так сильно скучала по ней. Я встряхнула головой в попытке прогнать боль.

– Эй, просто отдай мне браслет. Большого мне не надо. И Карсону тоже.

Дафна сжала губы. – Он.. он знает об этом? То, что я украла браслет? И почему?

– Еще нет. Но он узнает, если не отдашь мне его. И прямо сейчас.

Я открыла пластиковый пакет и протянула ей. Дафна пристально смотрела на блестящую подвеску розы. Затем закусил губу, так что блеск попал на зубы, и отвела взгляд.

– Прекрасно, – пробормотала она. – Я правда не знаю, почему я вообще взяла его.

Я знала об этом, потому что Дафна промелькнула перед моим внутренним глазом. Едва мои пальцы прикоснулись к серебряной розе, передо мной возникло видение белокурой Валькирии.

Я видела, как Дафна сидела за столом Карсона и смотрела на браслет, в то время как ее пальцы касались металлических подвесок, как будто хотела сорвать их.

Я почувствовала также чувства девушки, так всегда происходило, если я касалась предмета или какого-то человека.

Я почувствовала горячую пылкую ревность Дафны при мысли, что Карсон хотел пригласить Лету на свидание.

И это теплое, мягкое, сияющее чувство увлеченности Дафны Карсоном, хотя он и был

музыкальным чудачком, а она принадлежала к группе популярных. Ее холодное, болезненное отчаяние от того, что влюблена в кого-то, кого не одобрили бы ее высокомерные друзья.

Но я не рассказала об этом Дафне. Чем меньше люди знали о моем даре и о вещах, которые я видела или чувствовала, тем лучше.

Дафна выхватила браслет из сумки. Карсон Каллахан может и был музыкальным чудачком, но у него были деньги, итак проклятый браслет был тяжелой дорогой вещью с дюжиной подвесок, которые звенели от каждого движения.

Ногти Дафны царапали одну из подвесок, маленькое сердце, и розовые искры снова и снова поднимались в воздух, подобно светлячкам.

Я снова протянула ей пластиковый пакет, и Дафна положила туда браслет. Я закрыла мешок и завязала узлом, прикладывая максимум усилий, чтобы не касаться драгоценностей.

Я больше не хотела заглядывать в душу Дафны Круз. Еще в первый раз я почти начала сочувствовать ей.

Но все сочувствие, которое я испытывала к ней, исчезло, когда Валькирия одарила меня холодным, высокомерным взглядом, который подарил мне еще больше злых картинок о ней.

– Если ты кому-то расскажешь об этом, Гвен Фрост, я задушу тебя твоим ужасным пастушьим капюшоном. Поняла?

– Конечно, – ответила я дружелюбно. – Но тебе, наверное, стоит освежиться перед началом следующего урока. Твой блеск для губ смазлся.

Валькирия сощурила глаза, но я проигнорировала ее ядовитый взгляд, открыла дверь в туалет и вышла.

Глава вторая

Я вышла из женского туалета в коридор. Где-то в глубине здания прозвучал звонок и предостерег меня, что у меня осталось всего пять минут до следующего урока.

Поэтому я слилась с потоком учеников, чтобы добраться до западного крыла Исторического здания.

Снаружи Мифическая Академия выглядела как элитная гимназия, хотя находилась в Сайпресс-Маунтин, почти за границей Эшвелля в западных горах северной Калифорнии.

Все в Академии пахнет деньгами, властью и снобизмом. От заросших плющом каменных зданий, совершенных ухоженных четырехугольных полей и заканчивая столовой, которая напоминала скорее пятизвездочный ресторан, чем школьный кафетерий.

Да, снаружи Академия казалась местом, куда богатые родители отправляли своих наследников, чтобы обеспечить им место в Йеле, Гарварде, Дьюке или в любом другом престижном колледже.

Отсюда она выглядело по-другому.

На первый взгляд все казалось нормальным, если только исторически и старомодно.

Отполированные доспехи в коридорах, окруженные острым оружием. Каменные рельефы и написанные маслом картины, описывающие мифологические битвы на стенах.

Белые мраморные статуи Богов и Богинь в углах, которые протягивали руки вперед, как будто клевеща над людьми, проходящими мимо.

Также там были еще и учащиеся. Ученики – от шестнадцати до двадцати одного года – с первого по шестой класс, во всех формах, размерах и этносов, с книгами и сумками в одной руке и мобильниками в другой, которые одновременно писали смс, беседовали и двигались своей дорогой в коридорах.

И все были одеты в дорогую одежду, которую могли позволить их родители: эксклюзив от Прада, Гуччи и, естественно, Джимми Чу.

Но если убрать дизайнерские вещи и дорогую электронику, можно заметить другие вещи. Например то, что многие ученики носили оружие.

В основном мечи, луки и боевые посохи, убранные в чехлы, которые напоминали экстравагантные теннисные сумки. Конечно, идеально подходящие к одежде.

Оружие для мифических созданий было только лишь аксессуаром. Символом статуса, который обозначал, кто кем был, что мог, и сколько денег имели его родители.

Точно также как цветные искры и магическая сила, которые как неподвижное электричество висели в воздухе.

Собственно, даже последний идиот знал, как снести голову мечом, или как при помощи заклинания превратить внутренности в кашу.

Это было, как если бы последователи Зены – королевы воинов учились в школе.

Потому что они все были учениками Мифической академии: Воины, настоящие живые Воины, или, по крайней мере, прапрапраправнуки мифологических воинов.

Девушки были в основном Амазонками и Валькириями, в то время как среди юношей преобладали Римляне и Викинги.

Но были и другие виды воинов: Спартанцы, Персы, Троянцы, Кельты, Самураи, Ниндзя и все в этом роде. Каждый имел корни в старой культуре, каком-то древнем мифе или сказке, которые слышал каждый и которые никто не знал.

Каждый обладал своими определенными способностями и магией – и подходящим к ним эго.

И все они были богаты, опасны и хорошо выглядели. Все кроме меня.

Никто не обращал на меня внимание, никто не разговаривал со мной, когда я прошла на шестой урок, история мифов. Я – обычная девочка-цыганка, и соответственно небогатая, несильная, непопулярная, некрасивая или не достаточно важная, чтобы быть интересной для кого-нибудь.

Был конец октября, осенний семестр длился уже два месяца, а у меня все еще не было подружки. Не было никого, с кем я могла посидеть вместе во время обеда в столовой. Но меня не особенно напрягало отсутствие друзей.

После смерти мамы, шесть месяцев назад, меня мало что напрягало.

Незадолго до того как зазвонил звонок и объявил всем, что каждый должен находиться на уроке, я направилась на свое место в классе профессора Метиса, преподавателя мифологической истории.

Карсон Каллахан повернулся на своем стуле, который находился прямо передо мной. – Ты уже нашла его? – прошептал он.

Карсон был высоким юношей, около метр восемьдесят, и неуклюжим. Казалось, он состоял из острых углов, начиная от чашечек на коленях до локтей, и потому напоминал мне треугольник.

Даже его нос был ровным и острым. У него была светло-коричневая кожа и точно такие же волосы, а угловатая оправа очков делала его глаза похожими на коричневые шоколадные

шарики.

Я, однако, понимала, почему он нравится Дафне. Карсон был милым и дружелюбным, такой застенчивый, спокойный, какими так часто бывают чудаки.

Но Карсон не был одним из типичных уродов, он был уродом – рок-музыкантом и главным барабанщиком в часовне Мифической Академии.

И это, несмотря на то что ему всего семнадцать и он во втором классе, как и я. Карсон был Кельтом и у него был магический талант к музыке. Он – военный бард или что-то в этом роде.

Преимущественно я старалась не размышлять над этим. Я игнорировала массу вещей о мифических существах, особенно тот факт, что так мало похожа на них.

Я передала Карсону браслет в пакете и следила за тем, чтобы не коснуться его, иначе музыкальный чудака пробудил бы во мне видение.

Потому что в дополнение к чувствам Дафны, которые я почувствовала вчера, когда нашла подвеску розы за письменным столом, я получила некий отблеск чувств Карсона.

Я видела не только человека, который последний прикоснулся к предмету, а каждого, кто держал его в руках. Когда-либо.

Это означало, что я знала, кому действительно Карсон хотел подарить браслет. И несмотря на его утверждение, это была не Лета Гастон.

– Как договаривались, – сказала я. – Твоя очередь.

– Спасибо, Гвен.

Он положил сто долларовую купюру, вторую часть моего гонорара, на стол. Я взяла деньги и убрала в карман штанов.

Я принципиально игнорировала всех учеников в школе мифов, а они игнорировали меня, по крайней мере, до тех пор, пока им не надо было найти что-то. Тоже самое происходило и в моей прежней школе, всегда, когда я немного нуждалась в деньгах.

За определенную сумму я находила вещи, которые были украдены, пропали или исчезли другим способом. Ключи, кошельки, мобильники, домашние животные, бесхозные лифчики и боксерские мужские трусы.

На уроке математики я заметила, как Амазонка жаловалась, что она потеряла мобильный телефон, и я предложила найти его за маленькое вознаграждение.

Она считала меня сумасшедшей, пока я не вытащила ее мобильный телефон из глубины ее шкафа. Дело в том, что она забыла его в другой сумке. После этого мой талант обсуждали все вокруг.

До сих пор дело не имело особого успеха, но у меня был свой доход.

Так как мой дар-цыганки состоял в том, что касаясь к предмету, я узнавала сразу всю историю, видела и чувствовала, это не доставляло мне труда находить вещи и открывать завесы.

Конечно, если вещь была утеряна, то я не могла к ней прикоснуться, по-другому их невозможно потерять. Но люди повсюду оставляли следы.

Что они ели во время обеда, какой фильм хотели смотреть вечером, что считали о своих так называемых лучших друзьях.

Обычно было достаточно скользнуть кончиками пальцев по письменному столу парня или покопаться в сумке девушки, чтобы получить довольно хорошее представление о том, где он оставил кошелек или где она посеяла свой мобильник.

И если я с первого раза не определяла местоположение потерянного предмета, то просто продолжала прикасаться к вещам, пока не находила его, или пока образ того, кто возможно украл эту вещь не появлялся перед моим внутренним взором.

Как например, изображение Дафны Круз, которая забрала браслет с письменного стола Карсона. Иногда я чувствовала себя как Калле Бломкист или скорее как Гретель, которая шла по следу из хлебных крошек, до тех пор пока не находила то, что искала.

Существовало даже название для того, что я умела — психометрия. Элегантное, псевдонаучное наименование того, что в моей голове появлялись образы и отражались чувства других людей, хотела я того или нет.

Тем не менее, часть меня хотела знать тайны других: все эти большие и маленькие секреты, которые они прятали от других, а иногда и от самих себя.

Это придавало мне чувство, что я была умна, сильна и могущественна, и пробуждало во мне глубокую решимость не совершать глупостей, как например: фотографироваться в нижнем белье для парня.

Конечно, находить потерянные мобильники не самая гламурная работа в мире, но это было лучше чем поджаривать картошку в Макдональдсе.

А здесь на мифах я зарабатывала немного лучше, чем в своей старой школе. Там я была бы счастлива, получив всего двадцать долларов за находку браслета, вместо двух сотен, которые дал мне Карсон. Дополнительные деньги были одной из немногих вещей, которые я любила в этой придурковатой Академии.

— Где он был? — спросил Карсон. — Браслет, я имею в виду. — в какой-то момент я хотела выдать Дафну и рассказать Карсону о ее чувствах к нему. Но после того, как Валькирия не очень дружелюбно пообщалась со мной и совсем чуть-чуть угрожала мне, я решила, что лучше сберегу эту информацию для более плохих времен.

Так как у меня не было денег, отсутствовала сила, а также незначительный уровень магии, по сравнению с остальными учениками Академии, информация была моей единственной защитой. Я не видела никакой причины, почему я не должна была собирать её на все случаи жизни.

— О, я нашла его за твоим письменным столом в общежитии, — ну, по крайней мере, подвеску розы. Она застряла между письменным столом и стеной.

Карсон нахмурил лоб.

— Но я же искал там. Я знаю, потому что обыскал всё.

— Я понимаю, но, возможно, ты искал не достаточно хорошо, — ответила я невозмутимо, прежде чем достать книгу по истории мифов из сумки.

Карсон открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но в этот момент профессор Метис постучала по столу старинным серебряным скипетром, который она использовала как указку.

У Метис было греческое происхождение как у многих профессоров и учеников академии. Она была маленькой, коренастой женщиной с кожей цвета бронзы и черными волосами, которые она всегда собирала в пучок на голове.

На ней был зеленый брючный костюм, а на носу сидели серебряные очки.

Она производила впечатление строгой и серьезной, но Метис была одной из лучших преподавателей в Мифической Академии. По крайней мере, она пыталась сделать историю мифов интереснее, когда во время урока нам приходилось решать загадки, мы могли играть в игры, вместо того чтобы просто заучивать факты наизусть.

— Откройте ваши книги на странице тридцать девять, — сказала профессор Метис, пока ее

мягкие, зеленые глаза перемещались от одного ученика к другому. — Сегодня мы еще немного поговорим о Пантеоне, воины которого боролись, чтобы победить Локи и его жнецов хаоса.

Видимо, сегодня был не один из занимательных дней. Я закатила глаза и последовала ее указаниям.

В дополнение к тому, что я ходила в школу со всеми этими мифологическими детьми-воинами, мне приходилось еще учить их глупую историю. И, конечно, существовала группка хороших магов, которые объединились под именем Пантеон, чтобы бороться против группы злых магов, которых называли жнецами и которые хотели высвободить хаос.

До сих пор профессор Метис говорила довольно неопределенно о том, чем именно был Хаос, и я мало внимания уделяла этому магическому фокусу-покусу.

Мое мнение — это обозначало смерть, разрушение и бла-бла-бла. Мне больше нравилось читать комиксы, которые я носила в своей сумке через плечо.

По меньшей мере, частично они были связаны с реальностью. Ведь генетические мутации действительно существовали.

Но дерущиеся друг с другом боги и богини, которые порождали магических вундеркиндов, чтобы довести до конца античные войны в современном мире?

С мифическими монстрами, которые участвовали в этом ради удовольствия? Я, действительно, не была уверена, верю ли я во все это. Но здесь все верили.

Для них мифы были не просто сказками, они были историей, даже фактом, и все было абсолютно реальным.

Пока профессор Метис рассказывала о том, какими злыми были жнецы, я пристально смотрела в окно и всматривалась в свое отражение.

Кудрявые коричневые волосы, несколько веснушек на моей по-осеннему бледной коже и глаза странного пурпурного цвета, который усиливался от цвета моего капюшона.

"Пурпурные глаза — улыбающиеся глаза," — всегда говорила моя мама.

У нее были глаза того же цвета, но мне всегда казалось, что у нее они выглядели удивительно красиво, в то время как меня они только уродовали.

Глухая боль охватила мое сердце. Не впервые мне хотелось вернуть время назад и позаботиться о том, чтобы все встало на свои места, как это было раньше, до того как я пришла в Мифическую Академию.

Шесть месяцев назад я была обычным подростком. Ну, настолько обычной, насколько могла быть девушка со странным даром.

Но цыганский дар передавался в моей семье по наследству. Моя бабушка, Геральдина, могла смотреть в будущее.

Моя мама, Грейс, могла определить на слух, врут люди или говорят правду. Я же могла видеть вещи, знать и чувствовать их, когда прикасалась к человеку или предмету.

Но наши цыганские дары были просто способностями, немного сенсационными навыками, и я не особенно размышляла над этим. Ни о том, откуда они взялись, ни о том, обладали ли другие люди похожей магией.

До того дня, пока я не коснулась расчески Пейдж Форрест после занятий спортом.

Мы были в раздевалке после баскетбола и переодевались. Я ненавидела баскетбол, потому что была совершенно бездарной. Действительно, я была просто ужасна.

Так плохо, что я умудрялась попасть самой себе в нос, пытаясь забросить мяч в корзину.

После занятий мне было жарко, одежда пропитывалась потом, и я хотела завязать волосы в хвост.

Расческа Пейдж лежала на скамейке между нами. Пейдж не была мне близкой подругой, но мы принадлежали к одинаковой группе полупопулярных девушек, к тому же относительно умных.

Иногда мы делали что-нибудь вместе, если встречались наедине. Итак, я спросила ее, могу ли я воспользоваться ее расческой.

Пейдж смотрела на меня несколько секунд, и в ее глазах застыло выражение, которое я не могла объяснить.

– Конечно.

Я подняла щетку, и даже не задумалась над тем, что могла почувствовать что-то. Несмотря на мою психометрию, я едва ли получала информацию от будничных предметов: ручки, компьютеры, тарелки или телефоны – вещи в общественных местах, которые использовали многие люди и выполняли простые, определенные задачи.

Настоящая сенсация, глубокие, оживленные видения с высоким разрешением начинались только, если я касалась вещей, к которым люди имели личное отношение, как, например, любимая фотография, с которой связаны особые воспоминания.

Но как только расческа оказалась в моей руке, я увидела Пейдж у себя в голове, которая сидела на своей кровати со взрослым мужчиной. Он расчесывал ее длинные, черные волосы в сотый раз, как будто делал так всегда.

Когда мужчина закончил, то развязал халат Пейдж, заставил ее лечь на спину и начал прикасаться к ней, прежде чем расстегнул свои брюки.

В этот момент я начала кричать и не могла больше остановиться.

Приблизительно через пять минут я упала в обморок. Моя подруга Бетани рассказала, что я продолжала кричать даже, когда приехал врач, чтобы отвезти меня в больницу.

Все думали, что у меня эпилептический припадок или что-то в этом роде.

Все же я думаю, что Пейдж знала о моей даре и моих способностях. Двумя неделями раньше она попросила меня найти ее пропавший мобильный телефон.

Я прошлась по комнате Пейдж и прикоснулась к ее письменному столу, ночному столику, сумкам и книжным полкам. Наконец, в моей голове промелькнула картинка ее маленькой сестры, которая украла телефон, чтобы прочитать СМС Пейдж.

Иногда я спрашиваю себя, специально ли Пейдж положила расческу на скамейку, чтобы я взяла ее. Просто для того, чтобы кто-то узнал, чтобы кто-то почувствовал тому, через что ей пришлось пройти.

Позже в этот день я проснулась в больнице. Моя мама, Грейс, была там, и я рассказала ей, что увидела. Так нужно поступать, если с подругой происходит что-то ужасное.

Я сделала это еще и потому, что моя мама была следователем в полиции, которая потратила свою жизнь на то, чтобы помогать людям. Я хотела бы однажды стать похожей на нее.

Этим же вечером моя мама арестовала отца Пейдж за изнасилование. Грейс позвонила мне и сообщила, что теперь Пейдж в безопасности. Она пообещала мне, что будет дома через час, так как ей нужно еще подготовить отчет.

Она не пришла домой.

Этим вечером в машину моей матери врезался пьяный водитель, после того, как она покинула полицейский участок. Бабушка Фрост объяснила мне, что она умерла сразу.

Она даже не заметила, как машина мчалась на нее, и не почувствовала боли при ударе.

Я постоянно надеялась, что это соответствовало правде, потому что моя мама была настолько покалечена во время аварии, что во время похорон гроб оставался закрытым. По крайней мере, так я помнила.

После этого я не вернулась в старую школу. Мои друзья были супер милыми, особенно Бетани, но я не хотела никого видеть. Мне не хотелось ничего делать, только лежать в постели и плакать.

Но через три недели после похорон мамы, профессор Метис появилась в доме моей бабушки Фрост.

Я не знала точно, что Метис сказала ей, но тогда бабушка объявила, что самое время мне пойти в Мифическую Академию, чтобы научиться пользоваться моим цыганским даром.

Я думала, что уже довольно хорошо контролировала свою психометрию, и никогда в действительности не понимала, что моя бабушка имела в виду, когда сказала, что мне уже давно пора идти в Мифическую Академию...

—... Гвен?

Мое имя вырвало меня из воспоминаний.

— Что?

Метис смотрела на меня поверх своих очков.

— Я спросила тебя, какая богиня отвечала за победу Пантеона над Локи и жнецами.

— Ника, греческая богиня победы, — автоматически ответила я.

Профессор Метис нахмурила лоб.

— Откуда ты это знаешь, Гвен? Я не называла Нику. Ты уже прочитала следующую главу? Очень усердно.

Именно этим я и занималась вчерашним вечером, так как мне было невероятно скучно и ничего интересного не шло по телевизору.

Из-за недостатка друзей среди мифов особого выбора у меня не было.

Я не ожидала, что Метис хотела разоблачить меня, сказав это, но все же тихое хихиканье раздалось в комнате.

Я покраснела и съехала вниз по стулу.

Великолепно. Теперь все будут считать меня честолюбивой цыганкой, которой больше нечем заняться, как учить историю.

Вероятно, это было правдой, и быть может, я невероятно горда своим индивидуализмом, но я не хотела, чтобы другие узнали об этом.

И тогда меня удивило то, что я не представляла, откуда знала ответ на вопрос Метис.

Не могла вспомнить упоминание Ники в главе, которую прочитала.

Но после всех странностей, которые происходили со мной в Академии, я постаралась отбросить этот вопрос.

Профессор Метис призвала юношу, который смеялся громче всех, строгим взглядом к молчанию, прежде чем поставила перед ним еще более сложный вопрос о жнецах.

Как только я была уверена, что Метис больше не спросит меня, я снова вернула свой взгляд к окну и продолжила размышлять о том, что была виновата в смерти моей матери, когда подняла расческу не той девушки.

Глава третья

В этот день история мифов был моим последним уроком. Так что как только прозвенел звонок, я бросила книжки в сумку.

— До скорого, Гвен.

Крикнул Карсон Каллахан за моей спиной, пока засовывал пластиковый пакет в карман дизайнерских штанов. Я кивнула ему, перекинула сумку через плечо и пошла.

Я прошла в переполненный холл, выбрала ближайшую дверь и вышла на улицу. Сердцем Мифической Академии были пять зданий: для изучения математики и естественных наук, здание английского языка и истории, спортзал, столовая и библиотека.

Все они располагались как пять вершин одной звезды. Несмотря на то, что я уже пять месяцев посещала эту школу, здания все еще выглядели для меня одинаково: темно-серые каменные стены, которые покрывал густой плющ.

Большие, зловещие готические сооружения с башнями, зубцами и конусами. На всех зданиях пристроились статуи, сидящих на корточках, различных мифических монстров таких как Грифы и Драконы. Их рты были открыты в немом рычании.

Между пятью зданиями находился огромный зеленый двор, который пересекали несколько извилистых дорожек. За ним была бегущая вниз дорога, тянущаяся до общежитий и других сооружений, которые считалась роскошной школьной территорией.

Несмотря на октябрьский холод везде была зеленая трава, и тут и там большие клены и дубы раскинули свои ветви над лугом, листья которых имели кроваво-красные и ярко-оранжевые цвета.

Я застегнула куртку с капюшоном, сунула руки в карманы и пошла напрямик через двор, уклоняясь от групп учеников, которые остановились, чтобы побеседовать, или вытащили свои мобильники, чтобы прочитат смс. Я уже наполовину пересекла площадь, когда высокий, мелодичный смех достиг моих ушей.

Я обернулась и заметила Жасмин Аштон, которая стояла под большим кленовым деревом в середине двора.

Жасмин Эштон была самой популярной девочкой в моем классе, который состоял из семнадцатилетних учеников на втором году обучения. Кроме того, Жасмин была Валькирией с белокурой копной волос, ярко-синими глазами и самыми дорогими дизайнерскими тряпками, которые можно было купить за деньги.

Она была такой девушкой, рядом с которой каждый выглядел невзрачно, даже ее стройные, восхитительные, подобно одетые подруги. Жасмин сидела на железной лавочке под кленовым деревом, смотрела на ноутбук, который она держала на коленях и хихикала вместе с Морган МакДугал, ее лучшей подругой.

Со своими черными кудрями, коричневыми глазами, пышным телом и супер короткими юбками, которые Морган всегда носила, она выглядела всего лишь немного хуже и была немного менее популярна чем Жасмин.

Это делало ее второй по счету дивой в нашем классе. Имея репутация супершлюхи, которая спала со всеми подряд, Морган все же заботилась о том, чтобы быть номером один для парней. Конечно.

Две другие девушки сидели рядом с Жасмин и Морган, в то время как Дафна Круз валялась на шерстяном одеяле. Принцессы валькирии имели стадное чувство.

Девушки были не одни. Позади Жасмин стоял Сэмсон Соренсен и массировал ее плечи с

благочестивой преданностью раба. Неудивительно, ведь Викинг был другом Жасмин и, более того, одним из самых милых парней в школе.

Волосы песочно-коричневого цвета, карие глаза, ямочки. Сэмсона можно было принять за модель Кельвина Кляйна. Кроме того, он был капитаном сборной по плаванию. Ведь здесь не было футбола.

Все ученики Мифической Академии занимались особенными, чопорными видами спорта: плавание, теннис, стрельба из лука, либо фехтование. Правда, фехтование. Зачем вообще это нужно?

Видеть Жасмин и Сэмсона вместе, было похоже на то, как будто лицезрешь оживших Барби и Кена в натуральную величину, настолько совершенно они выглядели рядом. Словно, они были созданы друг для друга.

Другие ученики Мифической Академии не хотели обращать на меня много внимания, но я все равно слышала огромное количество интересных сплетен.

Согласно слухам в райском мире идеальной пары появились разногласия. По-видимому, Сэмсон был готов, действительно, сделать ЭТО после того, как Жасмин и он уже год встречались. Но она все еще не хочет отдавать свою девственность...

Я была так увлечена, глядя на группу, что столкнулась с парнем, который пересекал двор в другом направлении. И конечно же моя сумка слетела с плеча, и мои книги были разбросаны по траве. У таких девушек, как я всегда так случается.

– Мне очень жаль, – пробормотала я, упала на колени и пыталась втиснуть все обратно в сумку прежде, чем кто-нибудь мог увидеть вещи более точно. Особенно уже пустую коробку шоколадного печенья, которую бабушка Фрост для меня испекла, и комиксы, которые также выпали из сумки. Разноцветные страницы двигались на ветру, как крылья стрекозы.

Вместо того, чтобы обойти меня, как я на самом деле и ожидала, парень решил встать рядом со мной на колени. Я кратко взглянула на него. Понадобилась всего лишь секунда, прежде чем я поняла, кто это, но потом я замерла. Я столкнулась с Логаном Куином.

Оу, оу.

Даже среди богатых детей воинов в академии Логан Куин был человеком, который каждому внушал страх. Он делал, что хотел и когда хотел. И очень часто это значило боль других людей.

Все в Логане так и кричало "опасный бунтарь", все от его густых чернильно-черных волос, ярко-голубых глаз и до черной кожаной куртки, которая подчеркивала его широкие плечи. Конечно, он выглядел сексуально грубым. "Я только что вылез из кровати одной девушки" – будто говорило все в нем.

Видимо Логан соответствовал своей репутации и уже переспал с большинством, если конечно не со всеми крутыми девушками в школе. Он скорее всего, подписывал матрасы тех, с кем ему удалось дойти до постели, чтобы их отслеживать.

Остальные мальчики начали делать то же самое, даже если не с таким же успехом как у Логана. За исключением, может быть, комнаты Морган Макдугал.

Кроме того, Логан Куин происходил из длинного ряда Спартанцев. Да, те самые Спартанцы, воины, которые во время древнего Фермопильского сражения сдерживали тысячи противников, до того, как большинство из них кусало траву.

Битва, которую пробудил к жизни Джерард Батлер вместе с его кубиками пресса в "300 спартанцев". Три недели назад профессор Метис показывала нам этот фильм на уроке, прежде чем объяснить нам историческое значение битвы.

Но пресс Джерарда настолько впечатлил меня, что я витала в облаках, вместо того, чтобы слушать Метис.

В Академии было всего лишь несколько Спартанцев, но другие ученики относились к ним как к сырым яйцам. Даже самые богатые и дерзкие среди них знали, что лучше обходить Спартанцев стороной.

Причиной было то, что Спартанцы были бесспорно лучшими воинами в Академии. Спартанцы были врожденными воинами. Это было все, что они могли. Это было все, что они когда-либо делали.

В отличие от других Логан Куин не носил с собой оружия. Насколько я видела, остальные Спартанцы делали также.

Для этого у них не было необходимости. Спартанцы славились тем, что им требовалось всего лишь подержать какое-либо оружие или какую-либо вещь в руке, чтобы сразу понять, как ей убивать. Честно. Логан Куин был таким человеком, который мог бы убить меня с помощью конфеты, забив мне ее в глаз.

Иногда я не была уверена в том, верю ли я во все это безумие. Спартанцы, Валькирии, Жнецы. Порой я спрашивала себя, не сижу ли я в каком-то сумасшедшем доме и просто мечтаю. Как Баффи.

Но если бы это было так, то не больше ли мне удовольствия доставило бы, если бы я представила себя в роли принцессы Валькирии или кого-то...

Логан протянул руку к одному из интереснейших комиксов "Супер-женщина", который был в моей сумке. Это движение вывело меня из ступора.

– Отдай сюда!

Я резко подняла комиксы с травы, потому что не хотела, чтобы Логан Куин заразил мои вещи своим жуткими, спартанскими, уничтожающими психическими колебаниями.

Это легко могло произойти, если он прикоснулся бы к ней. Вещи наполнялись чувствами, когда люди касаются их, используют их или что-то делают с ними. Я убрала комикс "Супер-женщина" в сумку, вместе с остальными и пустую банку в форме шоколадного кекса, в которой когда-то и лежали кексы.

Логан приподнял бровь, но не стал комментировать мой приступ паники.

– Мне очень жаль, что я налетела на тебя, – снова пробормотала я, вставая. – Не убивай меня, ладно?

Логан поднялся на ноги, и на этот раз его рот растянулся в чем-то, что напоминало улыбку.

– Даже не знаю, – проворчал он. – Убить девочку-цыганку слишком легко. Для этого мне понадобится около секунды.

Его голос был более тихим, чем я ожидала, полновзвучный и немного грубый. Я подняла голову с удивлением и заглянула ему в лицо и заметила в его глазах искорки радости.

Я нахмурила лоб. Я не хотела неприятностей, уж точно не с таким опасным парнем как Логан Куин.

– Ну, у этой девочки-цыганки есть бабушка, которая может случайно проклясть тебя так, что твой член почернеет и отвалится. Будь осторожен, Спартанец.

Это конечно не было правдой. Моя бабушка Фрост видела будущее. Она не проклинала людей – по крайней мере, насколько я знала. Иногда было сложно сказать что-то о бабушке. Но Логану Куину не обязательно знать, что я блефую.

Вместо того, чтобы выглядеть запуганно, он снова скривил рот в полуулыбке.

– Я лучше посмотрю, как ты уходишь, цыганка.

Я нахмурила лоб. Что это было? Он действительно флиртовал со мной? Я не была уверена, но и не хотела оставаться, чтобы узнать. Я следила за Логаном Куином, в то время, как протиснулась мимо него и поспешила дальше.

Но почему-то его тихий смех преследовал меня по всей дороге через двор.

Я оставила плоский, травянистый двор позади, побрела сквозь общежитие и другие маленькие постройки, и достигла края школьной территории, где каменная стена, в высоту почти четыре метра, отделяла Мифическую Академию от остального мира.

Слева и справа от стены сидели два сфинкса, которые смотрели через решетку, разделяющую нас. Вообще-то ворота и стены были заколдованы, укреплены заклинанием и другими фокусами-покусами, так чтобы войти могли только люди, относящиеся к Академии: ученики, учителя и т.д.

Когда в начале осеннего семестра я пришла в Академию, профессор Метис остановила меня перед воротами, прямо около сфинксов, пока шептала несколько слов.

Статуи не шевелились, не моргали, ничего не делали, кроме как неподвижно сидели на своих постаментах, но все же я почувствовала в каменных фигурах что-то, некую древнюю, старую, могущественную силу, которая могла разорвать меня на куски, если я сделаю хоть один неправильный вдох.

Это был мой первый опасный опыт в Академии. И, к сожалению, не последний.

После того как Метис закончила свое песнопение, колдовство или что бы то ни было, она объяснила мне, что теперь я могу входить на территорию школы в любое время. Словно я получила пароль к тайному убежищу супергероев или чему-то такому.

Я не знала точно, что произошло бы, если бы кто-то чужой, например злой Жнец, попытался перелезть через стену или проскочить через ворота. Но я предполагала, что сфинксы с длинными согнутыми когтями были не только декорацией.

Здесь я размышляла над массой вещей, которые я предпочла бы забыть.

Кроме того Метис объяснила мне, что сфинксы предназначены для того, чтобы держать людей подальше, а не для того чтобы держать под стражей учеников, и мне не стоит бояться их.

Мне все равно было тяжело бояться чего-то, во что я не особо верила. По крайней мере, я внушала себе это каждый раз, когда выходила из кампуса.

Я осмотрелась и убедилась, что никого не видно. Затем подбежала к воротам, повернулась боком, втянула живот и протиснулась между решетками.

Я не смотрела на сфинксов, но ощущала их пристальный взгляд на себе.

"Они просто статуи, – успокаивала я сама себя. – Просто статуи. И к тому же ужасные. Они ничего не могут мне сделать. Не так ли?"

Через секунду я была снаружи, вздохнула и пошла дальше. Я не обернулась и не посмотрела на статуи, чтобы определить, наблюдают ли они за мной. Все равно, верю ли я в магию сфинксов или нет, но я была достаточно умна, чтобы не испытывать судьбу.

Вообще-то ученикам не разрешалось покидать территорию кампуса в течение недели. Поэтому ворота были закрыты. Профессор Метис и другие преподаватели школы предпочитали, чтобы воины-ученики всегда были на виду. По крайней мере, в будние дни.

Но я выбиралась с территории, с тех пор как два месяца назад поступила в Академию, и видела, как другие ученики делали тоже самое. По большей части, чтобы купить пиво и сигареты.

Что такого ужасного они могли сделать? Выгнать меня? После всех тех вещей, которые я

увидела здесь, я бы обрадовалась возвращению в обычную старшую школу. Я бы даже перестала жаловаться на плохую еду в кафетерии, по крайней мере, не так громко.

Академия могла создать свой собственный маленький мир, но по другую сторону стены все выглядело удивительно нормальным. Сайпресс-Маунтейн милый, небольшой независимый городок. Перед школой проходила двухполосная улица, и прямо напротив внушительных ворот с шипами находились магазины.

Книжный магазин, пара кафе, несколько бутиков с дорогой одеждой и аксессуарами, даже автомобильный салон с Астон Мартин и Кадилаками. И конечно пара магазинов с элитными винами, которые давали возможность ученикам Академии хорошо проводить время на вечеринках, несмотря на алкогольный запрет.

Магазины расположились здесь, чтобы использовать платиновые кредитные карты и почти бездонные фонды учеников-мифов.

По-видимому, давным давно Боги и Богини вознаградили своих мифических воинов полными мешками золота, серебра и драгоценностей, и различные потомки этих воинов заботились о деньгах и приумножили их с годами. Это было причиной, почему все дети в Академии были богаты.

Я выждала пока проедут ближайшие машины, пересекла дорогу и пошла к автобусной остановке в конце улицы. Мне пришлось подождать всего пять минут, как появился автобус, выполняя послеполуденный рейс, чтобы отвезти в город туристов или кого-то другого, кто хотел покинуть Сайпресс-Маунтейн, .

Через несколько километров и двадцатью минутами позже я вышла в квартале, который находился всего в паре улиц от элегантного центра города Эшвилл с его антикварными магазинами и ресторанами.

Сайпресс-Маунтейн был улучшенной версией Олимпа, битком набитый богатыми воинами-учениками, а Эшвилл – просто местом, где жили обычные бедные смертные. Здесь находились более старые, обветшалые дома, в основном двух- или трехэтажные здания, поделенные на квартиры.

Бабушка Фрост провела всю жизнь в своем доме, а мама и я жили всего в нескольких километрах от Эшвилла, но в более современном и скромном квартале. По крайней мере, мне не пришлось проехать полстраны или что-то в этом роде, чтобы начать посещать Академию.

Я не верю, что могла бы жить далеко от бабушки Фрост. Она была единственной семьей, которая у меня осталась после смерти мамы. Мой отец, Тир, умер от рака, когда мне было два, и я совсем его не помнила. Остались только поблекшие фотографии, которые мама показала мне.

Я дошла до конца квартала и запрыгнула на бетонные ступеньки, ведущие к двухэтажному дому, окрашенному в бледно-лавандовый цвет. Маленькая вывеска рядом с входной дверью гласила: Светлая провидица здесь.

Я открыла входную дверь своим ключом. Когда я вошла в коридор, справа от меня закрылась тяжелая, черная лакированная дверь.

За ней были слышны голоса. Кажется, бабушка Фрост как раз предсказывала кому-то будущее. Бабушка использовала цыганский дар, чтобы заработать дополнительные деньги, также как и я.

Я прошла по коридору, который тянется через весь дом, и свернула налево на кухню. В отличие от остального дома, с темными деревянными панелями и печальными серыми коврами, на полу кухни была белая плитка, а стены покрашены в небесно-голубой цвет.

Я бросила сумку на стол и достала сотню, которую мне дал Карсон Каллахан, из кармана

джинс. Затем затолкала деньги в банку, которая выглядела как огромный шоколадный кекс. Она была очень похожа на банку в моей сумке.

С тех пор, как я начала ходить в Мифическую Академию, я отдавала бабушке Фрост половину денег, которые зарабатывала. Да, у бабушки было достаточно своих денег, больше чем надо, чтобы держать нас обеих на плаву. Но мне нравилось хоть немного помогать, особенно после того как мамы не стало.

Кроме того, это давало мне возможность сделать что-то хорошее с моим цыганским даром, опустим то, что приходится искать потерянные бюстгалтеры девушек, которые сами должны были бы знать, где они вообще их сняли.

Я осмотрела оставшиеся купюры в банке. Там было еще две сотни и несколько полтинников и двадцаток, видимо, у бабушки была хорошая неделя с предсказаниями.

Из другой комнаты все еще доносилось бормотание, поэтому я открыла холодильник, сделала себе томатный сэндвич с солью, перцем и немного укропа. И в конце я закончила произведение толстым куском острого сыра и большим количеством кремового майонеза.

Все это я сложила на кусок моего любимого хлеба из кислого теста. На десерт я отрезала кусок сладкого воздушного тыквенного пирога, который бабушка оставила в холодильнике. Я облизнула остатки творожной начинки с ножа. Хммм. Так вкусно.

Все женщины Фрост были не только обладателями цыганского дара, но и ужасными сладкоежками. Честно, если что-то содержало сахар или шоколад, а лучше и то, и другое, бабушка и я сразу поглощали его.

Моя мама была такой же. Бабушка была прекрасным поваром и еще лучшим кулинаром, так что на ее кухне всегда были сладкие штучки, обычно только что из печи.

Я съела обед и собрала остатки пирога из тыквы с тарелки, затем все убрала. Как только все было сделано, я достала мой комикс "Супер-женщины" и уютно устроилась за кухонным столом, чтобы подождать, когда бабушка Фрост закончит со своим клиентом.

Да, вероятно, моя любовь к супергероям делала меня еще более странной, чем я и так была, но мне нравилось читать комиксы. Рисунки были первоклассными, характеры интересными, а героиня всегда выигрывала в конце, все равно какие катастрофы происходили до этого. Я хотела бы, чтобы моя жизнь была такой.

Тогда моя мама смогла бы пережить автокатастрофу, так как многие из моих героев делали это в комиксах.

Старая, привычная боль распространилась в моем сердце, но я откинула печальные мысли и погрузилась в историю, затерялась в приключениях, до тех пор пока не смогла забыть, или почти забыть, насколько ужасной была моя жизнь.

Я как раз перевернула последнюю страницу, когда на кухню вошла бабушка.

Геральдина Фрост была одета в пурпурную блузку из тонкого шелка, в сочетание с длинными черными брюками и шлепанцами, которые были загнуты вверх впереди и выглядели как у джина из бутылки.

Не то чтобы действительно можно было определить, что именно она носила, так как платки укутывали почти все ее тело. Пурпурные, серые, изумрудные. Все эти цвета перемешивались друг с другом, пока фальшивые серебряные монетки звенели на длинных концах бахромы.

Кольца с большими драгоценными камнями были одеты на угловатые пальцы, и вокруг ее правой лодыжки красовалась тонкая серебряная цепочка. Ее волосы стального цвета спадали на плечи, удерживаемые только платком, который она использовала как ленту на голове. На ее румянном, морщинистом лице сияли пурпурные глаза.

Бабушка Фрост выглядела так, как я всегда представляла себе настоящую цыганку, и именно такой образ ожидали увидеть ее клиенты от человека, который мог предсказывать будущее. Бабушка утверждала, что люди всегда платили помимо ее предсказаний, так же и за ее внешний вид. Так что старая, мудрая и таинственная цыганка просто получала хорошие чаевые.

Я не знаю точно, что именно делало нас цыганками. Мы не вели себя как цыгане, о которых я читала. Мы не жили в повозках, не путешествовали из города в город, чтобы красть деньги из сумок. Но меня называли цыганкой, с тех пор как помню и так я видела саму себя.

Возможно, это зависело от того, что я была Фрост. Бабушка объяснила мне, что в нашей семье была традиция, чтобы женщины сохраняли девичью фамилию, так как наш цыганский дар, наша сила, передавалась от матери к дочери по наследству.

Поэтому, несмотря на то, что мои родители были женаты, я получила фамилию мамы Грейс, а не моего отца. Его была Форсети.

Или, возможно, это был наш дар, который делал нас цыганками, странные вещи, которые мы делали и могли видеть. Я не знала, и ни мама, ни бабушка не объясняли мне этого. Вообще-то я и не спрашивала, прежде чем пойти в Академию, где все точно знали, что они могли, откуда произошли и как много денег на счету их родителей.

Иногда я спрашиваю себя, сколько, собственно, знала бабушка Фрост об Академии, подрастающем поколении Воинов, Жнецах и всем остальном. Ведь она не возмущалась, когда профессор Метис появилась у нас, чтобы сообщить, что мне нужно поменять школу.

Бабушка казалось подчинилась судьбе, как будто она всегда знала, что Метис придет, рано или поздно. Конечно, я все рассказала бабушке о странных вещах, которые происходили в Академии, но она даже ни разу не моргнула.

И каждый раз, если я спрашивала ее об Академии и почему я действительно должна была пойти туда учиться, она говорила, что я должна попробовать все и когда-нибудь станет лучше.

Иногда я спрашиваю себя, врала ли она мне, несмотря на то что, она никогда не делала этого раньше.

– Привет, сладкая, – сказала бабушка Фрост, одарила меня поцелуем в макушку и провела пальцем по щеке. – Как дела в школе?

Я закрыла глаза и наслаждалась мягким теплом ее кожи на своей. Я должна была быть осторожной из-за моего цыганского дара, из-за моей психометрической магии, когда я прикасалась к кому-то, или кто-то ко мне.

Если даже предметы оживляли видения, прикосновение с кожей могло вызвать более сильные видения и позволить огромному потоку чувств обрушиться на меня.

Правда. Я могла видеть все, что кто-то делал, знала каждую грязную тайну, которую он пытался спрятать, узнавала хорошее, плохое и действительно ужасное.

Ну, я не была полностью робкой к прикосновениям других людей. Обычно все было в порядке, если речь шла о коротких, мимолетных прикосновениях, случайных контактах, которые происходили когда кто-то давал мне карандаш или я касалась пальцев другой девушки, потому что мы одновременно потянулись за одним куском чизкейка в кафетерии.

И многое из того, что я видела зависело от того, о чем человек думал в этот момент.

В классе, на обеде или в библиотеке я была уверена, что большинство людей вокруг меня только и думали о том, насколько скучно было на уроке или почему в этом месяце подавали лазанью примерно в сотый раз.

Тем не менее я оставалась осторожной рядом с другими людьми, так как меня и учила мама. Хотя одной части меня действительно нравился этот дар, который давал мне возможность узнавать чужие тайны. Да, в этом отношении я была плохим человеком.

Но я уже давно узнала, что самый милый и хороший человек мог иметь самое темное, самое развратное сердце, как отчим Пейдж Форрест. Лучше было точно знать, какими люди являлись на самом деле, чем доверять человеку, который в конечном итоге просто хотел сделать тебе больно.

Я не должна была сомневаться в бабушке. Она любила меня, а я любила ее. Я чувствовала это при каждом ее прикосновении, ее любовь, мягкую и дружелюбную, как теплое одеяло, которое охватило меня с головы до пят. Именно так я чувствовала свою маму, прежде чем она умерла.

Я открыла глаза и пожала плечами, когда отвечала на бабушкин вопрос.

– Более или менее, как всегда. Я заработала двести долларов за находку браслета. Сто из них я положила в банку с печеньем.

Бабушка Фрост не хотела принимать деньги, когда я начала их ей приносить. Но я настояла. Конечно, она не тратила эти деньги, как этого хотела я. Вместо этого она оформила на мое имя сберегательную книжку и отдавала туда заработанные мной деньги. Об этом я на самом деле не должна ничего знать.

Но в один день, когда я искала жвачку в ее сумке я случайно задела рукой ее чековую книжку, и пред моим внутренним глазом предстала картинка того, как она открывала сберегательный счет. Однако я ничего не рассказала бабушке. Я слишком сильно любила ее, чтобы разрушить ее тайну.

Она кивнула, сунула руку в карман и достала оттуда еще одну сотню.

– Я тоже сегодня немного заработала.

Я подняла брови.

– Ты, должно быть сказала, ей что-то очень хорошее.

– Ему, – поправила меня бабушка. – Я объяснила ему, что он и его жена уже в следующем году станут родителями маленькой красивой девочки. Они пытались уже два года зачать ребенка, и надежда медленно покидала его.

Я кивнула. Это было не настолько странно, насколько звучало. Люди приходили к бабушке Фрост и задавали ей самые разные вопросы. Нужно ли им жениться, будут ли у них когда-либо дети, обманывали ли их супруги, какое число они должны использовать в лотерее. Бабушка никогда не врала тому, кому она предсказывала будущее, независимо от того, насколько ужасной была правда.

Иногда она могла помогать людям, я действительно имею в виду помогать. Только в прошлом месяце она сказала одной женщине, чтобы та после работы не шла домой, а переночевала у подруги. Впоследствии выяснилось, что в ту ночь к ней в дом ворвался парень, которого между прочем разыскивали за изнасилование.

Полиция поймала человека, как только он вышел из ее дома с ножом в руке. Женщина была настолько благодарна, что подослала всех своих подруг, чтобы им тоже предсказали будущее.

Бабушка Фрост села напротив меня и начала разматывать некоторые платки. Ткани падали на стол красочными волнами, в то время как монетки на их краях звенели.

– Может быть сделать тебе что-нибудь поесть, милая? У меня есть еще целый час перед следующим приемом.

– Нет, спасибо, я уже сделала себе сандвич. Кроме того, я уже должна возвращаться в школу, – сказала я, вставая, схватила свою сумку и набросила ее себе на плечо. – Сегодня у меня еще смена в библиотеке, кроме того, на следующей неделе мне предстоит сдать сочинение о

греческих богах.

Плата за школьное обучение, подходяще к остальным мифам, была астрономически высока, и мы были не достаточно богаты, чтобы полностью ее оплачивать. Если конечно бабушка не скрывала от меня что-то и не прятала где-то кучу денег.

Возможно, это было действительно так, учитывая то, как таинственно и неточно она говорила об Академии. Во всяком случае, я должна была работать в библиотеке по несколько часов в неделю, чтобы оплатить хотя бы часть расходов на мое обучение, а также проживание и питание. По крайней мере, так утверждал Найкмедс, руководитель библиотеки.

Но мне скорее казалось, что у него была слабость к рабскому труду, и он наслаждался тем, что командировал мной.

Бабушка Фрост взглянула на меня, и вдруг ее пурпурные глаза опустели и стали прозрачными. Казалось, что что-то вокруг меня взбудоражило воздух, что-то старое, бдительное, то, с чем я была знакома.

– Только будь поосторожнее, – пробормотала бабушка в типичном для нее рассеянном виде, который настигал ее когда она видела то, что другие не могут.

Я подождала несколько секунд, чтобы убедиться, не хочет ли она предупредить меня о чем-нибудь конкретном. Возможно о трещине в тротуаре, о которую я могу споткнуться, или о паре книг, которые упадут с полки и непроизвольно ударят меня.

Но бабушка больше ничего не сказала и через мгновение сконцентрировала свой взгляд. Иногда ее видения были не совсем ясны, они скорее ограничивались одним общим ощущением, что должно случиться что-то хорошее или плохое .

Кроме того, ей было сложно разбираться с видениями, которые были предназначены для ее семьи. Чем ближе был человек для бабушки, тем менее объективно она могла его видеть, и тем больше ее чувства мешали ее видениям.

Даже если она и видела что-то, максимум она кратко и грубо описала бы видение, это из-за того, что ее чувства ухудшали ее сверхъестественное восприятие, или она видела только то, что хотела видеть, а не то, что произошло бы в действительности.

Кроме того, бабушка всегда говорила, что я должна принимать свои собственные решения, и на выбор не должны были повлиять ее туманные видения... Поскольку иногда ее видения не сбывались. Люди часто поступали по своему, хотя в видениях бабушки происходило совершенно другое.

На этот раз, видимо, случилось тоже самое, потому что она улыбнулась мне, погладила по руке и пошла к холодильнику.

– По крайней мере, давай я заверну тебе с собой еще немного тыквенного пирога, – сказала она.

Я стояла и смотрела, как бабушка суежилась на кухне. Я не была предсказательницей как она, так как не могла вызывать видения без того, чтобы прикоснуться к чему-то, а также я никогда не могла заглянуть в будущее или что-то в этом роде.

Все же, по какой-то причине холодная дрожь пробежала по спине.

Глава четвертая

К тому времени, как я вернулась на автобусе в Сайпресс-Маунтейн, пролезла через клетку, не бросив взгляд на молчаливо тарашащихся сфинксов и побежала к библиотеке, было уже почти шесть вечера и

сумерки покрывали школьную территорию.

Небо было фиолетово-серым, а темные тени лежали как кровь на зданиях. Я встряхнула головой чтобы отогнать эти странные мысли, и пошла дальше.

Библиотека Древностей была самым большим зданием на территории Мифической Академии и имела самую крайнюю вершину из всех пяти зданий, которые вместе формировали неясную звезду.

Библиотека имела 6 этажей, но у меня всегда было чувство, что ее башни тянулись выше и выше, до тех пор пока не протыкали небо своими острыми верхушками в виде мечей.

Но особенно зловещей делали библиотеку статуи, которые покрывали каждое свободное место: грифоны, головы животных, драконы, что-то, что выглядело как гигантский минотавр.

Фигуры стояли всюду, на широких, низких ступеньках, которые вели к входу, украшали балкон на четвертом этаже и тянулись до углов кривой крыши.

Они были так тонко сделаны, так правдоподобно, что казалось, как будто они действительно когда-то были настоящими монстрами, которые карабкались по зданию, до тех пор пока кто-то или что-то не заставило их застыть.

Я посмотрела на грифонов, которые стояли по краям каменных ступеней. Статуи возвышались надо мной и обе были абсолютно сосредоточены.

Орлиные головы были высоко подняты, крылья сложены на спине, и толстые львиные хвосты обвивали острые, загнутые когти на передних лапах.

Наверное, все из-за моего дара, моей психометрии, но все равно мне казалось, что эти двое наблюдали за каждым моим движением глазами без век.

Как будто стоило мне прикоснуться к ним, и они ожили бы снова, чтобы спрыгнуть с каменного постамента и разорвать меня на куски.

Тоже самое чувство охватывало меня, когда я проходила мимо сфинксов у главных ворот и у каждой другой статуи на территории.

Я дрожала. Убрав руки в карманы своей кофты с капюшоном, поспешила вверх по лестнице и вошла в библиотеку.

Вдоль по коридору я направилась к большой, распахнутой двойной двери, которая вела в главную комнату. Как и все остальное в Академии Библиотека древностей была старой, затхлой и спесивой.

Но я должна признать, что она представляла собой фантастическое место.

Главное помещение библиотеки находилось под огромным куполом, и можно было рассмотреть весь потолок. Кажется, там наверху была фреска, изображение мифических войн, отделанная золотом, серебром и блестящими драгоценностями.

Однако, у меня никогда не получалось, рассмотреть все из-за постоянной темноты на верхних этажах.

Но я могла видеть всех Богов и Богинь. Они окружали весь первый этаж библиотеки, как будто бы они были охранниками и их заданием было наблюдать за учениками.

Статуи стояли на краю изогнутой галереи, разделенные высокими классическими колоннами. Здесь были греческие боги: Ника, Афина и Зевс. Северные боги: Один и Тор.

Богopodobное индейское существо похожее на койота или на белую женщину-буйвол. И все были около десяти метров в высоту и из белого мрамора.

Если подниматься по лестнице на первый этаж, можно пройти мимо их всех к галерее. У

меня никогда не было желания сделать это. Как и грифоны у двери, эти статуи были для меня слишком реалистичными.

Мой взгляд скользнул по Богам и Богиням. Я смотрела на них, стоящих рядом друг с другом, пока пустое место в круглом пантеоне не обратило мое внимание на себя, место, где должен был стоять Локи.

Но здесь не было его статуи, также как и во всей Академии. Я предполагаю, что это как-то связано с тем, что он был плохим парнем и пытался вместе со своими жнецами хаоса разрушить мир.

Он был не из числа богов, в честь которых возводили храмы.

Наконец я закончила рассматривать пустое место и пошла дальше.

Книжные полки тянулись по обе стороны прохода, прежде чем они открывали свободную часть, в которой стояли столы.

Чтобы не прерывать учебу и не покидать библиотеку с целью чем-нибудь перекусить, ученики могли купить себе кофе, энергетические напитки, мафины и другие закуски, предоставленные на свободной тележки справа.

Воздух был наполнен богатым ароматом кофе, который перебивал сухой, затхлый запах книг.

Я пошла дальше, пока не достигла стойки в середине библиотеки, где одалживали книги. Позади стойки находились несколько офисов, отгороженных стеклянными перегородками, которые занимали половину помещения под куполом, отделенные от других.

Я обошла стойку, опустилась на стул рядом с компьютером для посетителей и сняла сумку с плеча.

Я даже не успела вытащить учебник по истории мифов и подумать о моем реферате, как за моей спиной запищала стеклянная дверь, и оттуда вышел Найкмедс.

Найкмедс был руководителем библиотеки древностей. Высокий, худой мужчина с черными волосами, колкими, синими глазами и длинными, бледными пальцами. Он вовсе не был так стар, наверное, около сорока, но он действовал мне на нервы.

Найкмедс любил библиотеку и все книги в ней. Он любил их со страстью, которая была похожа на одержимость серийного убийцы.

Он больше всего не мог терпеть учеников, которые каждый день шатались по его королевству, особенно меня.

Библиотекарь возненавидел меня с первого взгляда, по непонятной причине, и за прошедшие два месяца, которые я находилась здесь, его отношение ко мне ни капельки не изменилось.

– Ага, – заговорил Найкмедс и сложил руки на груди. – Настало время, когда ты наконец пришла, Гвендолин.

Я закатила глаза. Напряженный библиотекарь был единственным, кто использовал мое полное имя.

Я уже просила его, чтобы он не делал этого, но до сих пор довольно безуспешно. Я думаю, что он делал это для того, чтобы рассердить меня.

– Ты опоздала на десять минут, снова, – сказал Найкмедс. – Это третий раз за две недели. Где ты была?

Я не могла рассказать, что сбежала со школьной территории, чтобы посетить бабушку Фрост, так как ученики не имеют права покидать школу в течение недели.

Наконец, это было Великое Правило. Я не хотела доставить неприятности бабушке, или еще хуже не иметь возможности посещать ее дальше.

Кроме того, я уже давно поняла, что гораздо лучше обмануть Найкмедса или других могущественных Мифов в Академии, вместо того, чтобы начинать открытый спор.

Поэтому я просто пожала плечами.

– Мне очень жаль, – сказала я. – Я просто была занята.

Найкмедс прищурил глаза на мой неопределенный ответ и сжимал губы, до тех пор пока они не превратились в тонкую, прямую линию.

– Ну, тогда позволь мне рассказать о новой пьесе, которую я вынес сегодня из архива. Несколько классов получили задание изучить ее в этом семестре, поэтому я уверен, что многие будут задавать тебе вопросы о ней.

В библиотеке находилось несколько витрин, в которых выставлен всякий пыльный хлам, который якобы когда-то принадлежал однажды Богу, Богине, сказочному герою или даже монстру.

Нельзя было пройти вдоль по коридору и не споткнуться о выставочный ящик. Почти каждую неделю Найкмедс выносил что-то новое из архива и выставлял его.

Часть моего задания как помощника библиотекаря состояла в том, чтобы знать достаточно об этой пьесе, чтобы помогать другим ученикам находить правильные книги и другую информацию по теме.

Я вздохнула.

– Что на этот раз?

Найкмедс поманил пальцем, призывая следовать за ним. Мы прошли мимо нескольких столов, которые занимали ученики, пока не достигли большого стеклянного шкафа в центре библиотеки.

В нем находилась простая чаша, которая выглядела будто она была сделана из обычной, коричневой глины. Скучно. Некоторые из мечей выглядели действительно великолепно. Но эта вещь? До ужаса скучная.

– Ты знаешь, что это? – спросил Найкмедс тихим голосом и с горящими глазами.

Я пожала плечами.

– Для меня она выглядит как глиняная тарелка.

Найкмедс вытянул лицо и пробормотал что-то неразборчивое. Вероятно, он снова проклинал мой недостаток в воодушевлении.

– Это не просто глиняная тарелка, Гвендолин. Эта чаша слез.

Он так посмотрел на меня, как будто я должна была знать, что это такое. Я снова только пожала плечами.

– Чаша слез – это контейнер, в который скандинавская Богиня Сигюн поймала змеиный яд, который капал на ее мужа Локи, когда он впервые был в плену у других Богов.

Это было задолго до войны хаоса. Всякий раз, когда Сигюн опустошала чашу, на лицо Локи капал яд и обжигал его, из-за чего он кричал.

Его крики были настолько громкие, что земля сотрясалась даже через многие километры. Поэтому ее называют Чашей Слез. Это невероятно важный артефакт.

Один из Тринадцати Артефактов, за которые бились Пантеон и Жнецы в последней большой битве Войны Хаоса...

Это была невероятно скучная речь и мои мысли сразу уклонились от темы. Еще больше глупых Богов и Богинь. Я не понимала, как Найкмедс их вообще различал друг от друга.

Для меня это являлось проблемой, выбрать одного из греческих Богов, чтобы написать о нем

реферат для мифической истории профессора Метис.

Наконец, после пяти долгих, бесконечных минут, во время которых Найкмедс непрерывно бормотал о каких-то фактах, он все же успокоился.

Один Профессор, который сидел за соседним столиком, подошел и спросил что-то, и библиотекарь мгновенно исчез вместе с ним.

Я встряхнула голову, в попытке отогнать усыпляющее действие лекции, и пошла обратно на свое место за стойкой.

В течении следующих трех часов я выдавала книги, отвечала на вопросы и выполняла другие обязанности прислужника. Библиотека была тем местом, где другим Мифическим ученикам приходилось меня замечать и со мной разговаривать, и то, только лишь бы быть в состоянии сделать свою домашнюю работу.

Из-за того, что ученики не имели права покидать кампус, библиотека была также местом для "зависания" и "быть увиденным".

Кроме того, многие охотно прокрадывались среди полок, чтобы там "перепихнуться". Я уже много раз находила использованные презервативы, когда расставляла книги обратно на свои места. Гадость.

Я не хотела бы потерять девственность на полке полной книг, но в Академии это был последний писк моды. По крайней мере, в этом месяце.

Жасмин Эштон, Морган МакДугал и Дафна Круз были теми, кто приходил во время моей смены.

Три Валькирии попивали холодный мокко и держали в руках малиновые кексы, они заняли столик у кофейной машины, чтобы их замечал каждый, кто заходил и уходил.

Сэмсон Соренсен тоже был здесь, но его мало что еще интересовало кроме спортивного журнала, который он листал.

Через несколько минут Жасмин встала, чтобы повернуться и поговорить с другими популярными учениками, которые сидели сегодня вечером в библиотеке.

Морган и Сэмсон склонили головы, чтобы поговорить, а Дафна видимо пришла, чтобы поучиться, так как она искала отдельный стол.

Когда она увидела меня за стойкой выдачи, бросила на меня злой взгляд. Затем вытащила ноутбук из сумки, открыла его и начала печатать.

Я сдерживаюсь, чтобы не показать ей язык. Это была не моя вина, что Дафна втрескалась в музыкального чудака, а ее злые подруги высмеяли бы ее, если бы она сказала им, что он ей нравится, или еще хуже, что она хотела бы пойти с ним на свидание.

Наконец, около девяти часов библиотека опустела. Ученики собрали сумки и своевременно разошлись по своим комнатам в общежитии, чтобы успеть к комендантскому часу в десять часов.

Найкмедс сообщил, что он должен выполнить кое-что в отделе естествознания, прежде чем закрыть библиотеку. Но вместо того, чтобы просто отпустить меня, библиотекарь подвинул ко мне целую тележку с книжками и объяснил, что я должна расставить их на место, прежде чем он вернется. Как я уже говорила, он действительно ужасно меня бесил.

Но я не могла ничего сделать. Если бы я ушла, не убрав книги, тележка все равно ждала бы меня до моего следующего визита на работу. Найкмедс был таким идиотом.

Так что я толкнула металлическую тележку между полок, схватила несколько книг и начала расставлять их на свои места.

Почти все книги были старыми справочниками, которые на протяжении многих сотен лет трогали ученики, так что большие видения не вспыхивали.

Присутствовало только смутное ощущение студентов, которые листали страницы охотясь за какой-то неясной информацией для своего реферата.

Полагаю, для меня было бы лучше носить перчатки, чтобы избежать видений полностью, и не только в библиотеке. Вы знаете, такие старомодные белые шелковые перчатки, которые достают до локтей.

Но тогда на меня окончательно поставили бы штамп "уродца" – цыганка с манией к перчаткам. И хотя я чувствовала, что не совсем подхожу Академии, мне не хотелось размениваться на мелочи с моей непохожестью.

Я держала глаза открытыми для учеников, которые все еще не закончили свой вечерний "перепихон" среди полок.

На прошлой неделе я зашла за один угол и увидела двоих парней с курса по английскому, которые занимались этим как кролики.

Но сегодня я никого и ничего не слышала, когда проходила по библиотеке и ставила книги на их места на полках.

Все это могло пройти быстрее, если бы эта тележка не была настолько старой и хрупкой и не отъезжала вправо из-за одного сломанного колеса.

Каждый раз, когда я пыталась повернуть за угол с этой глупой вещицей, она таранила какую-нибудь витрину с антиквариатом.

В библиотеке были сотни витрин и все они были похожи на ту, к которой Найкмедс притащил меня в начале моей смены. Блестящие стеклянные ящики, в которых были самые разные вещи.

Кинжал, который принадлежал Александру Великому. Ожерелье королевы войны Боудикки. Украшенный драгоценными камнями гребень, который Марк Антоний подарил Клеопатре в знак его бессмертной любви, до того как их убили.

Некоторые из предметов действительно были классными, и я почти всегда бросала быстрый взгляд на серебряные таблички на витринах, чтобы понимать, что именно находится передо мной.

Я еще ни разу не пыталась открыть один из ящиков, так как их защищало какое-то магическое заклинание, чтобы их не могли украсть.

Но я все равно часто задаюсь вопросом, сколько могли бы стоять эти вещи на eBay, если они действительно настоящие. Наверное достаточно, чтобы заставить Жасмин Эштон, самую богатую девушку Академии, попытаться набить свою дизайнерскую сумку некоторыми вещами из витрины.

Через десять минут я поставила последнюю книгу на место, взяла тележку и покатила ее обратно к стойке выдачи.

Но, конечно, этот металлический каркас обладал собственной волей и направился к следующей витрине. Я смогла остановить ее, прежде чем она ударилась о стекло.

– Придурковатое колесо, – бормотала я.

Я обошла вокруг тележки и попыталась сдвинуть ее в другом направлении, когда серебряный блеск привлек мое внимание, я посмотрела на витрину, рядом с которой стояла.

Там лежал меч, один из сотен в библиотеке. Мой взгляд метался в поисках таблички под стеклом, так как я захотела знать, кому принадлежал меч, и что он с ним делал, что он стал

таким особенным.

Но в этой витрине не было никаких обозначений. Ни серебряной таблички снаружи, ни маленькой белой карточки внутри, ничего. Странно. Все другие витрины, которые я до сих пор видела, были подписаны.

Возможно, Найкмедс забыл о ней, так как она находилась неизвестно где позади всех полок.

Я хотела отвезти тележку по проходу, вернуться назад к стойке выдачи и уже наконец собрать сумку, чтобы исчезнуть до того, как вернутся Найкмедс.

Но по какой-то причине я остановилась и посмотрела на меч еще раз.

Это был действительно простой меч, длинное лезвие из обычного, серебристого металла с рукояткой, которая была немного больше чем моя рука.

По сравнению с некоторым огромным хламом, который я уже видела в библиотеке, это было маленькое оружие.

Все же, что-то в форме меча казалось... заслуживало доверия. Как будто я уже видела его. Возможно, в одной из книг по истории мифов была его фотография.

Вероятно, кто-то из злодеев использовал его во время войны Хаоса, если это действительно происходило. Я тяжело просопела. Скорее всего нет.

Я наклонила голову набок, поглощенная желанием, узнать почему этот меч был так дьявольски интересен. Тогда я поняла, что рукоятка выглядел почти как... лицо.

Как будто половина мужского лица вылита из металла. Была черта в виде рта, насечка в форме носа, закругленная линия уха и даже дуга, которая выглядела как глаз.

Странно. Но лицо не было безобразным. Оно было практически... живым.

Я заметила и слова на мече. Они блестели на лезвии, прямо на ручке, как будто бы они были выцарапаны в металле.

Я прищурила глаза, однако не могла расшифровать их. V-i-c... Вик что-то там, думала я, пока нагибалась вперед достаточно близко, чтобы оставить отпечаток носа на чистом стекле...

БУМ!

Внезапный шум напугал меня. Я отпрыгнула назад и прижалась к книжной полке с широко раскрытыми глазами и учащенным сердцебиением. Что за дьявол это было?

Я не считала себя трусишкой и ни в коем случае не была одной из тех жалких девчонок, которые боятся своей собственной тени.

Но моя мама была следователем. Она рассказала мне разные ужасные истории о людях, на которых нападали или что-то еще более ужасное.

И Библиотека Древностей не была самым теплым, дружелюбным местом, например, как парк летним вечером. В Академии ничего не было дружелюбным.

Теперь, когда я задумалась об этом, поняла, что вокруг не было слышно никаких звуков, пока я расставляла книги.

Ни шелеста одежды, ничего, что как-то позволило предположить, что во всей библиотеке еще кто-то задержался кроме меня...

Что-то холодное и жесткое было у меня в руке. Я посмотрела вниз и заметила, что держу замок от стеклянной витрины.

Я была уже практически готова открыть витрину и достать оттуда меч.

Но более странно было то, что меч пристально смотрел на меня.

Металлический слой на рукоятке сполз наверх, который смотрел на меня холодным, спокойным взглядом. У него был странный цвет, не совсем пурпур, но и не совсем серый.

Тогда мой мозг снова включился и напомнил мне о том, что все это было гиперигиперзлоюще. Я вскрикнула, споткнулась, ударилась плечом о полку и втянула воздух от боли сквозь сжатые зубы.

Но боль смогла слегка прогнать мою панику. Глубоко внутри я знала, что моя фантазия сыграла со мной злую шутку.

У мечей не бывает глаз, даже в таком ненормальном месте как Мифическая Академия. И они ни в коем случае не смотрели пристально на людей. Особенно на кого-то как я, такую неважную, странную девочку-цыганку, у которой были видения.

А этот шум? Вероятно, просто упала стопка книг, которую кто-то криво сложил.

Наверное, он даже намеренно сделал это, чтобы напугать тех, кто так поздно все еще бродил по библиотеке. Что-то подобное уже происходило, особенно со мной.

Я оставалась на месте еще некоторое время, чтобы успокоить свое неистовствующее сердце, затем отошла от полки. Я думала над тем, не схватить ли мне тележку и не отвезти ли ее назад к стойке выдачи, неважно будут колеса катиться или нет.

Но сначала я должна была бросить еще раз взгляд на меч, чтобы убедиться, что не сошла с ума.

Что я не начинаю верить во все эти вещи, который профессор Метис рассказывает нам на истории мифов. Злые боги, древние воины, хаос, конец мира и бла-бла-бла.

Итак, я бросила быстрый взгляд через плечо. Свод, который я приняла за глаз, был просто выпуклостью на рукоятке.

Полностью скрытый, вполне серебристый и нормальный. Больше ничего. И, точно, он не смотрел на меня.

Я облегченно вздохнула. Хорошо. Гвен еще не сошла с ума. Прекрасно знать это.

Я схватила тележку и толкнула ее в направлении стойки. К черту Найкмедса и его плохое настроение. С меня хватит зловещих мечей и странных вещей. Я хочу уйти отсюда. Сейчас.

Я шла между полок и завернула за крайнюю, проделав уже полпути до стойки, когда я заметила движение уголком глаза. Я посмотрела налево.

Тогда я увидела ее.

Жасмин Эштон.

Белокурая Валькирия лежала на спине перед витриной, которую Найкмедс показывал мне. Та с мнимой чашей слез Локи.

Только теперь стекло было разбито и чаши на месте не было.

Кроме того, кто-то перерезал горло Жасмин от уха до уха.

Я замерла в недоумении. Затем пару раз моргнула, но картина не менялась. Разбитая витрина. Украденная чаша. Девочка с большим кровавым разрезом на светлой шее.

Я все еще оставалась на месте некоторое время, ошеломленная, прежде чем мой мозг снова начал работать. Я оттолкнула тележку с дороги и побежала к Жасмин.

Мои ноги подкосились, я протянула руку, чтобы не упасть. Они были в чем-то мокром и липком, и я вздрогнула. Подняв руку, я поняла, что она была покрыта кровью, кровью Жасмины.

Она была повсюду. Под разбитой витриной. Рядом. Капли на деревянных столах. Кровяные

лужи покрывали пол как красная вода, которую никто не вытер.

– Вот дерьмо!

Я дышала слишком быстро, поэтому приказала себе делать глубокие вдохи, как учила меня мама, когда я впадала в панику раньше.

Если я находилась в ужасной ситуации. Через пару секунд я чувствовала себя лучше. По крайней мере достаточно хорошо для того, чтобы найти дорогу к Жасмин.

Белокурые волосы. Синие глаза. Прекрасное лицо. Дизайнерские шмотки. Валькирия выглядела как всегда, кроме пореза на горле и ножа, который лежал рядом с ней на полу.

Длинный изогнутый кинжал из золота с гигантским рубином на рукоятке. Свет играл с драгоценным камнем, как будто он был огромным красным глазом, который наблюдал за мной.

По какой-то причине кинжал был единственным, что не было покрыто кровью. Странно.

Я присела рядом с Жасмин и постаралась не смотреть на страшную рану на ее шее. Я не знала дышит ли она еще или нет, и была ли возможность узнать.

Я должна была прикоснуться к ней.

Но я совсем не хотела этого делать.

Так охотно я узнавала тайны других людей, я точно знала, что мой цыганский дар мгновенно проявится, как только я коснусь кожи Валькирии.

Тогда я увидела бы, почувствовала бы и пережила бы точно то, что перенесла Жасмин, когда ей перерезали горло.

Это было бы также ужасно, как увидеть те страшные вещи, которые творил отчим Пейдж. Возможно, даже еще ужасней.

Но я не могла не сделать этого, так как должна была узнать, жива ли еще Жасмин. Я проходила в прошлом году в старой школе уроки искусственного дыхания, так что возможно я могла помочь, или по крайней мере побежать и привести помощь.

В любом случае я должна была попробовать. Я не могла просто там стоять и ничего не делать, особенно если Жасмин выглядела такой жалкой.

Тогда я присела и протянула дрожащую руку к ее шее. Мои пальцы приближались к ее бледной коже, но прежде чем они смогли прикоснуться, пальцы натолкнулись на барьер.

Я закрыла глаза и закусила губу, потому что ждала, что на меня обрушатся чувства и картинки. Я ждала, что почувствую страх и боль, которые испытала Жасмин.

Ожидала быть поглощенной всеми этими ужасными ощущениями и просто закричать... Я не чувствовала ничего.

Ни страха, ни паники и особенно никакой боли. Ничего.

Я не чувствовала никакого всплеска чувств в теле Жасмин. Никаких колебаний, никаких видений, ничего. Я нахмурила лоб и тверже прижала пальцы к шее.

Затем приложила ладонь прямо к ране на горле.

Все еще ничего.

Странно. Действительно странно. Я всегда вижу что-то, всегда чувствую, особенно когда прикасаюсь к кому-то, в данном случае горло Валькирии, которое было жестоко перерезано.

Уголком глаза я заметила быстрое движение. Но прежде чем успела повернуться, чтобы узнать, что это было, что-то холодное жестко врезалось в мой висок.

Острая боль отняла мое зрение, а затем темнота поглотила меня.

Глава пятая

Первое, что я слышала, когда очнулась, были голоса. Тихие, ровные голоса, которые врезались в мою голову как сверло стоматолога. Они говорили все громче и больше, один за другим. И каждый причинял боль моей голове.

– ... вероятно за чашей. Жасмин была просто на пути...

– ...почему ее убили? Это не имеет смысла...

–... жнецы не поддаются логике...

– Морда, – пробормотала я.

Голоса умолкли. и я медленно провалилась назад в спокойную темноту...

– Гвен? – пробормотал родной голос.

– Мам? – пробормотала я в ответ.

Рука убрала волосы с моего лица.

– Нет, Гвен. Я не твоя мама. Ты можешь открыть глаза? Сделай это для меня.

Тогда я вспомнила. Моя мама умерла. Убита каким-то пьяным шофером. И я застряла здесь с этими воинами-уродами. Мое сердце сжалось и ему на этот раз было больнее чем моей голове. Горячая слеза стекла из уголка глаза. прежде чем я смогла удержать ее. Мне так не хватало мамы. Мне так не хватало всего. Моей старой школы, старых друзей и всего остального, что я потеряла, только потому что я хотела узнать тайны другой девушки...

– Гвен? – позвал голос снова, на этот раз настойчивей. – Давай уже. Открой, пожалуйста, глаза.

Моя голова все еще болела, но через пару секунд я смогла осторожно открыть глаза.

Черные волосы, бронзовая кожа, зеленые глаза, серебряные очки. Лицо профессора расплывчато парило надо мной, и мне пришлось пару раз моргнуть, прежде чем картинка стала яснее.

– Профессор Метис? Что случилось? – спросила я и попыталась сесть.

Метис подложила руку под мою спину и помогла мне. Мой мозг, кажется, все еще плавал некоторое время, пока не нашел свое место и, наконец, мир перестал вращаться.

К моему удивлению я все еще находилась в библиотеке Древностей, хотя уже не на холодном мраморном полу, а на одном из деревянных столов.

И теперь здесь были также другие люди. Например, тренер Эйджекс, большой, сильный, татуированный байкер, который руководил уроком физической культуры и всех тренировал. Он стоял в нескольких метрах от меня и разговаривал с Найкмедсом. Его темная кожа блестела в золотом свете ламп библиотеки, а его мускулы отчетливо изгибались под кожей при каждом движении. Он выглядел как те мужчины, которые могли разбить бетонные блоки голыми руками.

В этот момент оба мужчины повернулись и подошли к нам, будто мой взгляд им помешал. Они оба кивнули профессору Метис, и она кивнула в ответ.

– Гвен, – сказала Метис и положила свою руку мне на плечо. – Я рада, что ты чувствуешь себя лучше.

– Профессор? Что вы здесь делаете? – спросила я все еще растеряно.

Метис указала на двух мужчин.

– Эйджекс, Найкмедс и я состоим в Совете Безопасности школы. Мы отвечаем за безопасность всех в Академии и должны защищать учеников и учителей в равной степени от Жнецов хаоса и других угроз. Так что мы должны выяснить, что здесь произошло сегодня вечером. Как ты думаешь, ты могла бы рассказать мне, что ты видела? Это очень важно, Гвен. Мы ведь не хотим, чтобы еще кого-то... кто-то пострадал.

Пострадал. Ну, это вероятно самое вежливое описание того, что случилось с Жасмин, которое они использовали, чтобы не пришлось сообщать ужасную правду, что на нее напали самым жестким образом.

Я глубоко вдохнула и рассказала им троим, как я работала в библиотеке. Как я только что положила последнюю книгу на полку, когда слышала страшный шум. Как я подумала, что это просто упали какие-то книги. Как я заметила, проходя среди полок, Жасмин, растянувшуюся под разрушенной витриной с разрезным горлом и всю в крови.

– Я подошла, чтобы помочь ей, – сказала я дрожащим голосом. – Я уже протянула руку к ее горлу, хотела пощупать пульс, когда кто-то... кто-то ударил меня.

Я посмотрела в сторону витрины и ожидала увидеть ничего, кроме разбитого стекла. Но Жасмин была все еще там, все еще лежала в лужах своей красной крови, в то время, как ее голубые, опустошенные глаза уставились в потолок.

У меня пересохло в горле.

– Она что...?

– Умерла, – сказал тренер Эйджекс, своим грохочущим, глубоким голосом. – Истекла кровью. Затем на мгновение наступила тишина.

– Ты уверена, что больше ничего не помнишь? – спросила профессор Метис. – Собственно, даже самые мелкие детали, могли бы нам помочь в том, чтобы найти того, кто в ответе за это.

Я еще раз задумалась, попыталась вспомнить, но ничего не приходило в голову. Просто головная боль была слишком сильной. Я подняла руку и прикоснулась к левому виску. Под моими пальцами была шишка размером с кубик льда, и острая боль сразу пронзила голову.

Я опустила руку на колени, посмотрела вниз и заметила, что вся испачкана кровью – кровью Жасмин. Она была всюду, на кроссовках, на футболке и на куртке с капюшоном. Но хуже всего было, что мои руки тоже были в темно-коричневой крови, такой она становится когда высыхает.

Я тяжело дышала и ждала, что моя психометрия активируется и покажет мне как произошло убийство Жасмин, заставляя меня почувствовать всю эту ужасную боль, которую она должно быть почувствовала. Это могло бы начаться в любую секунду. Как происходило всегда.

Но проходили секунды, затем минута, а потом две. И ничего не происходило. Я не получала никаких видений и никаких вибраций от крови Жасмин. Ничего даже самого маленького. Также как я ничего не почувствовала, прикоснувшись к ее телу. Странно. Даже для меня. Вероятно, моя психометрия нарушена или случилось что-то еще из-за моих ужасных головных болей.

Однако в виде исключения я была действительно счастлива, что ничего не вижу. Но даже отсутствие вибраций и видений не помешало моим рвотным позывам от вида крови Жасмин быть на моей одежде и коже. Я сжала руки в кулаки и отвела взгляд.

– Мне очень жаль, но я больше ничего не помню, – сказала я тихим голосом.

– Ну, я думаю, что все это достаточно очевидно, – сказал Найкмедс. – Жнец ворвался в библиотеку и украл Чашу Слез. Жасмин, к сожалению, наткнулась на него и из-за этого была убита.

Не смотря на все то, что произошло, и на мою ужасную головную боль я нахмурила лоб. В моих ушах все звучало неправильно, совершенно неправильно. Прежде всего потому, что Жасмин уже была в этот день в библиотеке. Зачем ей возвращаться так поздно вечером? Особенно без своих подруг? Жасмин никуда не ходила без своего окружения покорных принцесс-валькирий.

Но мысли, которые стреляли в таком же ритме, что и боль в моей голове, были:

– Почему? Почему она, а не я? Почему она мертва, а я жива? Почему меня снова пощадили? Почему я та, кто остаётся, чтобы собирать кровавые осколки?

– Я говорил тебе, что ты идешь на риск, выставляя её, – сказал тренер Эйджекс, – Чаша Слёз, это тот артефакт, который хотят заполучить себе Жнецы Хаоса. Она одна из 13 артефактов.

Найкмедс только пожал плечами:

– Здесь есть дюжина вещей, которые Жнецы хотели бы прибрать в свои руки, и каждое отдельно защищено чарами, которые заботятся о том, чтобы их не забрали из библиотеки. Я просто не понимаю, что именно сделали Жнецы, чтобы забрать чашу, вместо того, чтобы выключить сигнализацию – которая должна была молчать, до тех пор пока он не пробрался в кампус. Ни одно из боевых заклинаний на наружной стене, главных воротах или библиотеке не сработало. Я думал, защитные чары достаточно сильны, тем более, что я сам сегодня утром проверял их.

– По-видимому, недостаточно, – пробормотал Эйджекс.

Оба мужчины зло смотрели друг на друга, пока профессор Метис не встала между ними.

– Довольно, – сказала она, – Я позову группу чистки и сообщу остальным. Я уверена, что председатели захотят усилить меры предосторожности, магически или нет. По меньшей мере, на следующие пару дней, пока мы не будем уверены, что кто бы здесь ни был, не вернётся, чтобы забрать другие артефакты.

Тренер Эйджекс и Найкмедс еще некоторое время смотрели друг на друга, прежде чем оба согласно кивнули. Затем отступили на несколько шагов в сторону и обсуждали, что нужно теперь сделать и кого нужно уведомить о случившемся.

Они не удивлялись произошедшему, как я того ожидала. Это казалось даже... нормально для них. Как будто уже однажды происходило что-то подобное. В моей старой школе преподаватели бы все издергались, если девушка была бы убита в библиотеке. Но здесь видимо таким никого не удивишь. Скорее это всего произошедшее было... неподходящим, так как это означало бумажную волокиту, вынужденные звонки и еще придется убирать кровь. Что-то в этом роде.

Но для меня это не было нормальным, и я не могла делать ничего другого, кроме как смотреть на Жасмину. Такую красивую, такую популярную, такую богатую, и к чему это все ее привело? Ни к чему кроме преждевременной смерти. Я думала о Пейдж Форрест, так похожую на Жасмин. Красива и популярна, но которая скрывала ужасную тайну, ужасный опыт, о котором никто не знал.

Я спрашиваю себя, не было ли чего-то подобного у Жасмин. Была ли у нее тайная причина прийти сегодня так поздно в библиотеку. Было ли еще что-то скрыто за происходящим, кроме проникновения сюда неизвестного злодея, который хотел украсть мифическую Чашу Слез...

– Гвен? – голос профессора Метис заставил меня вздрогнуть. – Я провожу тебя в твоё общежитие, если ты хочешь.

Я в последний раз взглянула на безжизненное тело Жасмин и липкие красные лужи вокруг нее. Казалось, как будто бы Валькирия лежала на огромной красной подушке и не была холодным, истекающим кровью трупом.

По спине пробежала дрожь, когда я отвела взгляд.

– Да, – сказала я. – Это было бы замечательно.

Метис перекинулась еще парой фраз с тренером Эйджексом и Найкмедсом, а затем мы вместе покинули библиотеку. Было уже около десяти часов и двор был пуст. Луна погрузила все в светлый, серебристый цвет, даже двух грифонов на лестнице у входа в библиотеку. Мое дыхание клубилось в холодном ночном воздухе, и я убрала испачканные руки в карманы, чтобы защитить их от холода. Но чтобы я не делала, теплее не становилось.

Мы не обменялись ни словом, пока не прошли половину площади.

– Я знаю, что это должно быть для тебя сложно, Гвен, обнаружить Жасмин в таком положении, – сказала тогда профессор Метис. – Но это не впервые, когда что-то подобное происходит в Академии.

Я распахнула глаза.

– Вы имеете в виду, что учеников убивали и раньше? Здесь в Академии?

Она кивнула.

– Несколько.

– Как? Почему?

– Большинство Жнецами. У учеников было что-то, в чем нуждались Жнецы, или они попались им на пути, также как случилось сегодня с Жасмин. Или ученики работали на Жнецов и сделали что-то неправильно, так что их убивали. В нескольких случаях ученики сами были Жнецами.

Подростки моего возраста? Работали на злодеев? Были сами Жнецами? Я просто не знала, что из этого мне нужно воспринять.

Метис убедительно посмотрела на меня.

– Я знаю, что Академия, этот мир для тебя совершенно в новинку, что ты не во все веришь. Ты не веришь ни в Богов, ни в Воинов, ни в мифы, ни в Войну Хаоса или что-то в этом роде. Я понимаю это, потому что ты всегда смотришь на моих уроках в окно. Если я тебя окликаю, ты называешь мне факты, но ты только физически присутствуешь на уроке.

Ее голос был мягким, но я все же скривила лицо. Я считала, что хорошо скрываю свое неверие. С тех пор как умерла мама, я научилась особенно хорошо играть. Бабушка Фрост рассказывала, что в этой новой школе все в порядке.

Или если говорить обо мне, то мне совершенно все равно, что у меня нет друзей. Я действовала так, как будто для меня совершенно ничего не значит то, что никто со мной не разговаривает. Как будто я была такой сильной и смелой как моя мама, несмотря на то, что каждый вечер мне хотелось только свернуться калачиком в кровати, чтобы поплакать во сне. Я могла видеть тайны других людей, но у меня тоже были несколько, которые я предпочла бы сохранить в секрете.

– Но это реально, Гвен. Все. Не важно веришь ли ты в это или нет, – продолжала Метис. – Жнецы Хаоса повсюду, даже здесь в Академии. Каждый может оказаться Жнецом: родители, преподаватели, школьные друзья. И они сделают все, чтобы получить то, что они хотят.

– Но что именно они хотят? – спросила я. – Почему они – зло?

Метис вздохнула.

– Ты действительно была невнимательна на моих занятиях, не так ли? – я снова скривила лицо.

– Жнецы хотят только одного: вытащить Локи из его тюрьмы, куда его заточили другие Боги. И мы, ученики и преподаватели, здесь, члены Пантеона, воюем с ними, так как хотим предотвратить это. Именно этому ученики учатся здесь. Чтобы научиться, как им управлять своими способностями и магией, чтобы не допустить того, чтобы Локи сбежал из тюрьмы. Поэтому это такой ужасный удар потерять Чашу Слез. Она – старейший артефакт,

обладающий сильной магией, властью, и она приближает Жнецов к освобождению Локи.

Я нахмурила лоб.

– Но что произойдет, если Локи освободится? Что в этом плохого?

– Последний раз, когда Локи был свободен, он собрал армию. Он захотел убить других Богов, поработить смертных и навязать всем свою волю. Сотни тысяч погибли, Гвен. И снова сотни тысяч умрут, если Локи выйдет на свободу. Мир, каким мы его знаем, будет полностью уничтожен.

Итак, Хаос значил смерть, разрушения и бла-бла-бла, как я и предполагала. Дальнейшая война тех самых, кто уже боролся раньше. Но на этот раз по спине пробежала холодная дрожь, когда профессор Метис говорила об этом. Как будто это было, в самом деле, реально. Как будто бы это могло происходить, в самом деле.

Мы оставили главную площадь позади и вышли на маленькую дорогу, которая вела к общежитиям. Общие спальни учеников были уменьшенными версиями главных корпусов: огромное количество серого камня, масса плотного зеленого плюща и бесчисленные зловеющие статуи повсюду.

Откуда-то Метис знала, что я живу в общежитии Стикс, хотя я не говорила ей об этом. Она проводила меня прямо до входной двери. Так как комендантский час, в течение недели, для учеников был до десяти, и двери после этого закрывались автоматически, Метис пришлось провести перед сканером своей картой профессора, чтобы их открыть.

Я могла бы ей сказать, что ей не нужно особенно стараться. Позади здания есть высокое финиковое дерево, мощные ветви которого доставали до второго этажа. Замок у окна был испорчен, и какая магия сможет удержать учеников в здании или злодеев на улице, если ее уже давно можно обойти. Теперь все девочки использовали окно и дерево, чтобы сбежать ночью из общежития и встретиться с парнем. Конечно, все кроме меня. У меня не было парня, да и подруг тоже, с которыми я могла бы зависнуть после комендантского часа.

– Итак, не переживай, – сказала Метис. – Эйджекс и Найкмедс уже начали усиливать меры предосторожности в библиотеке и вокруг школьной территории. Найкмедс сейчас ушел, чтобы поставить дополнительные заклинания. Сами общежития безопасны. Они снабжены защитными заклинаниями, которые гарантируют надежность учеников, но Найкмедс также их усилит и расширит.

Ее голос звучит так спокойно и по деловому, что я вспомнила учителей из своей старой школы, и они всегда говорили нам, что мы должны спокойно покинуть помещения, если срабатывала пожарная сигнализация во время ежегодной тренировки. Они были такими спокойными, так как на самом деле никакого настоящего огня не было, и им не нужно было решать никаких проблем.

Я подумала о том, как без труда проскользнула сегодня между решетками у главных ворот со Сфинксами, чтобы покинуть кампус. По-видимому, кому-то другому удалось также без труда пробраться сегодня вечером в библиотеку и убить Жасмин. Заклинание Найкмедса и остальные защитные барьеры не сработали. Так же как правила школы не удержали молодых людей от того, чтобы они не пили, не курили или не занимались сексом в комнатах общежития. Но я держала рот закрытым.

– Итак, – сказала Метис, которая, видимо, восприняла мое молчание, как согласие. – Нужно ли мне еще раз осмотреть твою шишку на голове? Я могу тебя излечить, если ты хочешь. Ты даже не заметишь, что тебя так сильно ударили.

Я моргнула.

– Вы можете меня вылечить? Как?

Метис вытянула свои руки, ладонями вверх. В свете фонаря перед общежитием они казались

гладкими как отполированная бронза.

– У меня есть магический дар, я могу лечить раны. Мне нужно только прикоснуться к кому-нибудь, и тогда это происходит.

Это был действительно крутой дар, и я уже слышала о нескольких людях в кампусе, которые владели такой же способностью. Все ученики Академии обладали чем-то особенным, магией, которая отличалась в зависимости от определенного вида воинов: Валькирии и Викинги были необычайно сильными, Амазонки и Римляне были очень быстрыми, Спартанцы могли убивать чем угодно, что есть под рукой. И как будто этого было еще недостаточно, ученики к тому же обладали другой магией, так сказать дополнительной силой. Они владели всем, начиная высокочувствительными способностями вызывать молнии из кончиков пальцев и заканчивая возможностью разжигать огонь голыми руками.

Я спросила себя, для чего Метис дар исцеления. Она была Валькирией или Амазонкой или кем-то другим, а не только моим учителем истории мифологии? Возможно, я бы рискнула и позволила бы ей меня излечить, если бы ей не нужно было дотрагиваться до моей головы. Я не хочу ни к кому и ни к чему сегодня ночью прикасаться. За последние два часа я пережила достаточно ужасных вещей. Мне не хотелось больше ничего видеть.

– Нет, спасибо, – сказала я. – Я просто пойду и ... лягу спать.

Понимание блеснуло в глазах Метис и она кивнула:

– Хорошо. Я изучила тебя в библиотеке, прежде чем ты проснулась. Травма не так серьезна. Если ты хорошенько выспишься этой ночью, то снова будешь чувствовать себя хорошо. Но если возникнут какие-то проблемы, потемнение в глазах или что-то в этом духе, немедленно приходи ко мне.

Я засомневалась, что буду сегодня хорошо спать, после того как я нашла убитую девушку, но ничего не сказала и просто кивнула.

Профессор Метис уже повернулась, чтобы уйти, но заколебалась и посмотрела на меня снова:

– Я не знаю, говорила ли я тебе это, но это было очень смело с твоей стороны, Гвен, то, что ты пыталась помочь Жасмин. Большинство людей просто закричали бы и убежали.

Я пожала плечами. Я не считаю себя храброй. Я больше действовала по инстинкту, а не осознанно. Глупый инстинкт, учитывая, что меня избили до потери сознания, а Жасмин умерла бы в любом случае.

– Мама бы тобой гордилась, – сказала Метис низким голосом.

Я уставилась на неё, потому что меня удивил её знакомый тон. Звучало так, как будто она знала мою маму. Но как такое возможно? Насколько я знала, Грейс Фрост никогда не поступала в Академию...

– Она была следователем, не так ли? – добавила Мэтиc.

– Да, – сказала я и спросила себя, откуда профессор знала это. Я никому не рассказывала в Академии о моей маме. – Она работала в полиции. И она была хороша в своем деле.

Но сейчас она была мертва и это моя ошибка. Слезы навернулись на мои глаза, моё горло сжалось, и я не смогла до конца сформулировать свою мысль. Обыкновенная боль, смесь из скорби и чувства вины, наполняли моё сердце и одолевали всё остальное.

Глубоко внутри я понимала, что не смогла бы ничего сделать, всему виной пьяный водитель, который въехал в боковую часть машины моей мамы, а затем уехал и оставил ее умирать в искореженных останках автомобиля. Это была просто авария, глупая, нелепая авария и ничего больше.

Все равно я спрашивала себя, как бы выглядела моя жизнь, сейчас в это мгновение, если бы я

не видела тех ужасных вещей, которые сделал с Пейдж ее отчим.

Я пыталась убедить себя, что моя мама все еще была бы жива. То, что я лежала бы в нашем старом доме на другом конце города в своей собственной кровати. И то, что я встала бы ранним утром, чтобы пойти в старую школу вместе со старыми друзьями. Вместо того, чтобы торчать здесь в этой Мифической Академии, где только что была убита девочка и где по словам профессора Метис за каждым углом может ожидать опасность и злодеи.

Я не могла по-другому, кроме как верить, что моя жизнь была бы намного лучше. Просто так было проще. Намного нормальнее чем это шоу уродцев, в котором я сидела как в тюрьме.

Метис открыла рот, как будто она хотела сказать что-то еще, но я повернулась к ней спиной, чтобы она не увидела горячие слезы в моих глазах.

– Ну, тогда просто иди сейчас внутрь и отдохни, – сказала она, наконец, мягким голосом. – И зови меня всегда, если ты захочешь о чем-то поговорить, неважно о чем.

– Хорошо, – сказала я. – Конечно. Спасибо, профессор.

Вместо того, чтобы еще раз посмотреть на нее, я открыла дверь и зашла в общежитие, чтобы хотя бы на ночь отгородиться от Метис и всего остального.

Глава шестая

Смерть Жасмин Эштон была на следующий день темой номер один в Мифической Академии. Но не в том виде, в котором я ожидала.

Все профессора объявили об этом на первом уроке. Но не упомянули, что я нашла тело Жасмин. Официальная история гласила, что Найкмедс нашел ее в библиотеке, рядом с разбитой витриной и пониманием, что кто-то украл Чашу Слез.

Профессора уверяли учеников, что Жасмин была в неправильном месте в неправильный час и ее убийца убежал вместе с артефактом. Но ради собственной безопасности, ученики не должны нигде ходить по одному и сразу звать профессора, если они заметят что-то подозрительное.

Затем была минута молчания для Жасмин в масштабах школы, когда мы могли помолиться за ее душу, или что там они в Академии делали.

Две Валькирии, с которыми дружила Жасмин сидели вместе со мной на первом уроке английского. Я ждала, что они извинятся и попросят о том, чтобы провести остаток дня в ее комнате и разобраться в том, что случилось с их подругой. Конечно им нужно было время для себя, чтобы погрузиться, пожалеть и поплакать.

Но обе девочки раскрыли свои книги, вынули ноутбуки и начали работать над своей крайне трудной статьей. Как будто все нормально. Словно не произошло ничего необычного. Если бы у меня все еще слегка не болела голова, я бы начала думать, что выдумала все увиденное вчера.

Мой взгляд перемещался от лица к лицу, но все другие были так же спокойны и собраны как и две Валькирии. Никто не плакал. Никто не выглядел потрясенным. Никто не испытывал страх из-за того, что его одноклассница была убита.

Год назад в моей старой школе был застрелен популярный футболист Дэвид Джордан во время работы в супермаркете, когда там происходило вооруженное ограбление. На следующий день люди находились в истерике. Плакали, всхлипывали, кричали, задавались вопросом, почему Дэвид был застрелен, почему он должен был умереть, что же он такого сделал, чтобы заслужить такую смерть, стать жертвой такого ужасного насильственного

убийства. Школа запросила психологов, чтобы позаботиться о друзьях Дэвида и других, которые чувствовали себя плохо из-за его смерти.

Жасмин Эштон была любимицей на втором курсе. Конечно, она была по мнению профессора Метиса не первой ученицей, которая умирала в Академии, и всё-таки смерть Жасмин была неожиданной и шокирующей. И несмотря на это все относились к этому вполне естественно.

И это было чудовищно.

И такой был весь день. Ученики говорили о Жасмин и её ужасной смерти, но это совсем не то, чего я ожидала.

– Как ты думаешь, кто будет теперь принцессой бала, после того, как Жасмин вышла из игры? – тихо говорила девочка передо мной на четвёртом уроке химии. – Бал будет в пятницу, и мы проголосовали ещё на прошлой неделе за всех принцев и принцесс.

Крохотная Амазонака рядом с ней, только пожала плечами:

– О, профессора передадут этот титул тому, кто на втором месте, и будет это Морган МакДугал. Кроме того, ты знаешь, какова Морган. Она будет безумно счастлива носить эту вульгарную корону, даже если эта вещь предназначалась не ей.

Обе ехидно хихикнули.

Тогда девушка подвинулась поближе к своей подруге:

– Так как мы говорим о вещах, которые ей на самом деле не принадлежат, я слышала, что Морган и Сэмсон Соренсен очень приятно пообедали сегодня. Они действительно утешали друг друга, если ты понимаешь, о чем я.

Это пробудило интерес Амазонки:

– Правда? Это довольно быстро, даже для такой девушки, как Морган. Расскажи мне поподробней...

В течение дня все говорили об одном и том же. Кто будет принцессой бала? Придут ли Морган и Сэмсон вместе? Вопрос дошел до того, кто переедет в шикарную комнату Жасмин, после того как ее родители заберут вещи. По-видимому Эштоны были в отпуске на отдаленном греческом острове, и высокопоставленные члены Академии еще не смогли связаться с ними, чтобы сообщить о смерти их дочери.

В наши времена у каждого есть свой телефон, даже у родителей. Для меня это звучало так, будто Эштоны не хотели, чтобы их беспокоили убийством Жасмин. Вероятно, у них не было особого желания прерывать свой замечательный отпуск, чтобы позаботиться обо всем.

В конце концов, я не могла больше выдержать эту историю мифов. Я постучала Карсона Каллахана по плечу и спросила его об этом:

– Что здесь не так с людьми? – прошептала я. – Эту девушку убили. В библиотеке, где мы бываем почти каждый день. И никто не говорит об этом, кроме как о том, кто будет избран этой глупой принцессой бала и кто будет следующей Валькирией, которая вцепит свои когти в Сэмсона Соренсена. Это никому не интересно. По крайней мере, никто не заинтересован в Жасмин или в ее убийце. Или в том, что он все еще может быть в кампусе.

Карсон посмотрел на меня грустным взглядом, как будто он и все остальные знали тайну, которая от меня скрыта:

– Ты знаешь, сколько детей умерло, с которыми я вырос, Гвен? Много. Так много, что я не могу сосчитать. Мы посещаем Академию Мифов не просто так. Мы войны, а войны умирают. Это просто. Конечно, некоторые люди попадают в автомобильные катастрофы или напиваются на пляже, чтобы забыться или ещё что-нибудь. А иногда они просто оказываются не в том месте не в то время и их разорвет на куски Немецкий охотник или убивают Жнецы. Иногда они сами Жнецы, и должны убить прежде, чем убьют их.

Я никогда не думала, что такой музыкальный причуда как Карсон может быть столь равнодушным к убийству. Что он может говорить, словно все в порядке, когда умирают ученики. Будто вещи должны так происходить.

Я только пристально посмотрела на него.

– Для тебя это ничего не значит? Я имею в виду то, что произошло с Жасмин? Или, по крайней мере, тот факт, что это произошло здесь?

Он пожал плечами.

– Конечно это что-то значит. Но никто никогда не утверждал, что Академия была на 100 процентов безопасна. Ученики постоянно пробираются мимо сфинксов наружу. Это не так уж тяжело представить себе, что и Жнец может пробраться внутрь, если он действительно этого захочет. Кроме того, Жасмин была не самая любезная девчонка в мире. Если честно, она была изрядной мерзавкой, которая постоянно топтала ногами других людей и бичевала их, чтобы выглядеть крутой. Но никто никогда ничего не говорил и не предпринимал, потому что ее родители богаты и могущественны.

– Но...

Карсон судорожно вздохнул.

– Я знаю, что ты здесь новенькая, Гвен, но почти каждый здесь в Мифе потерял близкого человека, которого он любил, того, кто значил для него гораздо больше чем испорченная мерзавка Жасмин Эштон.

Его голос звучал хрипло, лицо выглядело напряжённым, в его глазах я распознала скорбь.

– Кого потерял ты?

– Своего дядю, – сказал он. – Его убили в прошлом году в схватке с группой Жнецов. Когда это случилось, он просто был со своей подругой в ресторане.

– Но почему? Что он сделал им? У него был какой-то артефакт или ещё что-то, чего они хотели? – спросила я, потому что должна думать о похищенной Чаше Слез.

– Нет, ничего, – сказал Карсон с холодом в голосе. – У него не было ничего, чего они хотели. Они просто увидели его и убили, потому что они Жнецы и любят причинять людям боль, особенно войнам, таким, как мы. Они убивают нас, прежде, чем мы сможем убить их, потому что они знают, что мы представляем для них угрозу, что мы здесь, для того, чтобы научиться тому, как можно остановить их и Локи – в конце концов. Но не все доживут до этого дня, когда он придёт.

Открытая боль в его голосе привела меня к тому, что я скорчила лицо.

– Карсон, мне жаль. Я не знала.

– Сейчас ты знаешь это, – сказал он и отвернулся от меня.

До конца урока Карсон на меня больше не смотрел и не разговаривал со мной. Я не виню его за это. Я пыталась понять, пыталась выяснить, почему здесь на некоторые вещи смотрят по-другому, и всё время наступаешь на большую мозоль.

После истории мифов я пошла в библиотеку древностей. Пересекая двор, я поняла, что другие ученики были взволнованы смертью Жасмин. Я поняла это по тому, как они собирались в группы, слишком быстро говорили с каменными лицами, а так же то, как они редко и громко смеялись. Они тоже переживали смерть Жасмин как и я, но у них был не такой метод пережить это, как я думала. Я не знала, лучше ли это или хуже.

По-видимому, я не была единственной, кто был взволнован, напуган или что-то такое, так как в библиотеке было больше народу, чем обычно. Почти каждый стол был занят, и почти каждый ученик регулярно бросал взгляд на место, где лежала Жасмин.

Там не на что было смотреть. Разбитые витрины и стеклянные осколки исчезли, как и кровь Жасмин. И, конечно, её тела здесь тоже не было. Не было ничего, ни пары цветов, ни плюшевых медведей, ни пары зажженных свечек, чтобы напомнило об убитой Валькирии. После убийства Дэвида Джордана люди превратили его шкафчик в храм, покрывая его фотографиями, карточками и другими вещами. Но не здесь, не в Академии.

Наконец, толпа рассеялась и я нашла свободное место в конце длинного библиотечного стола. Я вытащила свои книги и попыталась сконцентрироваться на эссе, которое я должна написать для профессора истории мифов Метис. Но я не могла. Не помогло и то, что все ещё говорят о Жасмин.

– ... получила по заслугам, если спросите меня, – прошептала девушка, – Жасмин всегда считала себя лучше других.

– О, да, – согласился парень. – Это ужасно, но по крайней мере я больше не должен терпеть ее на уроке греческого. Она всегда доставала меня.

– Меня тоже. То, что меня действительно пугает, это факт того, что Жнец был в библиотеке, – девушка вздрогнула. – Собственно, Жнецы не должны заходить на территорию кампуса, а тем более они не должны были ничего красть в библиотеке. Я волнуюсь об этом гораздо больше чем о Жасмин.

Я знала, что каждый горевал по-своему, находясь под давлением или что там еще. И да, вероятно, Жасмин была самой настоящей мерзавкой, как Карсон и говорил. Но все равно кого-то же должна было огорчить то, что она мертва. Я правда думаю, что это кому-то должно быть интересно. Кто-то должен был грустить, потому что она умерла. Кто-то обязательно хотел бы знать, что скрывалось за этим. Кто-то должен был попытаться позаботиться о том, чтобы такого не произошло с другими учениками.

На мгновение лицо Пейдж Форрест всплыло перед моими глазами, и я вспомнила, как она смотрела на меня тем днем. В ее глазах было... отчаяние. В этот момент, в ту самую секунду, прежде чем я дотронулась до щетки, маленькая часть меня поняла, что Пейдж что-то скрывает, кое-что огромное, кое-что ужасное. И я хотела знать, что с ней случилось. Вот я и подняла щетку. Я даже представить не могла, какой ужасной была тайна Пейдж.

Эти мысли о Пейдж вызвали волну чувств, и я снова увидела все это перед своим внутренним взором. Как отчим Пейдж расчесывал ее волосы, а потом она должна была лечь на кровать, чтобы он смог прикоснуться к ней. Я также снова почувствовала стыд, страх и беспомощность Пейдж. После того как я что-то увидела, как только какой-то предмет или человек вызывал во мне видение, эти воспоминания навсегда становились частью меня, и я могла снова и просмотреть их и почувствовать.

Вероятно это цыганская версия фотографической памяти. Я могла вызвать отдельные воспоминания и сконцентрироваться на них, проанализировать каждую маленькую деталь, которую я увидела, почувствовала или услышала. Но иногда они всплывали не зависимо от того, хотела я того или нет, например, так, как действовали сейчас воспоминания Пейдж. В определенном смысле я рассматривала это как наказание за то, что я была так любопытна.

Мои ногти впились в ладонь, и я начала бороться с воспоминаниями о Пейдж, прежде чем снова начну кричать. Глубоко дыша, я сконцентрировалась на другой картинке, на моей маме. Вспомнила ее лицо, голос, улыбку, смех, я могла без труда совершенно ясно представить ее лицо. Это был трюк, которому она обучила меня, чтобы бороться с нежелательными воспоминаниями. Думай о чем-нибудь хорошем и забудешь это зло, насколько это возможно. Это не всегда работало, но на этот раз мне повезло.

Ужасные воспоминания о Пейдж поблекли и снова спрятались в темном уголке моего сознания, в непосредственной близости с другими плохими вещами, которые я увидела и почувствовала за годы.

Все равно всплеск этих чувств привел меня к тому, чтоб я задумалась над тем, что сделала, чтобы помочь Пейдж. Конечно, мне хотелось знать ее тайну, но я тоже рассказала моей маме, что произошло. И по крайней мере я немного помогла моей маме в том, чтобы удержать отчима Пейдж от того, чтобы он зашел дальше. Я также думала над тем, что сказала профессор Метис прошлой ночью, что мама гордилась бы мной, так как я хотела помочь Жасмин, хотя большинство людей просто сбежали бы.

В этот момент я приняла решение.

Возможно, это было безрассудством. Вероятно, это из-за грызущего подозрения, что речь шла о чем-то большем, чем просто о краже магической чаши. Скорее всего, это было глупо или нелепо, или просто ошибочно.

Но я хотела больше узнать о Жасмин. Совершенно определенно, я хотела знать, почему она так поздно была в библиотеке. Я хотела понять, что в действительности с ней случилось и кто нес за это ответственность.

Вероятно... вероятно, я должна была сделать это для самой себя, чтобы понять, почему тот, кто украл Чашу Слез, убил Жасмин, но оставил меня в живых. Возможно, это был своеобразный долг выжившего или что-то в этом роде.

Но как-нибудь я найду ответы на свои вопросы. Я же все-таки Гвен Фрост, девочка-цыганка, которая видит вещи. Девочка, которую нанимали, если что-нибудь теряли. Я была хороша в том, чтобы находить вещи. Узнать правду о смерти Жасмин, было бы не так сложно.

Кроме того, это была тайна, которую я непременно хотела разгадать, чтобы ни случилось.

Глава седьмая

Я сидела в середине библиотеки среди всех тех учеников, которые пришли чтобы поглазеть. Там я не могла сосредоточиться. Следовательно я начала искать стол среди рядов полок в задней части библиотеки, в углу рядом с витриной, в которой стоял странный меч.

Я бросила сумку на стол, подошла к витрине и посмотрела вниз на меч. Оружие выглядело также как и прошлой ночью. Серебряный металл, длинное лезвие с бледной надписью, человеческое лицо высеченное на рукоятке.

Я подождала минуту, но глаз на набалдашнике не открывался для того, чтобы посмотреть на меня. Отлично. Возможно я все же не становилась сумасшедшей.

Я села за стол, достала свою записную книгу из сумки и начала записывать все, что я знала о Жасмин Эштон. Чем больше я записывала, тем проще было узнать почему вчера вечером она была в библиотеке, и кто ее убил.

Я знала не много.

Жасмин была красивой, популярной и очень подлой. Валькирия, которая любила дизайнерские шмотки, и семья которой имела очень глубокие кошелки. И.. и... это все. Это все, что я могла о ней сказать. Это было общее суммирование ее существования, насколько это меня касалось. Я даже не знаю, каким был ее магический дар в дополнение к силе Валькирии.

На одно мгновение я была подавлена. Это было глупо. Это не было так, будто я была Шерлоком Холмсом или Бэтменом, или кем-нибудь ещё в этом роде. Кем-то, кто способен, с помощью пары подсказок полностью разгадать тайну. Возможно, какой-то случайный злодей действительно убил Жасмин, какой-нибудь Жнец Хаоса, который пришел только за Чашей

Слез, чтобы сотворить с ней злые вещи.

Но потом я подумала о своей маме. Что-то в этом я чувствовала неправильное, а моя мама всегда говорила доверять своим чувствам, доверять своему цыганскому дару. Кроме того Грэйс Фрост было бы не так просто провести расследование смерти Жасмин. И мне тоже не проще.

Окей, я нуждалась в большей информации о Жасмин, и я знала место, где я могла её найти – это интернет.

Я вытащила свой ноутбук из сумки и открыла его. Академия Мифов предоставляла только лучшее для своих учеников, в том числе и бесплатный интернет на всей территории Академии, нажатием двух щелчков моей беспроводной мышки я подсоединилась к школьному веб-сайту. Теоретически каждый ученик Мифа имел свою персональную страницу, чтобы делиться своими интересами, картинками или чем-нибудь ещё с одноклассниками. Это похоже на Фейсбук, только для учеников. Но некоторые люди, в том числе и я, не вели эту страницу. Я не имела друзей в Мифе, кто станет читать мою писанину?

Жасмин, конечно же, имела свой блог, и на ее странице было около двухсот друзей. Я прокрутила страницу вниз и бросила взгляд на ее блог, но там ничего не нашла. Только злобные комментарии о том, кто что носит, наряду с несколькими мечтательными записями, какой отличный парень Сэмсон Соренсен. Типичная богато-известная-девочка-средней школы. Или чем такие занимаются.

Кроме того, было очень много фотографий Сэмсона в его маленьких плавках во время различных соревнований. Парень обладал идеальным прессом с шестью кубиками. Да, я просматривала эти фотографии немного дольше остальных.

Но Жасмин ничего не размещала на своей странице, что могло бы мне лучше узнать ее личность, и еще меньше это помогло мне понять, почему она была вчера ночью в библиотеке. Это значит, что мне был нужен другой источник информации.

Как, например ее ноутбук. Там можно было найти много хороших вещей. Там определенно что-то есть. Собственно, в моей старой школе всегда были люди, которые просто сходили с ума, если теряли ноутбук, потому что они всегда думали о обличающих вещах, которые мог кто-то узнать. Как, например, электронные письма о том, как сильно они с друзьями напились в выходные, пока их родители думали, что они в групповом лагере. Статьи, с которых они списали задание по английской литературе. Порно.

Я стучала пальцами по столу и думала о вчерашнем вечере, вызвала воспоминания о месте происшествия и пробежалась по ним, используя свой дар. Определенным образом моя психометрия была лучше чем просмотр фильма, так как цвет, качество изображения и звук были каждый раз идеальны.

Я не заметила рядом с Жасмин ни сумки, ни компьютера, только этот чистый кинжал с рубином в тетради. Но я знала, что у нее был ноутбук, так как видела ее вчера во дворе вместе с ним. Лучшее место, чтобы поискать его, наверное, ее комната в общежитии.

Я бросила еще один взгляд на интернет-страницу. Согласно ее профилю, Жасмин жила в кампусе Валгаллу. Я вздохнула. Конечно. Там жили все принцессы Валькирии. Это же было самым аристократическим и элегантным местом среди всех общежитий школы.

Если верить слухам, которые я слышала сегодня, комната Жасмин была заперта, до тех пор, пока не приехали ее родители, чтобы забрать ее вещи. Я не была великолепным агентом, как моя мама, но слухи подсказали мне две вещи. С одной стороны: комната Жасмин должно быть пуста. А с другой: если я хотела ворваться в нее, чтобы украсть компьютер, мне нужно было поторопиться, прямо сейчас. Прежде чем ее родители сядут на обратный рейс из Греции или возможно магически телепортируются домой, или что-то в этом роде.

И главное, прежде чем я потеряю терпение.

Я задержалась ещё на минуту, раздумывая, не схожу ли я с ума. Я по-настоящему подумывала о том, чтобы ворваться в комнату мертвой девочки и украсть ее компьютер, только чтобы увидеть, какая информация там содержится. Просто, чтобы узнать, почему она была вчера ночью в библиотеке. Только, чтобы приоткрыть ее тайны.

Я всхлипнула. Опять всё продолжается. Я думала о тайнах другой девочки и о том, как я могла бы об этом разузнать. Иногда я действительно была больной. Вопреки всему, что уже произошло со мной, мне все еще нравился мой цыганский дар, и мне нравилось, что он подсказывал мне такое о людях, что открывало их истинную сущность, показывал мне их настоящие чувства. Чувства, которые они отчаянно пытались скрыть. Как например избыток чувств Дафны к Карсону. Моя психометрия была единственная разновидность власти, которая была у меня в мифе,неважно,что она была такой незначительной.

Но холодная, жестокая правда была в том, что моя жажда узнать тайны, мое собственное, идиотское любопытство убило мою маму. Возможно, тогда мама не работала бы так долго, и в нее не въехал бы этот пьяный водитель, если бы я не хотела узнать правду о Пейдж.

Возможно, моя мама все еще была бы жива. Вероятно, мы сидели бы в этот момент вместе за ужином. Взяли барбекю с собой от Pork Pit, который бы мы ели вместе на уютной кухне в нашем старом доме, как мы делали хотя бы раз в неделю. Мама рассказала бы мне с печальными фиолетовыми глазами о своем дне, и меня бы это рассмешило и прогнало бы тень с мрачного лица мамы.

Потом она бы спросила о моем школьном дне или узнала бы о новом комиксе, а может и поддразнила бы меня из-за мальчика, который мне нравился. Вероятно, мы проделывали бы все эти вещи в данный момент, в эту секунду, если бы все произошло иначе.

С другой стороны, отчим Пейдж все еще издевался бы над ней.

Возможно, возможно, возможно.

От чувства вины и скорби из-за смерти моей матери мое сердце сжалось, и я потеряла ноющую грудь. Иногда я больше не знала, что было правильно и что ошибочно, или должна ли я была начинать использовать свой цыганский дар. Глубоко в душе я была убеждена в том, что он был предназначен не для того, чтобы находить потерянные мобильные телефоны и скомканные лифчики до конца жизни. Но все же я не знала, должна ли я вмешиваться в дела других людей.

Это была извечная дилемма человека паука, это показывало, что с большой властью приходит большая ответственность. Не то, чтобы я считала мою психометрию лучшим даром на свете. Я не была так тщеславна или ослеплена. Прежде всего, не после того как я увидела, что умели некоторые из других учеников Академии.

Возможно... возможно я должна забыть весь этот сумасшедший план и позволить делать профессору Метис то, что должны делать преподаватели в подобных случаях, чтобы найти убийцу Жасмин.

Но тогда всплыло другое воспоминание, и я снова видела Жасмину перед собой, как она лежала на полу, посреди своей собственной крови. Она выглядела такой спокойной и такой мертвой.

Я думала о злых вещах, которые слышала сегодня от других учеников. Вероятно, все это было правдой, но все же должно кого-то огорчить, что Жасмин мертва. И похоже, что этот кто-то – я. Теперь было самое время действительно что-то предпринять, мне безразлично насколько небезопасно это было и поступала ли я правильно.

По меньшей мере, это было начало, и это было лучше, чем сидеть между затхлыми книжными полками и размышлять о моем цыганском даре и смерти моей матери, пока я

наблюдала краем глаза за мечом и спрашивала себя, ответит ли он снова на мой взгляд. Расследовать смерть Жасмин, таким образом, казалось настолько неправильным, что все остальное было намного заманчивее.

Я собрала вещи и покинула библиотеку.

Я была дольше в библиотеке древностей, чем я думала, так как, когда я вышла через дверь, уже смеркалось. Я посмотрела на свои часы. Уже больше шести, занятия закончились, и кроме нескольких учеников, которые шли к библиотеке или удалялись от нее, лужайки были пусты. В это время большинство учеников были заняты встречей в клубе, спортом или тем, чтобы добыть какой-нибудь еды в столовой, прежде чем вернуться в комнату и начать делать домашнее задание. Но я не обращала внимание ни на полумрак, ни на пустой двор. Мрачное спокойствие подходило лучше всего для незаконного проникновения.

Я шла торопясь мимо 5 центральных зданий и следовала по извилистому пути, который вел к общежитию Валгалла. Это здание из серого камня было трёхэтажным и как каждый дом Академии плотно покрыто разросшимся плющом. Согласно интернет-профилю комната Жасмин находилась на втором этаже, что означало, что я не могла просто проникнуть через открытое окно. Оно и понятно, что судьба не собиралась облегчить мне задачу.

Я даже не пыталась обойти здание вокруг, чтобы пройти через задний вход. Я знала об общежитиях Стикса, там околачивались все курильщики и потягивали сигареты или иногда косячок. Чтобы войти в Стикс нужно было пробираться через облака дыма и тогда ты так невыносимо прованивал табаком, что нужно было принимать душ. Это совершенно того не стоило.

Но все двери в общежитие оснащены сканерами, к которым ученики должны подносить свои удостоверения личности. По соображению безопасности и чтобы разделить мальчиков и девочек, или, по крайней мере, ограничить контакт между ними, карта давала доступ только к личному общежитию. Это значит, что моя карта не откроет дверь в Валгаллу. Разочарование поднималось во мне. Можно было бы попросить других учеников открыть дверь, позвонив в звонок, но, конечно, у меня не было друзей в этом общежитии, которые впустили бы меня. У меня вообще не было друзей.

Но я все еще не была готова сдаваться. Мой взгляд блуждал по тропинкам, окружавшим общежитие. Через десять секунд я заметила доверительное лицо – маленькая Валькирия, которая со мной сидела на уроке английской литературы. Девочка, которая до этого наверное никогда не замечала меня и совершенно не знала, кто я, и которая совершенно не знала, что я не живу здесь. Это стоило попробовать.

Я поднялась по ступеням к входной двери и начала рыться в сумке, как будто искала свою карту. Через несколько секунд Валькирия тоже поднялась по лестнице. Я повернулась к ней и отступила на шаг в сторону.

– Я снова забыла свое удостоверение личности, – проговорила я веселым голосом и улыбнулась. – Могла бы ты впустить меня?

Девочка бросила на меня странный взгляд, но вытащила свою карту и поднесла к сканеру, открыла дверь и вошла. Так много фантастических мер безопасности, о которых профессор Метис рассказывала мне вчера. Я последовала за Валькирией в дом.

Внутри Валгалла в общих чертах была похожа на мое общежитие. На первом этаже находился ряд общих комнат, в том числе и большая гостиная, в которой я на данный момент стояла. Она была, в общем, намного красивее, чем Стикс, с хорошим, довольно дорогостоящим оборудованием. Около трёх гигантских телевизоров сгруппировалось много диванов и кресел. На одном из телевизоров шло плохое реалити-шоу, и девушка, сидящая перед ним была больше заинтересована своими СМС-ками, чем передачей.

Я не растрчивала время на изучение комнаты, а поспешила вместо этого на второй этаж.

Удача была со мной, и я не столкнулась ни с одной Валькирией. Хорошо, что почти все были на территории кампуса, и в общежитии было спокойно и почти пусто.

Я стремительно дошла до комнаты 21 В, где согласно профилю жила Жасмин. Дверь была закрытой, но не было никаких признаков того, что эта комната принадлежала мертвой девушке. На двери не было желтых лент. Я не хотела жаловаться, что это было немного странным – как и всё остальное в Мифе.

Я осталась стоять и просто уставилась на дверь, в то время я себя спрашивала, действительно ли я поступаю правильно. Но я уже зашла слишком далеко, чтобы можно было отступить. И да, мне было немного любопытно, как выглядит комната Жасмин. Все всегда говорили, какой она была отличной. Кроме того, позади у меня было огромное количество взломов – сейчас я могла совершить взлом с кражей. Поэтому я глубоко вздохнула, потянулась к ручке двери и повернула её.

Закрыто. Черт.

Конечно, я ожидала, что дверь будет закрытой, но часть меня всё-таки надеялась, что великие и могущественные сделали ошибку и дверь оставили открытой.

Я наклонилась вперед и осмотрела замок более внимательно. Как и двери в моем общежитии, они были не так шикарны и устойчивы, как могли быть, и оставался небольшой зазор между дверью и рамой. Так что я засунула свою руку в карман и рылась внутри, пока не нашла мои водительские права.

Я была в восторге, когда получала права в прошлом году, и я даже откладывала деньги с подработок, чтобы купить машину. Но я больше не ездила, так как пошла в Академию – и по кампусу я везде могла ходить пешком, а автобус в сторону горы Кипарис проезжал непосредственно мимо дома бабушки Фрост. И после того, как моя мама, которая получала от вождения одно удовольствие, погибла в автокатастрофе. Но водительские права имели огромное количество возможностей, и одно из них мне показала мама.

Я вставила ламинированную карту между дверью и рамой и медленно провела ею до замка. Мне потребовалось немного усилий, но мне удалось втиснуть водительские права между замком и рамой так, чтобы засов открылся.

Дверь подскочила и открылась вовнутрь.

Прежде чем я успела подумать о чем-то большем, что я сделала и правильно ли я сделала, я зашла в комнату и закрыла за собой дверь. К моему удивлению комната была светлой, так как на столе стояли лампы Тиффани теплого цвета. Я просто стояла и смотрела вокруг, потому что я пыталась развить чувство, которое помогло бы понять, кем была девушка Жасмин Эштон – и кто ее убил.

Комната в общем выглядела так, как я себе ее представляла. У Жасмин была личная комната, и похожа она была скорее на комфортабельные апартаменты, чем на комнату общежития. В углу стояла кровать, на которой лежало синие одеяло от Ральфа Лаурена, вместе с кучей соответствующих подушек и различными мягкими игрушками. Преимущественно кошки. Львы, тигры и пантеры, насколько я вижу.

У противоположной стены большое, белое трюмо для макияжа со стеклянной поверхностью и скамейкой перед ним. Зеркало было окружено маленькими лампочками. Кисточки, флаконы духов и другие косметические средства стояли на стеклянной столешнице, а под золотую раму зеркала были вставлены различные фотографии. Я просмотрела их. На большинстве, кажется, была изображена Жасмин, а не ее семья или друзья. Видимо кто-то любил полюбоваться собой. Наверное, мне бы тоже это нравилось, если бы я была такой же красивой.

Одна из дверей вела в большой шкаф полный дизайнерских тряпок, обуви и сумочек,

которые были отсортированы по цвету. За другой дверью находилась уборная. Я заглянула в ванну и открыла шкафчик над раковиной, но там не было ничего интересного. Только дорогие шампуни и крема. Ни презервативов, ни таблеток.

Возможно, слухи, которые утверждали, что Жасмин хранила девственность и не хотела так быстро ее потерять с Сэмсоном Сорензеном, были верны. Я спрашивала себя, как на это смотрел Сэмсон. Вчера, когда массировал ей плечи, он выглядел довольно счастливым. Наверное, Жасмин обвела Викинга вокруг пальца, так что он хотел всегда того же самого, что и она. Даже, если это значило повременить с сексом.

Как только закончила исследовать комнату, я направилась к тяжелому деревянному письменному столу, который стоял рядом с большим дорогим телевизором и несколькими книжными полками. Письменный стол был тем местом, где всегда можно было найти интересные вещи. Книги, статьи, ручки, модные журналы. Весь стол был завален, и там же находился ноутбук Жасмин, наполовину спрятанный под стопкой тетрадей.

Я натянула рукава пуловера вниз, пока они полностью не закрыли мои руки, схватила портативный компьютер и забросила его в сумку на плече. Я еще не хотела касаться компьютера. Не здесь. Я не знала, что именно увижу, и я не хотела делать глупостей, например, кричать, если компьютер покажет что-то ужасное. Я точнее рассмотрю его позже, когда вернусь в свою комнату. Тем более я была здесь уже несколько минут, и каждая следующая, проведенная в этом месте, увеличивала риск быть кем-нибудь пойманной.

Убрав компьютер, я коротко открыла ящики стола, стараясь не касаться ничего голыми руками. Но не нашла ничего, чего не должно было бы быть, а также ничего, что по моему мнению, могло бы вызвать видение.

Итак я осматривалась дальше и начала проверять книжные полки на стене. К моему удивлению, у Жасмин была довольна большая коллекция книг. Я не относилась к числу тех, кто любит читать. Но особенно было странно, что большинство книг... казались скучными. Учебники и словари с заголовками "Частые силы Валькирий" или "Улучши свою магию".

Однако, возможно не было ничего странного в том, что Жасмина владела всеми этими книгами. Вероятно помимо своей силы, она обладала еще и даром, магией, которая позволяла ей вызывать молнии или превращать людей в лед одним взглядом. Конечно, большинство популярных девушек обладали способностями, но в Академии была пара учеников, которые в самом деле могли превратить любого в ледяной блок, если бы захотели. Я попыталась вспомнить, но ничего не приходило на ум, чтобы доказывало, что Жасмина обладала подобной способностью.

Я еще никогда не видела, как действует магия. Как заставляют двигаться по небу грозовое облако или заклиная туман. Все равно, никакая из книг не говорила о том, что читала Жасмин для удовольствия. Вероятно, они стояли здесь для показухи. Я не могла представить себе Жасмин, обучающую колдовству, изучающую магию или чтобы она делилась с кем-то о своем природном даре.

Я как раз хотела отвернуться от полки, когда одно название бросилось в глаза "История главных Артефактов". Тогда я кое-что поняла. Прошлой ночью тренер Эйджекс назвал Чашу Слез Тринадцатым Артефактом, тринадцатым с большой буквы, а это что-то да значило.

С любопытством я вытащила, опять же при помощи рукавов, книгу с полки. Наверху виднелась синяя закладка. Я опустила тяжелый том на письменный стол и открыла его на заложенном месте, передо мной предстала картина с изображением Чаши Слез, далее несколько страниц, которые занимала история артефакта и описание его мифологически-магической силы.

Я прищурила глаза. Вероятно, Жасмин не была такой уж невинной жертвой, как я считала до этого. Наверное... наверное, она помогала кому-то украсть Чашу Слез, прежде чем ее убили.

Профессор Метис рассказывала мне, что ученики Академии уже давно сотрудничают со Жнецами. Почему же еще Жасмин обладает такой книгой, с закладкой на Чаше Слез, если она не впутана в историю с кражей? Я убрала книгу в сумку, куда до этого положила компьютер.

Затем я направилась к последнему предмету в комнате, в который я хотела заглянуть – мусорное ведро под письменным столом.

Моя мама всегда говорила, что люди оставляют в мусорном ведре массу интересных вещей. Вещи, о которых они думали, они избавились, прежде чем агенты не ворвались в дом в поисках доказательств преступления. Моя мама утверждала, что они просто бросали вещи в ведро и забывали об этом, как будто было все равно бросить это в мусор или сжечь.

Итак, я вытащила ведро из-под стола и занялась его содержимым, но мои рукава не давали разуму прикоснуться к мусору. Это было довольно таки обычный скучный мусор. Наполовину израсходованный тубик с блеском. Несколько скомканных носовых платков. Пустой пакет из под чипсов. Но одна вещь была интересной: фотография, которая лежала на самом дне.

Фотография была разорвана пополам. Я подняла обе части, повернула их и поднесла друг к другу.

К моему удивлению на фото была не Жасмин. Вместо нее там улыбались Морган МакДугал и Сэмсон Соренсен. Они обнимали друг друга и ухмылялись в камеру. Выглядело так, как будто ее сделали весной, так как за ними на деревьях распускались свежие листья.

Я наморщила лоб. Почему Жасмин разорвала эту фотографию? Было что-то между Морган и Сэмсоном? Согласно слухам, Морган теперь, так как Жасмин была мертва, положила глаз на Сэмсона. Но эта фотография была разорвана вчера вечером, итак, до того как Жасмин была убита.

Ничего из этого не имело смысла. В данный момент у меня было больше вопросов чем ответов – и меня разозлило бы еще больше, если бы меня кто-нибудь поймал бы.

Я убрала разорванную фотографию к другим вещам в сумку. И тогда на цыпочках направилась к двери, внимательно прислушиваясь к голосам или шагам снаружи. Все было тихо, поэтому я открыла дверь и двинулась в прихожую.

Я покинула общежитие тем же путем, которым пришла, поспешила по лестнице вниз и пересекла холл. Между тем еще несколько девочек возвращалось в общежитие, но никто из них не обратил на меня внимание, когда я проходила мимо. К счастью, мне не нужна была карта, чтобы покинуть здание, итак я просто открыла дверь, спустилась вниз по ступенькам и добралась наконец до мощеной дороги.

Я осмотрелась вокруг, чтобы быть уверенной, что никто не наблюдает за мной, и тогда обошла каменное здание, чтобы пройти через двор и выйти на дорогу к моему общежитию.

Я практически оставила Валгаллу позади, когда на втором этаже открылось окно, наружу выпал рюкзак и приземлился прямо передо мной. Как-то я умудрилась подавить крик. Особенно, когда примерно через одну секунду прямо передо мной на корточки приземлился парень. Он без проблем поднялся на ноги, как будто бы прыжок с высоты шести метров был полным пустяком. Тогда я поняла, кто это был.

Проклятый Логан Куин.

Между тем было скорее темно, чем светло и Спартанец выглядел еще опаснее в тени. Бледная, молочного цвета луна заставляла сиять синие пряди в его кудрявых черных волосах. Логан стряхнул несколько листьев с дизайнерских джинсов, а затем посмотрел вверх и заметил, что я пристально смотрю на него. Тонкое лицо стало жестоким, и он прищурился.

– Так-так-так, не это ли девочка-цыганка, которая бежит здесь одна в темноте, – голос Логана был одновременно глубок и пагубен. – Что ты здесь делаешь?

Я прижала свою сумку к груди, как будто она могла защитить меня от способности Спартанца убить меня одним мизинцем.

– По крайней мере, я не выбираюсь из комнаты какой-то девушки, как ты.

Он подошел ближе, но я не давала запугать себя и не сделала ни шагу назад. Губы Логана снова растянулись в веселой улыбке. Он должно быть, несмотря на мой злой ответ, заметил, что я боюсь его.

Но я лишь немного его боялась, пыталась я убедить саму себя. И это только потому, что Жасмин была убита, а я нашла ее труп. И да, возможно потому что только что ворвалась в ее комнату и несла ее ноутбук у себя в сумке. Хорошо, вероятно, у меня было несколько хороших причин, чтобы нервничать, несмотря на тот факт, что я стояла с Логаном Куином в темноте. Невероятно привлекательным, невероятно опасным Логаном Куином.

– Ты права, – сказал он. – У меня была встреча. А ты? Что ты здесь делаешь?

Я еще крепче ухватила сумку с украденным компьютером.

– Ничего. Просто иду в свое общежитие. Правда, совсем ничего.

Мы пристально смотрела друг на друга. Глаза Логана, теперь скорее серебряные чем голубые, сверкали также бледно, как и лунный свет на его лице, в то время как кожа была похожа на мраморные статуи, которые всюду стояли на территории кампуса. Холодные. Неприступные. Жесткие. Идеальные.

– Итак, я думаю, что мне больше нечем заняться, – сказал Логан. – Наверное, пойду в свою комнату. Хочешь присоединиться ко мне?

Я не могла удержать свой рот от того, чтобы он не открылся. Логан Куин, пользующийся дурной славой, только что спросил, не хочу ли я пойти с ним в комнату? Я еще раз перемотала эти секунды у себя в голове. Да, точно. И это после того, как две минуты назад он выпрыгнул из комнаты другой девушки.

Возмущение переполняло меня. Эгоцентричная свинья. Он действительно считал, что меня так просто получить? Он верил, что я переспала бы с ним, сразу как только он попросит? Я выглядела такой жалкой в его глазах? Он считал себя настолько сексуальным, что ни одна девушка не сможет сопротивляться ему? Мои глаза снова скользнули по его мускулистому телу. Ну, в этом пункте он мог быть уверен не без причины.

Но даже, если бы я была легкомысленной как Морган МакДугал, которая делала это ради удовольствия, была еще проблема моего цыганского дара. Только прикосновение к расческе заставило меня кричать очень громко и долго, что пришлось вести меня в больницу. Секс с кем-то таким, как Логан Куин взорвал бы, наверное, мой мозг. Я уже несколько месяцев ни с кем не целовалась. Ни с кем с тех пор как рассталась с Дрю Скюресом, моим первым, единственным, и очень кратковременным парнем. Последний раз, когда мы целовались, он внушал себе, что я Пейдж Форрест. Я порвала с ним в тот же момент.

– Итак, что скажешь, цыганка? – спросил Логан тихим голосом. – Хочешь пойти в мою комнату и заняться ничем вместе?

– Мне очень жаль, – рявкнула я. – Я думаю, что лучше позвоню своей бабушке.

Он поднял одну бровь.

– Бабушке, которая может сделать так, что у парня отвалится член?

Я подарила ему очаровательную улыбку, хотя я не была уверена, что он мог увидеть ее в темноте.

– Именно ей. И я обязательно расскажу ей про тебя. А теперь мне нужно идти. Чао.

Я обошла его и поспешила дальше. И теперь я даже думать не хотела о том, какой душой он считает меня. Но прежде чем завернуть за угол я еще раз обернулась.

Логан Куин все еще стоял под окном девушки. Смотрел прямо на меня. Наблюдал за мной.

Вероятно, это только воображение, но я могла поклясться, что снова увидела его улыбку, прежде чем совсем зашла за угол и исчезла из его поля зрения.

Глава восьмая

Моя случайная встреча с Логаном Куином напугала меня достаточно, чтобы я бегом добралась до Стикса. Было около восьми часов, и было темно. Золотое сияние фонарей вдоль обочины и при зданиях не могло изгнать черные тени. Или, может быть, это зависело только от того, что у меня в сумке находятся вещи, которые я украла из комнаты мертвой девочки и теперь меня мучило чувство вины.

Я поднесла свое удостоверение личности к сканеру и зашла в общежитие. Несколько девушек, преимущественно Амазонок, околачивались в гостинной, писали СМС, смотрели телевизор или одновременно делали и то, и другое. Вновь никто не обращал внимания на меня, когда я поднималась по лестнице. Я сомневалась, что кто-нибудь из них знал, что я живу здесь.

На втором этаже моя комната была единственной и пряталась в отдельной башенке, которая была построена в здании по непонятной причине. Стены были прямыми, хотя крыша была подобно пирамиде, возвышалась надо мной. Вдоль стен были выставлены огромные витражи. Так же там было окно с мягким сиденьем, с которого открывался фантастический вид на кампус и на высокие пики гор Аппалачи.

Принцип обстановки моей комнаты был таким же как и у Жасмин – кровать, письменный стол, несколько книжных полок, телевизор. Все же, у меня ничего из этого не было таким же красивым или дорогим. Тем не менее, мне все нравилось. Бабушка Фрост помогала мне обставлять мою комнату вещами привезенными из дома, как например, мои постеры Чудо-Женщины, Карма Девушки и одного из убийц. Мой супер толстый, в клеточку, пурпурно-серый плед, лежал на кровати вместе с большими мягкими подушками, которые мне нравились. На окнах висели несколько стеклянных снежинок Сваровски.

Снежинки были шуткой. Имея фамилию Фрост (мороз), это было неизбежно. Я даже не могу вспомнить когда это началось, но каждый год бабушка дарила мне кое-что с изображением снежинки на ней, как и я ей. В прошлом году я купила ей шаль с изображением снежинок, а в свою очередь получила от нее снежинки-кристаллы.

Это были вещи, которые имели для меня большую ценность, помимо фотографии моей мамы, стоявшей на письменном столе рядом с новыми комиксами

Я открыла маленький холодильник у подножия кровати и взяла пакет молока, и несколько кусков тыквенного пирога, который дала мне с собой бабушка Фрост. Затем я вытащила ноутбук Жасмин из моей сумки, а так же книгу и фотографию и поставила все на поцарапанный деревянный стол. В то время как я пила молоко с тыквенным пирогом я включила ноутбук и ждала пока он загрузится.

Это продолжалось вечно, или мне так казалось, так как я была увлечена поисками ответов на вопросы о Жасмин. Наконец появился стартовый экран, где в маленьком окне запрашивался пароль

Я сделала последний глоток молока и щелкнула костяшками пальцев. Медленно положила

руки на клавиатуру и ждала когда видения наполнят меня, как это было всегда.

Ничего не происходило.

Я нахмурила лоб. Нет, не совсем так. Что-то было. Промелькнула пара картинок с Жасмин, которая сидела за письменным столом, загружала музыку или делала покупки в интернете. И я чувствовала... спокойствие. Тот самый вид самодовольного удовлетворения, когда получили то, что хотели, и безразлично как дорого это стоило. Жасмин должно быть, искала те самые сапоги на высоких каблуках, которые она купила на прошлой неделе.

Проблема в том, что я не чувствовала того натиска, который обычно происходил, если я прикасалась к вещам. Возможно, это что-то значит. Компьютер был предметом регулярного использования, который я могла трогать, не получив огромное количество информации, особенно в библиотеке, который использовала масса учеников.

Вероятно, Жасмин не достаточно часто использовала свой ноутбук, чтобы оставить после себя достаточный след. Наверное, на ее жестком диске не получится найти что-то интересное. Может быть, у нее и не было никаких тайн.

Вероятно, я только что безнаказанно ворвалась в комнату мертвой девушки.

Я закрыла глаза и в следующий момент сконцентрировалась на своем цыганском даре, чтобы что-то увидеть, почувствовать, хоть что-нибудь, что дало бы подсказку к тому, кто убил Жасмин. Или, по крайней мере, подсказку к ее паролю, чтобы я могла разблокировать ее глупый ноутбук.

Я увидела еще пару картинок о Жасмин, которая что-то заказывала через интернет – это что-то, напоминающее декоративный нож или нож для писем, а также красный, украшенный драгоценностями плащ. Оба раза я получала такое же чувство. Но это было все. Больше ничего.

Ничего, связанного с паролем, который сейчас был моей самой актуальной проблемой. Я хотела бы быть достаточно умной, чтобы взломать пароль, но я не разбираюсь в компьютерах в такой степени, чтобы взломать систему. Поэтому я нуждалась в помощи, для решения этой проблемы. Было бы неплохо иметь в Мифе одного друга, которому я могла бы позвонить и попросить об одолжении.

Но это было не так, как будто у меня вообще были здесь друзья.

Но я зашла так далеко. Я не позволю, чтобы меня остановил какой-то дурацкий пароль. Так что я поставила повыше свой ноутбук и использовала его, нажимая различные страницы и ссылки, чтобы найти то, что я искала – список всех членов технологического клуба.

Академия была местом наполненным магией, но также она была наполнена подростками. Некоторые из их родителей работали в компьютерных фирмах, и некоторые из учеников были начинающими хакерами. Назло всем магическим фокус-покусам руководители Академии понимали, что технологии не так просто исключить. Поэтому они шли в ногу со временем и организовали технологический клуб.

Теперь мне просто нужно было найти кого-нибудь, кто был бы готов помочь мне взломать компьютер Жасмин и держал бы рот на замке...

Мой взгляд остановился на самом верху списка в алфавитном порядке. Я моргнула, чтобы понять, что я не ошиблась. Она состояла в этом клубе? Да, именно она, что значило, что все было бы намного проще, чем я думала. Некоторое время я продолжала сидеть и просто смотреть на имя.

Затем я улыбнулась. О да. Эта часть быть может, даже принесет мне удовольствие.

На следующий день во время перемены на обед я стояла в дальней части столовой и искала ее глазами. Как и все остальное в Академии столовая была чванливой. Вместо длинных

пластиковых столов, как в моей старой школе, здесь столы были покрыты белыми скатертями, сервированы тонким фарфором и хрустальными вазами со свежими нарциссами.

Столбы были расположены по кругу в саду, под открытым небом с виноградными лозами, апельсиновыми, оливковыми и миндальными деревьями. Мраморные статуи богов и богинь, таких как Деметра и Дионис, выглядывали из листвы и наблюдали за студентами во время еды. На стенах висели картины написанные маслом, на которых были изображены различные праздники, а рядом стояли отполированные рыцарские доспехи. Кому-то обстановка была действительно важна в этом помещении, даже если я не понимала, почему. Это было, как будто бы мы обедали в музее.

А еда? Такая же элегантная и изысканная как и все остальное. Мы говорим о телятине, печени и эскарго (изысканное французское блюдо из улиток, подаваемое с белым сухим вином) и других вещах, о которых я никогда не слышала. Кто вообще хочет на обед проглотить скользкую улитку? Салат был наверное единственным блюдом в меню, которое я вообще ела и только потому, что было действительно тяжело испортить сырые овощи. Все же шеф-повара в Академии пытались сделать и такое, когда резали морковь определенной формы или подавали помидоры в виде розочек.

Но самым смешным были десерты. Каждый был в отдельной крохотной тарелке и подавался на стол в подожженном виде. Честно. Повар проходил и зажигал каждому ногтем большого пальца вишнево-шоколадное суфле, так как он считал, что десерт должен подаваться именно так. Что бы то ни было мне больше нравилось свежеспеченное печенье с изюмом в коробке для завтрака от бабушки Фрост. По меньшей мере, тогда мне не нужно было волноваться, сгорят ли мои брови, только потому что я захотела съесть что-нибудь сладкое.

Я съела свой обычный салат с куриной грудкой 5 минут назад и искала теперь человека, который помог бы мне взломать компьютер Жасмин, даже если сам человек еще ничего не подозревал об этом.

Мне понадобилось еще две минуты, чтобы отыскать ее среди людей. Она сидела в другом конце столовой с книгой перед собой, хотя глаза были направлены на музыкального уродца рядом с ней. Я направилась к ним между столами.

–... ты видишь, какое огромное количество символов в Илиаде, – объяснял терпеливо Карсон Каллахан. – Ты просто должна выбрать одного своего любимого Бога или Героя, тогда я уверен, что мы сможем вместе найти что-нибудь, что ты смогла бы написать в своем сочинении.

Дафна Круз одарила объект желания сияющей улыбкой, которая делала ее из красивой в просто завораживающую.

– Ты такой умный, Карсон. Для меня все это просто глупая болтовня.

Дафна наклонилась ближе к музыкальному уроду и накрыла его руку своей ладонью. Карсон распахнул глаза позади темных очков и несколько раз моргнул. Эти двое были полностью погружены в их собственный маленький мир.

Я откашлялась.

– Мне так жаль, что я вынуждена вмешаться.

От звука моего голоса они вздрогнули и отделились друг от друга, как будто они делали что-то запрещенное. Голова Дафны поднялась вверх, в то время как Карсон пристально смотрел на нее.

– Почему ты тогда делаешь это? – спросила резко Дафна.

Она постучала ногтем по книге, и в воздухе заискрились розовые искры. Валькирия была расстроена, что я прервала псевдосвидание с ее принцем.

Я улыбнулась ей.

– Мне нужно поговорить с тобой, Дафна. Насчет того специфического проекта, который мы получили в качестве задания по истории мифов.

Она нахмурила лоб.

– Что за проект? Ты же не со мной на истории мифов...

– Ты же знаешь. Проект, о котором мы недавно беседовали в женском туалете.

Непосредственно после того, как я рассказала тебе о том браслете, которой я нашла для Карсона, – я посмотрела на музыкального уродца. – Как все прошло, Карсон? Ты и Лета?

Несмотря на темную кожу музыкальный урод принял интересный цвет между пурпурным и красным.

– Эм, ну да, я... эм, собственно, еще даже не пытался, Гвен.

– Ну, тогда тебе лучше поторопиться, – сказала я. – Бал в пятницу вечером. Ты же не хочешь пойти туда без пары, не так ли?

Дафна прищурила глаза и ее накрашенные розовым губы, внезапно, вытянулись в тонкую линию, что я еле-еле могла различить их.

– Карсон, – сказала Дафна обманчиво-дружелюбным голосом. – Мне действительно надо поговорить с Гвен. Может, мы могли бы встретиться позже. Таким образом, мы могли бы обсудить мое эссе через час?

– Конечно, – сказал Карсон.

Дафна и я уставились друг на друга. Карсон смотрел между нами туда-сюда, так как он не понимал, что происходило. Наконец, примерно через 30 секунд совершенного молчания, он понял что должен уйти.

– Хорошо, тогда... Я пойду, – сказал он.

Карсон встал и начал убирать книги и листы в свою сумку. Наконец, он перекинул ремень через плечо. Взгляд ненадолго задержался на мне, прежде чем он вернул все свое внимание Дафне. Валькирия была слишком занята тем, чтобы пристально смотреть на меня взглядом наполненным злобой, но я видела спокойную, печальную тоску в его глазах. Мило, но в этот момент у меня просто не было времени для Ромео и Джульетты.

– Пока Карсон, – сказала я твердым голосом, чтобы скорее избавиться от него.

Карсон тихо поклонился Валькирии и попрощался.

– Хм, пока, Гвен.

Карсон бросил последний взгляд на Дафну, затем начал продвигаться между столами и покинул столовую.

Я подождала, пока Карсон исчезнет из поля зрения, прежде чем заняла его место. Рядом со мной Дафна была занята тем, чтобы собрать как можно быстрее свои книги и заметки, так как наверняка планировала, бросить меня здесь, после того как я прогнала плод ее мечтаний.

– Это была милая сценка, – мягко начала я. – Я не знала, что ты можешь так флиртовать, Дафна.

Валькирия бросила на меня взгляд, который мог разрезать стакан.

– Я не флиртвала с Карсоном.

– О, конечно флиртвала. Ты даже как будто хлопала ресницами. И тот момент, когда ты положила свою руку на его? Классическая техника флирта. Впрочем, прекрасно исполненная. Морган МакДугал показала тебе пару приемов? Я слышала, она очень популярна среди парней.

Дафна пристально и мрачно смотрела на меня, но не пыталась спорить со мной. Она знала,

что это бесполезно, после того признания, которое она недавно сделала. Вместо этого она вздохнула, откинулась назад на стул и скрестила руки на груди.

– Что ты хочешь, Гвен Фрост? – рявкнула она. – Мне нужно написать сочинение, если ты еще не поняла этого.

– Я хочу, чтобы ты помогла мне с кое-чем.

Она яростно фыркнула.

– И с чем же?

Я удостоверилась, что никто нас не подслушивал и тогда нагнулась вперед.

– Я хочу, чтобы ты помогла мне взломать пароль на ноутбуке Жасмин Эштон.

Дафна наморщила лоб, как будто не поняла, что я только что сказала.

– Ноутбук Жасмин? Откуда ты...

Тогда она распахнула черные глаза.

– Ты его! Ее ноутбук у тебя! Ты маленькая грязная воровка!

– Тшшшш! – зашипела я и посмотрела вокруг. – Не так громко. Я пытаюсь держать все в секрете. Но да, он у меня. И еще пара других вещей.

– Что ты хочешь от компьютера Жасмин? – рычала Дафна. – Хочешь перепродать его, чтобы купить себе еще несколько этих придурковатых пуловеров с капюшонами, которые ты носишь?

– Нет, – ответила я так спокойна, как только могла. – Я хочу посмотреть файлы внутри, чтобы понять кто убил Жасину.

Дафна снова сморщила лоб, но на этот раз молчала. Валькирия просто сидела там и смотрела на меня, как будто не веря своим ушам.

– Все знают, что Жнец убил Жасмин, чтобы украсть Чашу Слез. Кто бы он ни был, парень уже давно исчез.

Я пожала плечами.

– Возможно. Но я вижу вещи, ты помнишь? И у меня одно и то же чувство от каждой из её вещей.

Лицо Дафны стало еще задумчивее.

– Но почему вообще тебя интересует, что произошло с Жасмин? Она не была твоей подругой. Ты даже не знала ее.

– Нет, – ответила я тихо. – Но я в ту ночь, когда ее убили, я была в библиотеке. Я точно также могла бы оказаться с перерезанным горлом.

Я сделала глубокий вздох и рассказала Дафне, что именно произошло тем вечером. Как я была в библиотеке, услышала шум и нашла труп Жасмин. Когда я закончила историю, холодная дрожь пробежала по моей спине. Снова та же мысль появилась у меня в голове, как и вечером в день смерти Жасмин. Кто бы ни украл Чашу Слез, это была та же личность, которая убила Жасмин. Итак, почему преступник не стал убивать меня? Почему не перерезал и мне горло? Тогда бы не было никаких свидетелей.

– Послушай, – сказала я. – Они думают, анонимный Жнец убил Жасмин и украл Чашу Слез. Но профессор Метис объяснила мне, что Жнецом может оказаться любой ученик Академии. Что, если это не был таинственный злодей? Что, если это кто-то, с кем мы сидим в одном классе? Меня пугает эта мысль.

Дафна не ответила, но я могла видеть в ее глазах согласие.

– Я использовала свой дар, чтобы находить вещи для людей. Поэтому я думала, что порыскаю вокруг и увижу, смогу ли я узнать, что произошло. Поэтому да, я ворвалась вчера

вечером в комнату Жасмин и украла ее ноутбук, чтобы найти в нем что-нибудь полезное. Что-то, что подсказало бы мне, почему она была в библиотеке. Вероятно, это делает меня воровкой, но, по меньшей мере, я беспокоюсь, я делаю что-то. Всем остальным, кажется, совершенно все равно, что она умерла. Ты была одной из ее подруг. Ты можешь сказать тоже самое?

Чувство вины вспыхнуло в глазах Дафны, прежде чем она смогла это скрыть.

Белокурая Валькирия пристально смотрела на меня, в то время как ее пальцы барабанили по белой скатерти и разбрасывали вокруг розовые искры.

– Почему ты пришла ко мне? Почему ты просишь меня о помощи? Несмотря на факт того, что я была одной из подруг Жасмин?

– Потому что я знаю, что ты состоишь в технологическом клубе и поэтому, вероятно, сможешь взломать пароль. И потому что у меня есть кое-что против тебя, что значит, что ты будешь держать рот на замке.

Ее лицо стало жестким.

– Карсон.

Я кивнула.

– Карсон.

Я не объяснила ей, что произошло бы, если бы она не помогла мне. Дафна очень хорошо знала об этом. Слух, что она была влюблена в Карсона Каллахана, распространился бы быстрее молнии по всей школе. Это было бы через пять секунд всюду как вирус, и тогда она стояла бы на первом месте по насмешкам. По крайней мере, на этой неделе.

Она вздохнула.

– Что я должна сделать, Гвен?

– Приходи после последнего урока ко мне в комнату. Помоги мне взломать компьютер и тогда тебе больше не придется разговаривать со мной.

– И ты никому не расскажешь об этом? – спросила она. – О Карсоне?

Я покачала головой.

– Ни единой человеческой душе.

Дафна смотрела на меня, как будто пыталась прочесть по моему лицу, говорю ли я правду. Через некоторое время Валькирия приняла решение. По крайней мере, я так предположила, потому что она перестала стучать пальцами по столу. Она снова вздохнула, затем последовал кивок.

– Договорились. Я сделаю это. Не потому, что я боюсь тебя или слухов, которые ты можешь распустить, а потому что Жасмин была моей подругой. Хорошо?

– Хорошо.

Я записала название моего общежития и номер комнаты на листок и сказала ей, что она должна встретиться со мной там позже.

– Я не могу дождаться, – пробормотала Дафна, прежде чем убрать листок в свою гигантскую сумку от Doonea and Bourke.

– Да, – сказала я растянуто. – Как будто бы, мы лучшие подруги.

Валькирия бросила на меня злой взгляд, прежде чем повесить сумку на плечо и пошла прочь из столовой.

Глава девятая

Остаток дня тянулся как жесткая жевательная резинка, особенно история мифов у профессора Метис. Я снова пристально смотрела в окно и задавалась вопросом, действительно ли Дафна появится и поможет мне взломать компьютер Жасмин, или валькирия решила провести меня и уже выдала меня...

– ... из-за ужасной трагедии и шока, как мы все знаем. Я думаю, что мы готовы сейчас поговорить о Чаше Слез и ее важной роли в войне Хаоса, – мягкий голос профессора Метис вырвал меня из моих мыслей.

Я резко повернула голову. Метис хотела поговорить о Чаше? Той самой, которая была украдена? Это могло бы быть полезным для разнообразия, в отличие от других вещей, про которые она постоянно высказывалась. Все эти слухи о Богах и Богинях и о чудо-детях-войнах, которые я не воспринимала всерьез. По крайней мере, я так думала до этой недели. Сейчас я не так уверена.

Я не была единственной, кто внезапно показал больший интерес. Все сели более прямо и смотрели на профессора Метис.

Она сказала нам открыть книгу на странице 379. Я пролистала к нужному месту и там была картинка, изображение Чаши Слез, той же чаши, которую мне показал Найкмедс в библиотеке. Она выглядела точно, так как и в моей памяти. Круглая, коричневая, скучная, неприметная. Она казалась вполне обычной чашей, а не могущественным артефактом, который стоил убийства.

– Локи всегда был богом-проказником, который разыгрывал других Богов и обычных смертных. Но в какой-то момент его склонность к глупостям переросла в злобу и его шуточки становились более жестокими. Среди прочего, именно Локи ответственен за смерть Бальдра, скандинавского бога. Локи обманул другого Бога, так что тот бросил копье из омелы в Бальдра. Копье пронзило сердце Бальдра и убило его. – рассказала Метис. – В рамках его наказания за этот и другие ужасные поступки Локи приковали под огромной змеей, которая постоянно поливала его лицо ядом. Очень болезненная форма пытки. Локи должен был оставаться запертым там вечно, чтобы он никогда не мог никому навредить снова. Но конечно, у него получилось заставить свою жену Сигюн с помощью обмана освободить его. Он сбежал.

– А причем здесь Чаша Слез? – спросила девочка с другого конца класса.

Метис улыбнулась.

– Терпение, Скайлар. Я сейчас это объясню. Итак, Чаша, которая изображена в вашей книге, это та самая, с чьей помощью Сигюн собирала змеиный яд. Несмотря на все его преступления, Сигюн любила Локи всем сердцем, и она держала чашу над его лицом и собирала в нее столько яда, сколько только могла и тем самым не давала капать ему на лицо Локи. Но тем самым она подставляла себя под яд, который сжигал ее руки и ладони.

Для меня это звучало, будто Сигюн была... глупой. Локи был тем, кто стал причиной смерти другого Бога, но не она. Она должна была дать наказанию идти своим чередом вместо того, чтобы облегчить его боль, помочь ему бежать и при этом травмировать еще и себя. Но возможно я просто хотела мести, потому что полиция так и не схватила того пьяного водителя, который протаранил автомобиль моей мамы. Я бы не возражала, если бы его, кем бы он ни был, приковали к гигантской змее и яд, кислота или что-то в этом роде капало на его лицо.

– Всякий раз, когда чаша была полной, Сигюн должна была ее опустошать, поэтому яд капал на лицо Локи некоторое время, причиняя ему невообразимую боль. Когда Сигюн возвращалась с пустой чашей, перед тем как поднять ее туда капали слезы Локи и смешивались со змеиным ядом. Именно поэтому ее называют Чашей Слез. – профессор

Метис закончила свое объяснение.

Она сказала нам пролистать дальше. На следующей странице была картинка с огромной змеей, обвившейся вокруг дерева. Ее голова свисала, ее рот был широко открыт обнажая огромные, изогнутые зубы на концах которых висели капли жидкости.

Локи сидел съежившись под змеей. Рисунок тушью изображал Бога в страшных мучениях. Его рот был разорван в безмолвном крике, и мышцы в области шеи и рук были видны, потому что он пытался разорвать цепи, которые связывали его. Его лицо было размыто, но половина выглядела так, будто бы она расплавилась. Я предполагаю из-за яда.

– Что ж, теперь мы знаем, почему Локи был прикован в первый раз. Его действия привели к гибели другого Бога. Но почему его во второй раз заковали, века спустя, и почему он до сих пор все еще в плену?

– Потому что он начал Войну Хаоса, – заявил Карсон.

– И да, и нет, Карсон, – ответила профессор Метис. – Локи был закован, так как он и был хаосом. Каждому богу отводится свое место в естественном порядке вещей. Локи был Богом Безобразия. Но он хотел большего, чем простые шалости, он хотел руководить другими богами. Он хотел контролировать все и каждого, богов, смертных и всех созданий. Локи был умен и очень-очень ловок. Он знал, что он не мог один победить других богов. На это у него отсутствовала власть. Поэтому он начал наговаривать другим – Богам, смертным и всем остальным созданиям, начал нашептывать им на ухо, насколько могли бы измениться вещи, насколько все стало бы лучше, если бы он занял господство. Он превращался из Бога безобразия в Бога Раздора, подстрекал людей друг против друга, заботился о том, чтобы они жаждали власть и сделали все, чтобы получить ее, даже если бы ради этого им пришлось бы переубивать друг друга.

У меня было чувство, что это было намного сложнее, и Метис немного сократила историю для наших молодых умов, но я поняла, о чем шла речь. Локи – плохо. Другие Боги – хорошо.

– В конце концов, Локи переубедил других, чтобы те последовали за ним и так он создал свою армию из Богов, смертных воинов и других существ. Он назвал своих воинов Жнецами Хаоса. И когда у него было достаточно последователей, Локи вышел из своего укрытия. Он встал со своей армией и бросил вызов другим Богам, у которых тоже была армия Пантеона, состоящая из воинов и существ, – продолжила профессор Метис. – Так Жнецы боролись против членов Пантеона и мир погрузился в Войну Хаоса. Брат был против брата, сестра против сестры. Семьи были разорваны, убиты или хуже. Война длилась почти столетие, и Локи стоял на пороге победы, когда один Бог осмелился бросить ему вызов на дуэль. А кто был этот Бог?

Ника, греческая богиня победы. Откуда-то я знала ответ, прежде чем Метис произнесла его.

– Ника, греческая богиня победы – ответила она сама себе. – Локи рассмеялся, но все же согласился на условия Ники, что победитель дуэли так же будет победителем войны. Это значило, что Война Хаоса либо закончится, либо поглотит весь мир.

К этому моменту мы все едва держались от волнения, даже я, Гвен Фрост, девочка-цыганка, которая не верит во все это. Мы все хотели услышать, чем все закончилось, как Локи был побежден, когда все надежды, казалось, были потеряны. Даже если всего этого на самом деле не было, это все еще была восхитительная история, так же как и любой из комиксов, которые лежали у меня в комнате.

– Конечно же, Локи думал, что он победит. В этот момент он был невероятно мощным, и ни один Бог, Воин или какое-либо существо не могло противостоять ему. Но он забыл одну маленькую вещь, Ника была Богиней Победы.

– И что? – спросил Викинг позади меня. – Какое это имеет значение, что она была Богиней

Победы, если Локи обладал всей этой властью?

Этим он преобразовал мои мысли в слова. Но вместо того, чтобы раздражаться по поводу вопроса, Мэлис одарила его торжествующей улыбкой.

– Ника это намного больше, чем просто Богиня Победы. Она является олицетворением победы, ее сущностью. Так же, как и любой другой Бог является сущностью чего-то. Ника и есть сама победа, и поэтому она никогда не может быть побеждена.

Мэлис сделала небольшую паузу, чтобы дать нам время на осознание этого странного утверждения. Ника, безумная Богиня-Воительница. Поняла. Как Зена, только круче.

– Но Ника не была сама по себе. В бою она всегда носила свой большой меч победы, вместе со щитом, который ей подарил один спартанский король. Были и другие артефакты, которыми пользовались члены Пантеона, чтобы победить Жнецов. На стороне Ники был только один Воин, ее личный страж, который убивал всех, кто стоял у нее на пути. Таким образом она могла достичь Локи целой и невредимой. Локи был очень подлым и, конечно же, пытался убить ее, прежде чем она смогла добраться до него, но страж Ники убедился, чтобы этого не произошло.

Мэлис остановилась на минуту, чтобы отдышаться. Ее бронзовые щеки слегка покраснели и ее зеленые глаза блестели за серебряными очками. Более возбужденной и живой я никогда не видела своего профессора. Видимо она с большим удовольствием рассказывает об этой войне. В любом случае, она старалась, чтобы эта война выглядела как живая для меня.

– Так Локи и Ника сражались в великом бою. И они делали это не в одиночку. Все их сторонники были также там. Жнецы и члены Пантеона. Некоторые историки утверждают, что бой длился несколько дней, другие говорят, что это были недели. Но когда она, наконец, подошла достаточно близко, чтобы нанести удар, Нике удалось то, что никакой другой Бог не мог, она победила Локи.

Мы снова перевернули страничку и увидели чернильный рисунок Ники.

Богиня стояла над человеком, который лежал на полу перед ней. Ее нога, обутая в сандалий, была на его груди, ее меч на его горле. Круглый щит висел на ее стороне. Она выглядела гордо, сильно и в то же время серьезно. И хотя это был всего лишь рисунок, Богиня излучала холодный, жесткий, ужасный вид красоты.

Ее величественная фигура стояла в резком контрасте с человеком у ее ног, Локи. Он выглядел так же, как и на другой картинке. Его открытый от сердитого крика рот, его прищуренные глаза, подобные змеиной прорези, его расплавленное лицо с темной, опасной, коварной гримасой.

На мгновение образы замерцали передо мной и герои двигались, как будто они были реальными, а я действительно наблюдала за битвой своими собственными глазами. Я могла чувствовать запах крови, густой дым горел в моих легких и жестокие ругательства Локи донеслись до моих ушей...

Я моргнула. Чувство ушло, и я снова смотрела на простую иллюстрацию. Это было немного страшно. Я отодвинула книгу от себя. Ладно, действительно страшно.

– После битвы Ника и ее последователи заковали Локи снова в цепи и изгнали его с помощью артефактов, которые создали вместе со Жнецами в этом мире, мире смертных. На сегодняшний день Локи живет в неволе. Но у него все еще есть его последователи, его Жнецы. Люди, Боги и другие существа, которые хотят его освободить и погрузить мир во вторую Войну Хаоса. Вот почему вы все здесь.

Пронзающий, зеленый взгляд Мэлис двигался от ученика к ученику, от лица к лицу, до того момента, пока она не посмотрела на всех в комнате, даже на меня.

– Вы потомки лучших воинов Пантеона. Вы здесь, чтобы научиться контролировать и

использовать свою магию и боевые навыки, для защиты этого мира от Жнецов. Здесь вы узнаете, как остановить Жнецов от освобождения Локи и второй Войны Хаоса...

Звонок прозвучал и закончил лекцию Метис, но она загипнотизировала весь класс своей историей. Несколько учеников моргнули, как будто чтобы стряхнуть чары ее слов, прежде чем они схватили свои сумки. Я сделала то же самое.

Я встала и со всеми остальными направилась в сторону двери, но Мэтис подозвала меня к себе.

– Гвен, – сказала она. – Останься на минуту, пожалуйста.

Я выполнила ее просьбу и снова села на свой стул. Несколько учеников, среди них также Карсон, бросили на меня взгляд, потому что думали, что я сейчас получу неприятности. Я задавалась вопросом, знает ли Мэтис, что я ворвалась в комнату Жасмин и похитила ее ноутбук. Это было единственное, что я сделала, что могло бы принести мне проблемы. Но откуда Мэтис должна знать об этом? Этого она не могла, если только Дафна Круз наябедничала.

Профессор Метис собрала несколько бумаг на своем деревянном столе, подошла ко мне и прислонилась к столу предо мной.

– Вчера у нас не было времени, чтобы поговорить, но я хотела тебя спросить, как ты себя чувствуешь, Гвен. Я знаю, что-то, что случилось в библиотеке... что это было большим шоком для тебя, найти труп Жасмин.

Значит она не знала, что я проникла в комнату Валькирии. Я постаралась не показывать свое облегчение.

– Думаю, я в порядке. Я просто стараюсь... справиться с этим, по-своему.

Я не рассказала ей, что мое справиться содержало в себе кражу со взломом и шантаж. На настоящий момент. Но день еще не закончился.

Профессор Метис посмотрела на меня своими мягкими, добрыми глазами.

– Так что, если ты захочешь поговорить об этом или о чем-нибудь еще, о чем угодно, я всегда готова выслушать, Гвен.

На одно мгновение я задумалась, почему она проявляла такую заботу ко мне. Да, я стала свидетельницей убийства, и, наверное, она просто хотела быть милой со мной. Но я не видела профессора до того дня, когда она появилась в доме моей бабушки и объявила, что я должна пойти в Академию. Теперь казалось, как будто у нее был определенный интерес ко всему, что я говорила или делала, во время и вне ее уроков.

– Хм. Хорошо. Итак, могу я сейчас идти? – спросила я и заерзала на своем стуле. – У меня, хм, встреча.

Метис улыбнулась.

– Конечно. Я только хотела убедиться, что с тобой все в порядке. Я знаю, что это была сильная встряска для тебя пойти в Академию, Гвен.

Я тихо засопела. Она не имела никакого представления. Даже никаких подозрений.

Профессор пошла назад к столу. Я встала, подняла сумку и хотела идти. Но тогда я вспомнила кое-что, что говорила Метис в своем докладе. Кое-что мешало мне, с тех пор как я пришла в Академию два месяца назад.

– Профессор?

– Да, Гвен? – сказала она и повернулась ко мне.

– Если то, что вы сказали, правда. Если все дети в Академии потомки великих воинов, почему тогда я здесь? Я не Валькирия или Амазонка и также не Спартанец или Викинг. Я

вообще не такая как они. Я обычная цыганка. В моей семье нет великих воинов, по крайней мере, насколько я знаю.

В глазах Метис ненадолго вспыхнули чувства, но я не могла прочитать их за толстыми очками. Профессор молча осматривала меня несколько секунд, прежде чем заговорить.

– Не каждый в Академии станет великими воином, – объяснила наконец Метис. – Некоторые станут целителями, учеными или преподавателями. Есть много видов борьбы против Жнецов, и не все будут держать меч. У тебя твой собственный дар, Гвен. Ты отличаешься от остальных своим видом. Ты пришла в Академию, чтобы мы могли обучить тебя, как ты можешь правильно использовать свой дар, какое самое наилучшее назначение для твоей психометрии. Это действительно очень редкий дар, ты знаешь, магия прикосновения.

Магия прикосновения? Я задалась вопросом, что под этим имела в виду Метис. Я еще никогда не слышала, чтобы кто-то так называл мою психометрию. И нет, я не знала, насколько редкой она была, так как никто и никогда не говорил мне об этом. Это было просто чем-то, что я умела, чем-то, что делало меня цыганкой, каким бы значительным оно не было. Все кроме меня, кажется, знали об этом.

Метис вернула все свое внимание назад к бумагам на столе, давая мне понять, что наш разговор окончен. По меньшей мере, на сегодня.

Итак, я бросила свою сумку через плечо и покинула классную комнату. У меня снова было больше вопросов чем ответов на то, кем я была, чтобы я могла делать и почему я застряла в Академии, месте, к которому я, очевидно, не принадлежала.

Глава десятая

После занятий я пошла в направлении Стикса, чтобы дождаться, когда появится Дафна Круз и поможет мне, как и обещала, взломать пароль на компьютере Жасмин Эштон. К моей неожиданности, белокурая Валькирия уже сидела на ступеньках к общежитию, когда я подошла к нему.

– Ты в самом деле пришла, – сказала я, когда приблизилась к ней.

Она пожала плечами.

– Ты ведь не оставила мне никакого выбора, не так ли, Гвен? Итак, давай покончим с этим.

Я поднесла свою идентификационную карту к сканеру, открыла дверь и указала Дафне следовать за мной.

– Заходи, моя комната на втором этаже.

Я повела Дафну вверх по ступенькам в комнату в башне. Я вошла, бросила сумку на кровать и села прямо под постером "Супер Женщины" у моего письменного стола.

Дафна остановилась в дверном проеме, ее глаза мелькали по всей комнате. Точно также я сделала вчера в комнате Жасмин. На мгновение я осмотрела свою комнату и увидела все иными глазами. Моя кровать с серо-пурпурным покрывалом и толстыми подушками. Кристальные снежинки на окне, которые бросали крохотную радугу в воздух. Книжные полки, которые были набиты под завязку фантастическими романами.

Стопка с комиксами и рисованными новеллами на моем столе. Постеры супер-героев на стенах. Полупустой пакет с мармеладными медвежатами на ночном столике, которые я ела прошлую ночь, перед тем как пойти спать.

Все внутри переворачивалось. Пятна. Я и забыла, что моя комната была комнатой чудачки. Дафна была единственным человеком, который был внутри кроме меня. Ах да, и бабушка

Фрост, которая помогала мне с переездом два месяца назад. Теперь Валькирия будет считать меня еще большим лузером, если не хуже. Супер.

После напряженной минуты молчания Дафна вошла в комнату и закрыла дверь позади себя.

– Где компьютер Жасмин? – спросила она.

Я показала ей на ноутбук на своем столе.

– Вот здесь.

Я встала, чтобы Дафна могла сесть на стул и у нее был более легкий доступ к устройству. Я присела на кровати и смотрела, как она открывает компьютер и включает его. Когда операционная система загрузилась, Валькирия некоторое время смотрела на поле для ввода пароля, а затем начала печатать.

– Хорошо, детка, – щебетала Дафна. – Поговори с мамочкой и расскажи мне свои тайны...

Хорошо, это было немного странно. Я не хотела нарушать ее концентрацию, поэтому я не стала сообщать Валькирии, что она говорила с предметом. Вместо этого я откинулась назад на кровати, взяла пакет с мармеладными медвежатами и приготовилась к длительному ожиданию.

Через три минуты Дафна энергично ударила еще раз на Enter и торжествуя подняла кулак в воздух.

– Ха! Сделано!

Я приподнялась.

– Ты взломала его?

– Конечно, я уже взломала его, – сказала она довольная собой. – Это был очень простой пароль. Но не похоже на то, что Жасмин очень-то пыталась защитить свой компьютер.

– Ну тогда, – сказала я и встала за спиной у Дафны. – Давай посмотрим, что там.

Следующие десять минут Дафна просматривала все файлы на ноутбуке. Большинство были совершенно скучными. Работа по истории, сочинения и все остальные домашние задания, которые ученики должны были выполнять. В интернет-журнале Жасмин мы нашли огромное количество музыкальных сайтов и роскошных интернет-магазинов. У нее даже был банк данных, который служил для управления ее дизайнерскими тряпками, ботинками и сумочками.

По-видимому, Валькирия вела книгу о том, как часто она выходила в чем-то, а именно не чаще чем раз в месяц. У меня было достаточно разноцветных кофт с капюшонами, чтобы носить в каждый день недели новую.

Тогда Дафна вывела на экран личную электронную почту Жасмин – ту самую, которую нельзя было просмотреть публично на ее странице в интернете Мифической Академии. Почта была самым интересным на компьютере.

Жасмин возможно была самой красивой, богатой и популярной девочкой нашего возраста, но как говорил уже Карсон Каллахан, она была не самой милой. В ее письмах были злые, издевательские замечания о почти каждом в Академии, особенно о Морган МакДугал, якобы ее лучшей подруге, а также о Дафне.

– Она сказала Морган, что я выгляжу как корова в этих розовых джинсах? Это же она уговорила меня купить их! Мерзавка, – бормотала Дафна. – Давай посмотрим, что еще Жасмин писала обо мне.

– Если честно, то мне больше интересно, что она писала о Морган и Сэмсоне Сорензене, – объяснила я. Дафна посмотрела на меня через плечо.

– Почему?

Я показала ей фото Морган и Сэмсона, которое я нашла на самом дне мусорного ведра, разорванное по полам.

– Я еще не прикасалась, но это должно что-то значить.

– Что ты имеешь в виду под "еще не прикасалась"? – недоверчиво спросила Дафна.

Я вздохнула.

– Я имею в виду, что еще не прикасалась. Так работает мой дар. Мне нужно к чему-то прикоснуться, прежде чем возникают колебания. Прежде чем я узнаю что-то о предмете или о человеке, которому он принадлежит.

– Почему бы тебе не сделать это сейчас? – спросила Дафна рассерженным голосом. Читая почту Жасмин она явно перебрала. – Я не собираюсь снова приходить сюда, чтобы помочь тебе.

– Хорошо, – пробормотала я.

Я упала на кровать, поднесла две части фотографии вверх и держала их рядом, будто хотела сложить картинку вместе. Несколько долгих секунд я ничего не чувствовала и уже задавалась вопросом, не сломалась ли моя психометрия или она все же будет работать. Ноутбук Жасмин не пробудил во мне никаких видений, также как ее тело или ее кровь в библиотеке.

Возможно, с моим даром и со мной было что-то не так.

Я уже было хотела отложить фотографию в сторону, как почувствовала легкие вспышки – ноющее чувство беспокойства, которое пробиралось в мое сердце все глубже и глубже. В то время, как я продолжала держать фотографию, беспокойство все нарастало и переросло в волну недоверия, которое было по ощущению как свинец в животе. Когда свинец превратился в лед, холодное знание распространилось во мне. Я узнала чувства и поняла, что они значили. Ноющее беспокойство, потом сильное недоверие и в конце концов ледяное познание.

Что бы ни было по мнению Жасмин между Морган и Сэмсоном, между ее лучшей подругой и ее другом, она увидела или услышала что-то, что заставило ее поверить в его правдоподобность.

Но это еще не был конец.

Холодная уверенность начала гореть в моем животе как кислота, становясь все горячее и горячее, как будто я проглотила огненный шар. Огонь распространился по всему моему телу и позаботился о том, чтобы я вспотела, мои руки дрожали и моя голова болела, как будто по ней ударили огромным кулаком, пока она практически не лопнула. Я узнала это чувство – свирепая ярость.

Тогда перед моим внутренним взором возникла Жасмин. Она сидела перед столом для макияжа и пристально смотрела на фотографию, которая была вставлена за рамку ее зеркала. День за днем Жасмин смотрела на нее, пока, наконец, не протянула руку с белым от ярости лицом, сорвала фотографию и разорвала на две части.

Между тем я могла слышать, как я нервно говорю и с каждым новым словом голос становится все громче.

– Мерзавка. Я убью эту легкомысленную девчонку за то, что она причинила мне, за то, что обманула меня. Она заплатит, она заплатит за все это так сильно...

Дафна залепила мне пощечину так, что розовые искры сорвались с кончиков ее пальцев. Удар отбросил меня на кровать, но Валькирия еще не закончила. Она протянула руку и вырвала две части фотографии из судорожно сжатых пальцев.

Было такое чувство, как будто кто-то переключил выключатель внутри меня. Медленно ненависть, ярость и ревность, которые я чувствовала, ослабевали, боль в моем сердце уменьшилась и я снова контролировала себя. Я старалась дышать глубоко. Это было

слишком, даже для меня.

Я села, как только поняла, что все снова в порядке. Дафна стояла надо мной с выражением облегчения на ее красивом лице. Она держала две половинки фотографии кончиками пальцев, как будто бы они были каким-то злом. Вероятно, они таковыми и были, если знать, какие чувства были с ними связаны и какие ужасные вещи испытала Жасмин, когда она рассматривала фотографии своей лучшей подруги и ее друга.

– О небо! – пробормотала Дафна. – Это происходит каждый раз, если ты прикасаешься к чему-нибудь? Так как это выглядит довольно зловеще, Гвен.

Я потерла ноющую голову.

– Расскажи мне что-нибудь новенькое.

– Итак, что ты видела?

Я рассказала Дафне, что я почувствовала, как Жасмин снова и снова пристально смотрела на фотографию, и каждый раз она становилась все яростнее, до тех пор пока она, наконец, не разорвала ее в порыве злости.

– Жасмин думала, что между Морган и Сэмсоном могло то-то быть? – спросила Дафна сомневающимся голосом. – Ты верно ошибаешься. Если бы Жасмин только предположила, что Морган примется за Сэмсона, она бы ей разрезала горло – и не закончила бы там, в библиотеке.

Я пожала плечами. Я не знала Жасмин достаточно хорошо, чтобы сказать, что она действительно могла сделать, а что нет. Я хочу только узнать, что с ней произошло, почему она пошла в библиотеку еще раз и почему никого не интересуется, что кто-то ее убил.

Возможно, это был мой цыганский дар, но у меня было такое чувство, что нужно следовать судьбе. Я должна узнать. Я обязана это выяснить. И, возможно, я при этом поиске смогу узнать что-то о себе.

Я покачала головой, чтобы прогнать эти странные мысли.

– Что еще есть в компьютере? Есть что-нибудь о Чаше Слез?

Дафна села за мой письменный стол и снова посвятила своё внимание компьютерному экрану.

– Ничего, что бросилось на глаза – подожди секунду. Здесь что-то есть. Выглядит так, будто Жасмин писала в этом году свою историческую статью о Чаше Слез. Посмотри.

Я посмотрела через плечо Дафны на экран. Действительно, Жасмин писала статью о Чаше и о том, что немейский охотник хотел вынести ее из архива, чтобы выставить в библиотеке древности. Я просмотрела статью, но она не давала мне ничего нового, чего бы я ни слышала недавно от профессора Метис. Возможно, я ошибаюсь. Может быть, в ее комнате была книга о больших артефактах, чтобы только написать статью.

Но все это не говорило мне, почему в тот вечер она оказалась в библиотеке. Хотела ли она еще раз посмотреть на Чашу? И если да, зачем? И почему в такое время? Так поздно ночью, когда никого там нет?

– Эй, – спросила я Дафну. – Ты знаешь, что Жасмин делала тем вечером в библиотеке? Почему она там была? Я помню, что видела там вечером четверых – тебя, Жасмин, Морган и Сэмсона. Зачем она вернулась?

Дафна пожала плечами.

– Мы шли назад в общежитие и долго там околачивались, смотрели телевизор и писали СМС. Жасмин сказала, что забыла свой свитер в библиотеке и хочет отправиться за ним, прежде чем библиотека закроется. Это был последний раз, когда я ее видела.

Тень падала на лицо Дафны, и ее пальцы барабанили по ноутбуку. Розовые искры пролетели,

как светляки сквозь комнату. Я позволила себе снова упасть на кровать, пытаюсь оправиться после прикосновения к фотографии, от накопившегося гнева Жасмин, ее ревности и ненависти.

Я попыталась представить, что моя мама, следовательно, сделала бы в этой ситуации, как она справилась бы с этим тупиком, в который я встала. Но я ничего не помнила.

– Так, тогда спасибо за помощь, – сказала я. – Я, эм, ценю это.

Дафна восприняла это, как сигнал для ухода. Она встала, взяла дизайнерскую сумку с пола и повесила ее на плечо. Потом Валькирия посмотрела на меня.

– Что ты будешь делать сейчас? – спросила она. – Все, что ты имеешь, историческую статью, порванное фото и пару ощущений. Не обманывай себя, Гвен. Любой Жнец мог проникнуть в библиотеку, чтобы украсть Чашу, и Жасмин имела неудачу, попасть на его пути. Вот почему она была убита. Это никакая не тайна, никакого заговора или что-то, в чем можно подозревать. Такие вещи происходят в Мифе.

Я хотела спросить, почему плохие вещи происходят, почему все ждут от студентов, что они растут, чтобы принять участие в тупой, старой войне между Богами. Почему Боги и Богини не носили эти вещи просто между собой, и оставили бы нас в покое? Но Дафна, вероятно, ответит также, как Карсон. Они оба выросли с этими разговорами о магии. Для них это было совершенно нормально, но не для меня.

Я только пожала плечами.

– Я не знаю что.

Она кивнула:

– Мда, тогда удачи, я полагаю.

Я снова кивнула, и она пошла к двери.

– Дафна

Она повернулась ко мне.

– Ты должна дать шанс Карсону. Он действительно по уши в тебя влюблен, – я не знала, почему рассказала об этом. Вероятно, потому что Дафна великолепно справилась с поставленной задачей, даже при том условии, что я шантажировала ее, чтобы она помогла мне.

Она нахмурила лоб.

– Откуда ты знаешь?

– Когда я прикоснулась к подвеске-розе, которая упала за письменный стол, когда ты украла браслет.

Она кивнула.

– Ну да, я почувствовала не только твои чувства. Но и Карсона тоже. Собственно, он купил браслет для тебя, Дафна. Он рассказал тебе эту историю о Лета Гастон только для того, чтобы посмотреть, что ты скажешь. Чтобы посмотреть, понравится ли тебе браслет или нет. В этот день он собирался отдать тебе его и спросить хочешь ли ты пойти с ним на бал. Но затем очень испугался.

Челюсть Дафны упала вниз от неожиданности и в ее черных глазах появилась надежда и удивление.

– Карсон... Я нравлюсь Карсону? Правда? Я действительно нравлюсь ему? Ты не выдумываешь все это?

Я покачала головой.

– Ты правда, ему нравишься, клянусь. Я вижу вещи, помнишь? Поверь мне, я знаю это.

Глупая, мечтательная улыбка появилась на лице Дафны. Но затем вспомнила, что я наблюдала за ней и снова сжала губы.

– Знаешь что, Гвен? Для полного фрика, который совершенно не следует моде, ты очень даже ничего.

С этими словами и маленькой, хитрой улыбкой на губах Валькирия повернулась и покинула комнату. Но самое странное было то, что я тоже ухмыльнулась ей, в то время пока она закрыла дверь за собой.

Глава одиннадцатая

В эту ночь я не могла уснуть, преимущественно, потому что я все еще страдала от эффектов видений, вызванных разорванной фотографией. У меня были сильные головные боли и остаточное чувство ярости Жасмин.

Возможно, мне лучше было бы узнать об этом. Наконец, мой дар заставил меня увидеть много вещей и многое прочувствовать за годы, преимущественно плохое, а иногда действительно ужасное. Но я все еще не могла поверить, что Жасмин Эштон, красивая, превосходная, богатая девочка, которая, по-видимому, имела все, что пожелает, была способна на такую ненависть к своей лучшей подруге. Даже, если она предположила, что между Морган и Сэмсоном действительно что-то было. Парни. Они не стоили такой ярости.

Мой недостаток сна повлиял на то, что я оставалась весь день ворчливой, особенно когда подошла очередь пятого урока – физкультуры.

Я ненавижу физкультуру.

Ходить в школу, полную потомков мифологических воинов, уже достаточно плохо. Но на самом деле сильные школы ждали, что я должна была быть достаточно спортивной. Физкультура в Мифе очень отличалась от урока в моей старой школе. Здесь не было никаких баскетбольных, софтбольных и волейбольных мячей.

Вместо этого помещение набили огромным количеством оружия.

Как и все остальное в Мифе спортивный зал был просто огромный, с потолком, который возвышался, наверное, на высоте ста метров над полом. На стропилах под потолком висел разноцветный баннер, на котором были оглашены соревнования Академии за последние годы, пока с обеих сторон зала возвышались деревянные перила. Пол покрывали толстые маты, под которыми находилась прорезиненная баскетбольная площадка. И на стенах висел различный оружейный арсенал: мечи, кинжалы, луки, боевые посохи и другие вещи, названия которых я даже не знала, но которые выглядели, как будто ими можно было перерезать кости, едва только прикоснувшись к ним.

В Мифе не шла речь о том, чтобы набрать как можно больше очков или пробежать больше кругов, как в моей старой школе. О, нет. Здесь действительно нужно было научиться использовать все это оружие. Мы учились убивать своего соперника, изувечивать его или пытаться, в зависимости от того, что было необходимо.

На данный момент я была тем, кого пытали.

– Хэйяя, – заричала девушка передо мной, прежде чем прыгнуть вперед, взмахнуть мечом над головой и с твердым намерением опустить вниз, чтобы убить меня, убить, убить.

Я скривила лицо, отступая и поднимая свой собственный меч. Её оружие ударило о моё лезвие и резкое "клииирр" отразилось на мою руку и плечо. Меч выскользнул из моих внезапно онемевших пальцев и упал на мат, и так происходило в пятый раз за пять минут.

– Ты должна отразить мой удар и только тогда напасть на меня. Не нужно каждый раз, когда я приготавливаюсь, бросать меч, – Талия Пизарро закатила глаза. – Святые небеса, Гвен! У тебя действительно все ужасно.

– Расскажи мне что-нибудь новое, – пробормотала я.

В начале урока физкультуры всегда вытаскивали листочки, чтобы решить, кто с кем борется. Талии не повезло, когда она получила в качестве партнера на этом уроке меня. Она была Амазонкой ростом почти метр восемьдесят с кожей эбенового дерева и коротко подстриженными волосами. Кроме того, Талия была капитаном женской команды фехтования и могла с легкостью проткнуть меня мечом, если бы она действительно захотела это сделать. Как и все другие Амазонки она обладала способностью быстро передвигаться. Если Талия начинала двигаться, можно было видеть только размытое пятно. Через секунду она уже стояла передо мной. В следующий момент она направила на меня меч уже в шестой раз.

– Давай попробуем еще раз, – рявкнула Талия. – Ты не умеешь ничего из этого, но я хочу выдержать проверку для статуса "продвинутый" на следующей неделе.

О да. Был еще экзамен. Я получала отметки за то, что хорошо смогла отрубить голову кому-нибудь или умудрилась попасть стрелой в его глаз. В моей старой школе я была очень горда своей формой, но сейчас физкультура была уроком в Мифе, который я, скорее всего, окончательно провалю в конце семестра. Она есть в каждом семестре. Ученики должны каждый семестр сдавать физкультуру и владение оружием. О-да-да.

Так как Талия смотрела на меня с убийственно жадным выражением лица, я вздохнула и снова подняла меч. Кроме того, я воспользовалась короткой передышкой, чтобы бросить взгляд направо, где Морган МакДугал боролась внутри кольца со своим спаринг-партнером, другой Валькирией.

Физкультура была единственным уроком, который у меня совпадал с Морган и я уже целый час наблюдала за ней. Вероятно, я ошибалась и, вероятно, цеплялась за соломинки, но мне казалось, что была какая-то связь между убийством Жасмин и разорванной фотографией Морган и Сэмсона. Кое-что, очевидно, ускользало от меня.

Я была не единственной, кого интересовала Морган. Большинство парней постоянно бросали на нее взгляды, так как Морган в своей узкой белой футболке выглядела лучше, чем все остальные девочки. И Морган знала, что мальчики наблюдают за ней. Примерно десять минут назад она намеренно слегка пролила воду на футболку, так что материал прилип к черному бюстгалтеру, который был на ней надет.

Морган и ее партнерша как раз заканчивали последний раунд. Тогда Морган бросила взгляд на покрытые алмазами часы, что-то сказала другой девушке и исчезла в одной из боковых дверей спортивного зала.

Я прищурила глаза. Не прошло и получаса. Куда собралась Валькирия?

– Подержи немного, – сказала я, сунула свой меч в руки Талии и поспешила за Морган.

– Эй! Что ты думаешь, куда ты собралась? – прошипела Талия, но я не обратила на нее внимание.

Я не особо нуждалась в этом занятии. Я не происходила от одного из мифологических воинов, и я ни в коем случае не собиралась связываться с Пантеоном, Жнецами или Воинами Хаоса. Но я хотела знать, что произошло с Жасмин и слежка за Морган должна была мне в этом помочь.

Я держалась на краю зала, чтобы не привлекать к себе внимание, потому что хотела покинуть помещение посреди занятия. Так как все остальные были полностью заняты тем, что колотили друг друга, никто не посмотрел в мою сторону.

Даже Логан Куин, который боролся на другой стороне зала. Логан и Оливер Хектор, другой Спартанец, как раз получили несколько указаний от Эйджекса. Высокий, неуклюжий тренер выкрикнул им указания, затем оба борца поклонились друг другу, прежде чем встать в позицию для атаки. Эйджекс поднял руку и опустил, а затем оба Спартанца набросились друг на друга.

Удар-удар-удар!

Два боевых посоха рассекали воздух, когда Логан и Оливер боролись. Оба уворачивались и извивались, чтобы ударить противника по черепу тупым оружием. Борьба длилась, вероятно, секунд тридцать. Затем Логан выполнил первоклассное нападение, подставив посох под ноги Оливеру, повалив его, прыгнул вперед и прижал конец посоха к шее противника. Победитель: Логан Куин.

Тренер Эйджекс снова что-то прорычал и зааплодировал, по-видимому, довольный своим лучшим учеником. Логан улыбнулся и мимоходом отступил назад, при этом, не переставая крутить в руках посох, как будто он просто занимался жонглированием, а не держал в руках смертельное оружие. Он, конечно, любил физкультуру. Кажется, он лучше всего умел избивать других людей. Особенно, если верить всем тем слухам о том, какими жестокими, дикими и сумасшедшими были он и его друзья.

Кроме того, он обладал приятной внешностью. Логан был одет в футболку с отрезанными рукавами, которая открывала мышцы на его руках. Ее темно-синий цвет подчеркивал его ледяные глаза, так что они, кажется, светились, так что я могла их разглядеть с другого конца спортивного зала. Тогда Логан приподнял край футболки, чтобы вытереть пот на лбу и приоткрыл плоский, мускулистый живот.

На некоторое время я остановилась как зачарованная. Просто... Вау. Все это, и его живот, похожий на стиральную доску, рядом с которым вид Сэмсона Сорензена казался смешным. Мне стало интересно, все остальные Спартанцы в Мифе такие же опасные и сексуальные как Логан или только он обладал таким шармом.

Стрела, которая с разрывающим шумом прорезала воздух рядом со мной, вернула меня в реальный мир. Я покачала головой и начала двигаться. Я была здесь не для того, чтобы смотреть на Логана. Мне нужно было проследить за Валькирией.

Я поспешила дальше и проскользнула в ту же боковую дверь, которой воспользовалась Морган. Она вела в маленький внутренний двор, который связывал спортзал с бассейном, принадлежащим спортивной части Академии.

в дополнение к деревьям гиацинтов и лотоса во дворе находился круглый фонтан с каменными Нимфами, которые выдували воду в воздух. Как и все другие статуи в Академии для меня Нимфы казались слишком настоящими, как будто они приготовились к тому, чтобы прыгнуть в воду и заколоть следующую жертву трезубцем. Сквозь занавески длинных волос глаза нимфы были направлены на меня и наблюдали. Зловеще. Особенно потому, что они были совершенно голыми. Отвратительно.

Я осмотрелась вокруг, но нигде не заметила Морган. Неужели она зачем-то отправилась к бассейну?

Тогда мое внимание привлекло хихиканье, и я сделала несколько шагов вперед. Глубокий голос что-то бормотал, и снова раздалось хихиканье, на этот раз немного громче и более кокетливо. Я двинулась по аллее, которая пролегалa вдоль стены внутреннего двора, по направлению к шуму в другом конце, который полностью затянул лотос. Я глубоко вздохнула и выглянула из-за ствола.

Морган МакДугал и Сэмсон Сорензен стояли приблизительно в шести метрах от меня за стеной, спрятавшись за кустарником.

И грубо обжимались.

Моя челюсть упала вниз. Ясно, Жасмин предполагала, что между этими двумя, ее лучшей подругой и другом, что-то есть, но это было не то, что увидеть это самолично. Особенно потому, что они так открыто флиртуют. Если бы Морган могла засунуть свой язык еще глубже в рот Сэмсона, то смогла бы вытащить его с другой стороны. И руки Сэмсона путешествовали по телу Морган, сжимали и гладили все, к чему прикасались, а она позволяла ему все. В сочетании с фактом, что Сэмсон был одет только в плавки, это уже походило на порно. Распущенные ученики Мифа.

Наконец, через минуту или около того, они оторвались друг от друга. Оба тяжело дышали.

– Давай уже детка, – пела Морган. – Давай уединимся в нашем укромном местечке в раздевалке. Я едва могу дождаться, чтобы мои руки могли прикоснуться к твоему твердому телу.

Я сопела. Для меня все выглядело таким образом, как будто они могли сделать так, как будто она думала, что она могла прижаться еще ближе к нему в его плавках.

Сэмсон ухмыльнулся ей, но одновременно с этим покачал головой.

– Мне жаль. Тренер Лир разнимает там как раз Кензи и Танака друг от друга, так что он на секунду отвлекся. Тебе просто нужно подождать до вечера, до костра. Кроме того, не очень хорошо, если нас сейчас увидят вместе, помнишь? Я имею в виду, Жасмин мертва только несколько дней. Как бы это выглядело?

Морган провела ногтем по его обнаженной коже, и зеленые искры блестели в воздухе вокруг него.

– Мне безразлично как это выглядит. Я не хочу прятаться. Ты должен был порвать с ней еще, когда она была жива.

Я распахнула глаза и не могла поверить тому, что я слышала. Это двое действительно это сделали? Убили ли они Жасмин, чтобы встречаться? Мне казалось это слишком, даже для Мифической Академии, где мало что имело смысла.

– Ну, кто бы ее не убил, он упростил нам задачу, – сказал Сэмсон. – Ты знаешь, она бы никогда не позволила бы мне уйти от нее. Она сама сказала мне. Она считала, мы поженимся и будем жить вместе до конца наших дней, несмотря на то, что она даже не спала со мной.

Морган снова провела пальцами по груди Сэмсона. Очередная порция зеленых искр появились в воздухе, а ее ногти оставили красные полосы, но Сэмсона это не беспокоило.

– Жасмин рассказывала мне также, что она думала, что ты ее с кем-то обманываешь, – Морган зло ухмыльнулась. – Она не могла подумать, что это была я.

Неправда, подумала я. Жасмин знала, что Морган спала с ее парнем. Она, кажется, только не смогла что-нибудь предпринять, прежде чем была убита в библиотеке.

– Итак, я увижу тебя сегодня во время костра? – ворковала Морган и снова обвила руки вокруг шеи Сэмсона.

– Обязательно. И после этого тоже. Мы улизнем и устроим свою собственную вечеринку, – Сэмсон одарил ее натренированной улыбкой, затем наклонил голову и поцеловал ее...

Рука легла на мое плечо и пальцы впивались в мою кожу через футболку. Как-то у меня получилось сдержать крик. Когда я обернулась, передо мной была Талия Пизарро, которая смотрела на меня злым взглядом.

– Что ты здесь делаешь? – хотела знать Талия. – Мы должны бороться друг против друга, ты помнишь?

– Я просто немного отдохнула, – соврала я.

Я пошла назад в направлении стадиона и заставила тем самым отступить Талию на несколько шагов. Морган и Сэмсон не должны узнать, что я шпионила за ними.

Я высоко подняла на затылок свои коричневые волосы и помахала рукой перед своим лицом, как будто мне не хватало воздуха.

– Если ты еще не заметила в зале приблизительно пятьдесят градусов.

Мой ответ, кажется, удовлетворил ее, хотя Талия и бросила на меня еще один взгляд, так как ей пришлось искать меня здесь снаружи.

Я еще немного поиграла со своими волосами и использовала возможность, чтобы бросить взгляд через плечо. Морган и Сэмсон покинули свое любовное гнездышко. Даже при условии, что они исчезли. Все же, я не разочаровалась. Я знала, где они будут вечером. И я поприсутствую на их маленькой вечеринке.

Так как между этими двумя что-то пробежало, я была готова поспорить, что это было как-то связано со смертью Жасмин.

– Идем уже, Гвен, – снова закричала Талия. – Я хочу пройти еще пару кругов, прежде чем закончится урок.

Через мгновение я пошлепала вслед за Амазонкой назад в спортивный зал.

Глава двенадцатая

Этим вечером был запланирован огромный костер. Очевидно, это была традиция Академии, и это мероприятие всегда проводилось перед большим балом. Бал, конечно, состоится в столовой. Даже в Мифе, не могли найти лучшего места для проведения танцевального вечера, чем в Кафетерии. Некоторые вещи никогда не изменятся, не зависимо от того, в какую школу вы ходите.

Как всегда я бы не пошла на костер, как и на другие школьные мероприятия. Это было бы не так, если бы у меня были друзья, которые просили бы с ними пойти. Или если бы я была достаточно популярной, чтобы люди были заинтересованы, присутствую я на большом событии или нет. И, конечно, же не шла речь, о встрече с парнем, с которым я хотела бы прижаться под одеялом у огня.

Но Морган и Сэмсон договорились встретиться у огня и я не могла не увидеть, что они там замышляют. Я только надеялась, что это будет интереснее, чем их сухой секс во второй половине дня.

Вероятно, это было глупо, но я просто не могла отогнать это чувство, что эти оба были как-то связаны со смертью Жасмин. Очевидно, они не сами убили Жасмин, но что-то мне казалось неправильным. Кроме того я не планировала вечером ничего другого, кроме как посидеть в своей комнате, впихнуть в себя нездоровую пищу и читать комиксы.

Большой костер находился в одном амфитеатре, во впадине под библиотекой древностей. Я приняла душ, надела чистые джинсы, футболку и пурпурный пуловер с капюшоном и пошла. Было семь и на улице был темный октябрьский вечер. Воздух был холодным, но не неприятным, а звезды сияли на бархатном черном небе, как блестящие камни на платье принцессы на балу.

Верхняя часть амфитеатра состояла из низких, широких, каменных ступеней, которые служили сидениями. Ступени формировали полукруг и плавно спускались к высокому подиуму, который служил сценой. В отличие от других зданий кампуса театр был выстроен из белого камня, в которые были встроены трудноопределимые цветные точки – лазурные,

розовые, мягкие сиреневые тона.

Четыре колонны возвышались на сцене, на каждой была химера, которая держала мяч между изогнутых зубов и смотрела на ряды сидений, а вместе с тем и на посетителей.

Когда я вошла, сцена уже исчезала, и в обрамлении белых камней внизу амфитеатра был зажжен небольшой огонь. Я ждала, что остальные будут уже смеяться и разговаривать заплетающимся языком, но вместо этого все были спокойными, почти серьезными. Вместо того, чтобы объединиться в привычные группки и болтать, все ученики стояли в ряд, который тянулся вдоль ступеней амфитеатра наверх.

Я не была уверена, что это значит, поэтому держалась на заднем плане, не вставала в ряд, а обращала внимание на то, чтобы не подходить в мерцающее зарево пожара.

Один за другим ученики проходили мимо огромного мужчины, на котором была кобальтовая накидка, а на голове корона из серебряных листьев. Сзади него горел огонь, и мне потребовалось время, чтобы понять, что это Найкмедс. Что он там делал? И почему на нем была эта смешная накидка и корона? Он переоделся для вечера, играя в ролевую игру из Dungeons and Dragons (имеется в виду компьютерная игра) или что-то в этом роде?

По-видимому, другие ученики не видели ничего странного во внешнем виде библиотекаря. Я не слышала никаких насмешливых замечаний, тайных хихиканий, совсем ничего. Все были такими тихими, как будто они были на погребении. Люди, которые проходили мимо Найкмедса, опускали руку в большую серебряную миску, которую он держал, и брали себе горсть того, что там было. Я наблюдала, как первая девочка в ряду пошла к каменному кольцу. Остановилась на некоторое время перед огнем, а затем бросила горсть серебряной пыли в сердце огня.

Вшшш!

Что бы это ни была за пыль, она заставила огонь вспыхнуть и подняться выше, оранжевые языки пламени получили легкий серебряный оттенок. Ученики повторяли этот процесс друг за другом, среди них были так же Метис, тренер Эйджекс и некоторые из других профессоров. Когда последний ученик завершил процесс, огонь достигал верхней ступени амфитеатра, и жара заставила воздух дрожать и полыхать, как будто он был живым. Но это была больше чем жара.

Воздух изменялся, как будто он был чем-то утяжелен. Это был вид старой, бдительной, всезнающей силы, которую я всегда чувствовала, когда бабушка Фрост получала одно из своих видений. Я задрожала и обхватила себя руками. Я не могла верить во все магические фокусы-покусы, о которых постоянно говорили профессора, но здесь, сегодня вечером я могла практически поверить, что Боги и монстры действительно существуют, и что все они наблюдали за нами.

– Мы посвящаем этот огонь всем, кто боролся до нас, – проговорил Найкмедс. – Свет их жертв заставит тьму развеяться и приведет в порядок Хаос. Благодаря им мы живем и они продолжают жить в нас.

– И они продолжают жить в нас, – пробормотали все, и слова распространились в темноте.

На какой-то момент огонь вспыхнул еще выше и ярче, языки были скорее серебряными, чем золотыми. Затем я моргнула, и иллюзия исчезла. Это был просто костер, который горел в своем каменном кольце, в то время как потрескивание и сладкий дым наполнял воздух, ничего больше.

Таким образом, ритуал был завершен, и все расслабились. Не прошло и минуты, как ученики снова собрались в свои обыкновенные группы. Казалось, как будто я только моргнула, а картинка перед моими глазами была именно той, какой должна была быть с самого начала.

Подростки стояли вокруг костра и хихикая беседовали, в то время как другие сидели в

шезлонгах или обжимались друг с другом под потолком на каменных ступеньках. Я не замечала до сих пор, но в нескольких шагах от меня находилось несколько столов с обыкновенной едой и напитками. Несколько учеников вытащили длинные металлические палки, которые использовали для того чтобы пожарить на огне зефирные шарики.

Увиденное помогло мне стряхнуть с себя странное чувство, которое налетело на меня раньше, и напомнило мне о том, почему я вообще здесь. Ммм. Зефир. Одна из моих любимых сладостей. Я должна пожарить себе несколько, чтобы взять с собой в комнату, как только узнаю, что замышляют Морган и Сэмсон.

Метис, тренер Эйджекс и несколько других профессоров патрулировали по краям амфитеатра, чтобы следить, что никто не занимается глупыми вещами. Как, например, хватать горящую палку из огня и поджечь волосы кому-то другому.

Кроме того профессора должны были следить, чтобы никто не употреблял спиртные напитки. Но не особо строго. "Никакого алкоголя" – правило кампуса. Несколько молодых людей прикладывались к маленьким флягам, и как всегда чувствовали себя незамеченными. Некоторые были более дерзкими и держали в руках пиво, вино или что-то еще в пластиковом стакане. Пара ребят, в основном Римляне, даже открывали банки и позволяли пене струей подниматься вверх, прежде чем выпить ее и раздавить пустую банку себе об голову. Но пока не было драки, Метис и другие профессора, казалось, давали возможность ученикам получать удовольствие, по крайней мере, сегодня вечером.

Я двигалась вдоль края амфитеатра, оставалась в тени и пыталась найти Морган и Сэмсона. Я не сразу заметила их, но тогда я увидела кое-кого другого, кого знала – Карсона Каллахана. Он играл в стихийно возникшей группе, которая собралась рядом со столами с едой, он играл на каком-то виде барабана, кажется он называет боуран (ирландский бубен).

Рядом с ним еще парень с гитарой, девушка со скрипкой и парень с тарелками. Четверо играли импровизированную, быстро исполняемую кельтскую рок-музыку. На самом деле вместе они звучали очень хорошо. Я кивнула Карсону, но он не видел меня и я пошла дальше.

Я была не единственной, кто держал Карсона в поле зрения. На другой стороне пылающий огонь освещал Дафну Круз, которая смотрела в его направлении. Она полностью сконцентрировалась на музыкальном чуде.

И рядом с ней стояла Морган МакДугалл. Бинго.

Я пошла дальше вокруг огня и пыталась не выглядеть так, как будто я шпионила за одной из популярных девочек в школе, а как будто у меня была цель. Морган была из тех, кто пил, так как она держала бокал с пивом в правой руке. Дафна тоже пила, но ее выбор напитка выглядел скорее как вино.

Я настолько была занята тем, что пристально смотрела на Морган и Дафну, что совершенно не смотрела на дорогу и снова наткнулась на кого-то, кого знала.

Логан Куин.

Спартанец держал в руках колу. Теперь она пролилась на его рубашку с длинным рукавом и джинсы, так что он был полностью мокрым. О-о. Логан удивленно сделал шаг назад и открыл рот, наверное, чтобы проклясть меня за то, что я толкнула его. Но затем он узнал меня и ухмылка на его лице превратилась в знающую, натренированную улыбку.

– Конечно, девочка-цыганка, – проговорил он растянуто. – Нам действительно стоит перестать постоянно сталкиваться.

– Действительно, – пробормотала я. – Мне очень жаль, что я толкнула тебя. Снова.

Я радовалась темноте, которая скрывала мое покрасневшее от стыда лицо. Обычно я не была

таким деревом, и я следила за дорогой, по которой шла. А также тот факт, что я никогда не говорила до этой недели с Логаном, теперь я снова и снова попадалась на его пути, в буквальном смысле. Спартанец думал, наверное, что я преследовала его таким образом. Эта мысль заставила мое лицо покраснеть еще больше.

Я хотела обойти его, но Логан преградил мне дорогу. Я изменила направление, но он снова заблокировал мне путь.

– Что? – рывкнула я, так как ситуация с каждой минутой становилась все более неловкой для меня. Особенно из-за того, как рубашка Логана прилипла к его телу и сделала возможным разглядеть его накачанный пресс на животе, от которого я не могла отвести глаз. – Ты чего-то хотел?

– Только получить удовольствие от твоего общества, девочка-цыганка.

Затем Логан улыбнулся мне легкой и вызывающей улыбкой, которая растянула его губы вверх и заставила его голубые глаза светиться. Мой мозг был готов издать дух, так как ему не хватало воздуха уже некоторое время, хотя мое сердце билось в груди как сумасшедшее. Бум-бум-бум. Если бы оно билось еще быстрее, Логан мог бы его услышать, и это было бы еще более неловким.

После того, как я пристально смотрела на него несколько секунд, мой мозг снова начал работать, и я вспомнила о том, с кем я сейчас говорю. Это был чертов Логан Куин, мужская "проститутка" Академии. Он разговаривал со мной, наверное, только потому, что я позволила себе отшить его незадолго до этого и он хотел попробовать снова.

Он определенно убежден в том, что я одинокая, без друзей и поэтому была легкой добычей. А также в том, что я – девочка-подстилка, которую он мог бы использовать и никогда больше не разговаривать со мной.

Краем глаза я видела, как Морган что-то сказала Дафне, а затем исчезла в толпе. Морган видимо отправилась на встречу с Сэмсоном, и Логан не смог бы удержать меня от того, чтобы я узнала, что они замыслили.

– Мне очень жаль, – сказала я. – Теперь мое общество отправляется в другое место.

Логан открыл рот, чтобы что-то сказать, но на этот раз я протиснулась мимо него и исчезла в темноте.

Голубой пуловер Морган и ее белые джинсы отчетливо выделялись на темной траве, что не вызывало труда следовать за ней. Ну, и тот факт, что Валькирия уже была пьяна. Она шаталась и останавливалась время от времени, чтобы сделать глоток из бокала пока шла от амфитеатра по холму вверх в направлении библиотеки.

Библиотека древностей была не лучшим местом для романтических свиданий по моему мнению, но я последовала за Морган, в то время как я путешествовала от одной группы людей к другой, чтобы она не заметила меня. Я могла бы сэкономить свои усилия. Валькирия не оборачивалась, ни разу.

Мне было интересно, знала ли Жасмин, что ее лучшая подруга спала с ее парнем. Последовала ли она за Морган, когда следовала за ней ночью. Я не чувствовала, что Морган МакДугалл была настолько умна, как она сама думала.

Морган достигла вершины холма, я остановилась и сделала вид, что завязываю шнурок, чтобы дать ей время пересечь внутренний двор. И тогда поднялась на холм следом за ней.

Когда я поднялась наверх, то еще видела, как Морган поднималась по широким ступеням библиотеки. Библиотека была закрыта из-за костра и Валькирия свернула к широкому ходу аркад, который тянулся вокруг здания. Там стояли расставленные столы и стулья, чтобы ученики могла насладиться чтением во время теплой погоды.

Я не спешила за ней вверх по ступеням, а осталась на лужайке, чтобы передвигаться на той же высоте, как и Валькирия от дерева к дереву. Таким образом, я могла сохранить ее в поле зрения.

Морган как раз заворачивала за угол, когда рука схватила ее и утащила в тень. Я остановилась за деревом и спрашивала себя, была ли это та личность, которая убила Жасмин, все еще в районе библиотеки. Вероятно, злодей не исчез, после того, как украл Чашу Слез, как все думали.

Но тогда Морган захихикала, и я услышала громкий, чавкающий шум. Я закатила глаза. Звук, как будто Сэмсон пришел к ней.

– Настало время, и ты пришла.

В самом деле, это был голос Сэмсона, который доносился из темного прохода. Я прищурила глаза. Благодаря лампам, которые находились вокруг библиотеки, я могла точно заключить, что это был Викинг, стоящий в тени.

– Ммммм, – согласилась Морган.

Я услышала очередную порцию чавкающего шума, когда что-то звякнуло, это было похоже на расстегивающуюся молнию. Морган еще раз хихикнула, и я расслышала шелест одежды. Минутой позже тяжелое дыхание Сэмсона.

– О, да, детка. Жестче. Жестче.

Морган издала гортанный звук и, по-видимому, последовала просьбе.

Я вытянула лицо и поборола желание прижать руки к ушам и побежать назад к костру. Я надеялась, что они расскажут что-то о смерти Жасмин. Я не рассчитывала на то, что услышу здесь, как Морган будет заниматься сексом со своим тайным другом. Проклятье. Огромное проклятье...

Внезапно с верхнего этажа библиотеки посыпались вниз камни. Это было похоже на то, как будто шел дождь из шариков, но Морган и Сэмсон были слишком заняты, чтобы заметить это. Я встала под дерево и с благодарностью посмотрела наверх.

Одна из каменных статуй стояла ближе к краю крыши, чем должна была. В то время как я посмотрела наверх, статуя качалась вперед назад. Затем она свалилась вперед и начала свой непрерывный полет вниз, где она должна была бы упасть прямо на головы Морган и Сэмсона.

– Осторожно! – закричала я.

Удивленно оба оторвались друг от друга. Сэмсон посмотрел наверх и заметил статую, которая мчалась на них. Он схватил Морган и вытащил ее и себя с опасной точки. За ними послышался треск, точно на том месте, на котором они стояли две секунды назад, где теперь статуя рассыпалась на тысячу кусочков.

Я побежала к ближайшей лестнице в библиотеку и поспешила к ним. Они лежали на земле в проходе между аркадами.

– С вами все в порядке?

– Спустись с меня, – пробормотала Морган. – Ты помнешь мой новый кашемировый пуловер.

Хмыкнув, Сэмсон перекатил свое тело и упал в лужу. Я видела, что он спустил всю одежду ниже пояса, чтобы упростить задачу Морган. Я быстро отвела взгляд.

– Эмм, с вами все в порядке? – спросила я снова и совершенно не смотрела в их сторону, пока Сэмсон вставал на ноги и прятал все в брюках.

– У нас все было отлично, до тех пор, пока ты не появилась, Фрик, – пробормотала Морган.

Она встала, отряхнула грязь со своей одежды и зло на меня уставилась, потом сморщила нос и посмотрела на стол из кованого железа, на котором стояло ее пиво. Стол упал вместе с ее бокалом во время тряски, и Валькирия возмущалась больше из-за ее пролитого напитка, а не расстраивалась по поводу того, что ее мозги почти, что чуть не разможились каменной глыбой.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Сэмсон и посмотрел на меня, прищурив взгляд. – Ты за нами шпионишь?

Мой мозг внезапно опустел.

– Я...

– Она – цыганский фрик. Она никто. Кого волнует, что она делала? – сказала Морган. – Пойдем. Сейчас. Я тебе говорила, что это плохая идея. Мы должны были просто вернуться в общежитие. Но нет, ты настоял на том, чтобы сделать это в общественном месте.

Сэмсон просопел.

– Ох, как будто ты была против. Сегодня после обеда ты меня потащила во внутренний двор.

Морган поставила руки на бедро, открыла рот и хотела было сказать что-то едкое в лицо Сэмсону. Но Валькирия вспомнила, что я все еще здесь и наблюдаю за ними.

Я собиралась выразить свой протест, по поводу того, что я не цыганский фрик и я ни не никто, но Морган бросила на меня еще один злобный взгляд, схватила Сэмсона за руку и потащила его за собой, бросаясь мимо меня.

Это было действительно отвратительно. Я не слышала ничего полезного и сейчас они оба думают, что я больная шпионка, которая охотно наблюдает за людьми, занимающимися оральным сексом. Я вздохнула.

Потом я отогнала эту мысль о последних неловких минутах и взглянула вверх на библиотеку. Моя мама Грейс никогда не верила в совпадения как следствие, и она научила меня также принимать их непросто. Я не могла не спросить себя о том, как и почему эта статуя отделилась от крыши точно в тот момент, когда Морган и Сэмсон под ней стояли.

Знал ли еще кто-то, что они тайком уходили? Тот, кто хотел навредить кому-то одному или даже обоим? Если да, кто мог сделать что-то в этом роде? И зачем?

Жасмин была единственной, у кого были причины, ненавидеть Сэмсона и Морган. По крайней мере, это то, что я знаю. Но Жасмин мертва. Я не знала, как всё происходит в Мифе, но я была уверена, что мертвые люди не могут сбрасывать статуи со зданий.

Я пристально посмотрела на каменные остатки. Статуя была больше, чем я, но сейчас от нее немного осталось. Она была такой старой и так упала, что при ударе превратилась в порошок. Но здесь лежали и большие куски обломков. Возможно, я могла бы использовать свой цыганский дар, чтобы прочесть что-нибудь.

Возможно, это действительно был несчастный случай, и камень мог мне только рассказать, сколько ему лет и как погода сносила его в течение всех этих лет. Или, возможно, только возможно, кто-то толкнул эту статую, и я могла бы увидеть, кто это был – и приблизиться к ответу на свой вопрос, кто убил Жасмин.

Я как раз протянула руку, чтобы прикоснуться к обломку статуи, чтобы увидеть, почувствовать вибрации, когда воздух за мной разорвался глубоким, зловещим рычанием.

Рычание, которое было злее, чем что-либо.

Я замерла, а потом медленно повернулась.

...монстр стоял за моей спиной на асфальте. Он выглядел как пантера, только больше.

Намного больше. Его плечи были почти на одном уровне с моей талией и он был намного длиннее, чем мой рост. Его шерсть поблескивала черным с легким оттенком красного в нем,

которого я не понимала. Глаза пантеры были также красными – темный, светящийся красный, который заставлял думать об огне, крови и смерти. Существо выглядело как рисунок в моей книге по истории Мифа, оживший мифический монстр, который только и ждёт, чтобы меня съесть.

Пантера, кошка или что оно там, разомкнула пасть, и раздалось еще более глубокое рычание. Лампы вокруг библиотеки освещали каждый его острый как бритва зуб.

Тогда монстр захлопнул пасть, облизнул губы своим длинным, красным языком и подошел ко мне.

Глава тринадцатая

О, нет!

Я точно не знала, что это была за пантера или из какого кошмарного мифологического сна она появилась, но ничего с такими зубами, бегающее вокруг в темноте, не могло быть дружелюбным.

Как будто прочитав мои мысли, пантера издала звук, похожий на тихое бульканье. Как будто, она смеялась надо мной. Леденящий душу звук позаботился о том, чтобы я затаила дыхание и кровь замерла в моих жилах. Пантера улыбнулась, обнажив все свои зубы, затем подползла ближе на лапах, которые были больше чем мои руки, с согнутыми, острыми как иглы когтями. При каждом шаге они впивались в каменную дорожку между аркадами, как секундная стрелка на часах отсчитывает последние секунды жизни.

Я просто продолжала стоять. Во-первых, потому что ужасно боялась и мне было ясно, что мои трясущиеся колени подогнулись бы, если бы я попыталась убежать. Но с другой стороны, так как я выдела достаточное количество программ про животных, чтобы знать, что не могу убежать от пантеры. И, конечно, у меня не было никакого оружия, которым я могла бы попытаться защититься. Даже если бы я владела мечом, что я подвергаю большому сомнению, который я могла бы использовать.

Впервые я пожалела о том, что была не так внимательна на физкультуре, когда тренер Эйджекс и другие учителя говорили о подобных нападениях и о том, как вырубить Жнеца. Я же не думала, что что-нибудь подобное произойдет в реальности. Но теперь я была на пути к полной вере. Так как прямо здесь передо мной было это существо? Оно была очень даже реальным и я могла видеть ее зубы, а они действительно были очень острыми.

Пантера сделала круг вокруг меня, затем распахнула пасть, которая была размером с полную луну. Она казалась разочарованной, потому что я не хотела убегать. Или, по меньшей мере, кричать. Хвост, который был как минимум сантиметров девяносто, двигался, по-видимому, нервно туда-сюда. Или, вероятно, так она предвкушала радость. Я не знала. Я была скорее собачницей.

Я откашлялась, и пантера остановилась, подняв круглое ухо. Она слушала меня.

– Эм, милая киска?

Пантера прищурила глаза и в их красных глубинах вспыхнул огонь. Она извергла угрожающий шипящий шум. Нет, нет, нет. Абсолютно точно не добрая киска.

Огромная кошка прокралась в другой угол. Как только она повернулась ко мне спиной, я присела и схватила самый большой кусок от разрушенной статуи, который смогла найти. Я подождала одну секунду и вдруг задумалась, получу ли я какое-то видение от камня, но ничего не происходило. Или, вероятно, чувства и картинки просто не могла проникнуть в меня из-за переполняющей меня паники.

Я не знала точно, что столкнуло статую, вероятно, украшающую сточный желоб. Что бы это ни было, но у нее были рога, один из которых я сейчас держала в руке. Мне стало интересно, достаточно ли он острый, чтобы проткнуть шкуру пантеры. Наверное, нет. Впервые в жизни я хотела быть сильной как Валькирия, быстрой как Амазонка или владеть оружием, так как Спартанцы, чем-то, что мне могло бы помочь.

То, что могло бы сохранить меня от того, чтобы меня разорвали на куски. Моя ладонь стала скользкой, мне приходилось постараться, чтобы удержать свое жалкое оружие.

Пантера достигла края площади и снова пошла на меня. Ее черный нос вздрагивал, а пасть растянулась в улыбке. Да, она чувствовала мой страх. Я воняла паникой.

Монстр, по-видимому, устал от игры, так как казалось, что пантера готовилась прыгнуть на меня и убить...

Пантера прыгнула, и я почувствовала, как что-то врезалось в меня. Я закрыла глаза и ждала, что зубы вопьются в меня. Вместо этого я почувствовала, как мое плечу ударились о каменную землю и чьи-то руки шарили по моему телу, и как будто что-то искали.

– Отдай мне это, – пробормотал голос мне в ухо.

Кто-то вырвал у меня из рук каменный рог, и я открыла глаза. Что происходит? Почему я еще не умерла? Я посмотрела вверх и увидела надо мной, между мной и пантерой, последнего человека, которого ожидала увидеть.

Логан Куин.

Он не бежал и не кричал, как он мог бы сделать – как мы оба могли бы сделать. Вместо этого он держался между мной и пантерой и сжимал в руке рог, словно, настоящее оружие.

Пантера прищурила свои кроваво-красные глаза и кралась сначала в одном, потом в другом направлении, чтобы обойти Логана и добраться до меня. Но Логан преградил ей дорогу и тверже сжал каменный рог. Пантера снова зло зашипела, и на лице Логана появилась... улыбка.

Наконец я поняла, что он собрался делать. Он хотел... он, в самом деле, хотел сражаться против монстра. На смерть.

О, нет!

Я даже умудрилась не закричать, когда пантера прыгнула на Логана.

Оба катались туда-сюда по каменной земле, поглощенные борьбой, рыча и плюя. Я поднялась на ноги и прижалась к стене. Я не знала, что должна сделать, кроме того, чтобы уйти у них с дороги. Вероятно, я должна была бы убежать. В сторону костра, чтобы привести помощь. Но по какой-то причине я не хотела оставлять Логана в темноте со злой пантерой.

Нет, не после того как он только что спас меня от монстра.

Между тем пантера взвыла, и вой пронзил мой мозг как кинжал. Я прижала руки к ушам и удивилась, как Логан мог вынести, находясь в самом эпицентре шума. Тогда я обернулась в поисках чего-то, что я могла бы использовать, чтобы помочь Логану. Мой взгляд упал на металлический стул, который стоял возле одного из столов. Я схватила его и подняла над головой.

В это время пантера подмяла под себя Логана, и ее зубы клацали непосредственно над лицом парня. Я побежала к ним, подняв стул еще выше и ударила им как можно сильнее монстра.

Я не смогла причинить никаких повреждений ей, но, во всяком случае, я смогла привлечь внимание пантеры. Монстр ударил лапой в мою сторону, но я использовала стул как щит. Когти с ужасным, скрипучим шумом скользнули по металлу и извлекли при этом красные искры.

Пока я отвлекала пантеру, Логан подтянул ноги к себе под пантерой и использовал какой-то искусный маневр, чтобы сбросить животное. Оно пролетело в воздухе и ударилось о балюстраду. Тогда Логан в сальто поднялся на ноги, как будто он был проклятым ниндзя.

Несмотря на факт, что я практически умерла как кошатница, это было самое первоклассное, что я когда-либо видела.

Пантера снова поднялась, но было слишком поздно. Логан бросился на создание и заколол ее каменным рогом.

Пантера взвыла. Это был ужаснейший звук, который я когда-либо слышала, высокий, горюющий крик, который разрывал мои барабанные перепонки изнутри. Это было почти... как пантера просила кого-то о помощи, просила помочь ей, избавить ее от боли.

Но шум, кажется, не мешал Логану. С яростным выражением на лице он вытащил рог из тела животного и снова нанес удар. Пантера еще раз взвыла и бросилась на Логана. Затем они просто двигались слишком быстро, чтобы я могла уследить за ними, просто единый клубок из рук и зубов, пока они пытались убить друг друга.

Я просто стояла там со своим раскуроченным стулом. Я бы бросилась снова на пантеру, если бы не боялась в этой попытке превратить в месиво череп Логана. Но я не получала никакой возможности предпринять что-то.

Пантера взвыла снова, и затем она, и Логан остались лежать неподвижно.

Как ударенная по голове я пристально смотрела на огромную черную тушу перед собой. Логан был где-то под ней.

Спартанец был мертв. Он должен был быть мертв. Никто не смог бы такое пережить. Это была мысль, которая наполняла мой мозг. Нет, нет, нет! Он был мертв. Он пытался помочь мне, пытался спасти меня и теперь он был мертв. Конечно, наверное, он и был легкомысленным парнем, который спал со всеми девчонками подряд, и, по непонятным причинам, пытался соблазнить и меня, но Логан был не только красив, он только что спас мне жизнь.

Что-то хрюкнуло. Я отступила и спросила себя, а мертва ли пантера. Ярость переполнила меня и я подняла стул, чтобы добить это животное, которое убило Логана.

– Ты, наверное, думаешь о том, чтобы положить стул в сторону и помочь мне вылезти из-под нее? – пробормотал напряженный голос.

Внезапно стул выскользнул из моих ослабевших пальцев и с грохотом упал на камни, затем я опустилась на колени рядом с пантерой.

– Логан! Ты еще жив!

Из-под тяжелого тела животного в моем направлении вытянулась рука, но я не видела его лица.

– Конечно, я еще жив. Я – Спартанец. Так ты будешь помогать мне или нет, цыганочка?

– Я помогаю. Конечно.

Я натянула рукава и протянула руку. Я не хотела прикасаться к монстру, не хотела чувствовать его ярость и боль, которые он испытал перед смертью, но у меня не было выбора. Поэтому я стиснула зубы, положила руки на шкуру твари и нажала так сильно, как только могла.

Ничего не произошло.

Пантера была просто слишком тяжелой, чтобы я могла ее сдвинуть. Она весила минимум сто пятьдесят килограмм.

Но действительно странным было то, что я не видела никаких видений. Никаких

мелькающих картинок, никаких чувств, совсем ничего. Я наморщила лоб. Что-то не так с моим даром, моей психометрией? Такое происходило уже третий раз за неделю. Сначала не было никаких колебаний от трупа Жасмин в библиотеке.

Тогда ничего не возникло от прикосновения к ее крови, хотя она была всюду на моих руках и одежде. И теперь я тоже ничего не чувствовала, когда прикасалась к созданию...

– Чего ты ждешь? – ворчал Логан. – Эта тварь давит мне на лицо и ребра, если ты еще не заметила.

Я не могла убрать с него пантеру никаким способом. Я просто была недостаточно сильна... Я прищурила глаза. Но я знала кого-то, кто был достаточно силен – и она должна мне кое-что.

– Оставайся здесь, – сказала я и поднялась на ноги. – Я приведу помощь. Скоро вернусь.

– Что? Подожди...

Логан хотел еще что-то сказать, но я уже побежала через арочный вход. Я мчалась по большой площади в ту сторону, откуда я первоначально пришла, потом вниз по склону к заднему двору и к костру. В то время пока я отсутствовала, кто-то настроил стерео, и сейчас громкая рок-музыка пересилила шум в амфитеатре.

Мне понадобилась минута, чтобы найти в толпе Дафну. Она стояла в колыхающейся тени вблизи костра и общалась с Карсоном. Оба улыбались, смеялись и бросали друг на друга сентиментальные взгляды, когда они чувствовали, что другие не смотрят. Я закатила глаза. Они действительно должны сойтись.

Я добралась до нее как раз, когда Карсон отставил свой стакан, глубоко вздохнул и посмотрел на Дафну взглядом полным значения.

– Дафна, я задавался вопросом, я думал, я знаю, это немного внезапно, но если ты еще не получила приглашение на бал...

Я появилась рядом с Дафной, и Карсон подавил испуганный крик. Дафна сразу съежилась, также удивленная как и Музыкальный Фрик моим появлением.

– Привет, Карсон, Дафна. Мне очень жаль, что я прерываю вас, но ты сейчас пойдешь со мной, – я схватила Дафну за рукав розовой кордонной куртки.

– Но... но... – больше Карсон не смог выдать из себя, поэтому я решила облегчить ему задачу.

– Да, – сказала я весело. – Была бы безумно рада пойти завтра вечером с тобой на бал. Она считает тебя потрясающим. Уже целую вечность мечтает о тебе. Но в данный момент она просто должна пойти со мной. Она позвонит тебе позже, и тогда вы сможете обсудить все детали. Цвет одежды, какие цветы приколоть и все такое. Но сейчас, пока.

Я потащила Дафну прочь от Музыкального Фрика вверх на холм в сторону библиотеки. Первые несколько метров Дафна казалась такой же расстроенной, как и Карсон. Но затем она пришла в себя и бросила взгляд через плечо. За нашими спинами Карсон улыбался как болван или как парень, у которого будет свидание с идеальной женщиной. Выражение лица Дафны, напротив, находилось где-то по середине между счастьем и смиренной яростью. Наконец, ярость победила.

– Я убью тебя за это, Гвен, – прошипела Дафна. – Медленно.

Я посмотрела на нее, однако, не прекратила тащить ее за собой на холм.

– Почему? Ты получила то, чего хотела. Свидание с Карсоном. Ты должна поблагодарить меня вместо того, чем распыляться о том, как ты можешь изуродовать мое лицо твоими искрящимися пальцами. Вы оба стояли бы там целый час, прежде чем он, наконец-то, набрался бы мужества пригласить тебя на свидание. Я только сократила ужасное ожидание.

Дафна прищурила глаза, но не возразила мне.

– Прекрасно. Возможно, ты и сделала что-то хорошее для меня. Но что тебе опять нужно от меня? Я не твой проклятый прислужник, ты знаешь? Ты мне даже не нравишься. Даже чуть-чуть. И мы не в коем случае не подруги или что-то подобное.

– Конечно, мы не подруги, – ответила я. – Я бы никогда, ни в коем случае, не смогла бы дружить с богатой, претендующей на трон принцессой как ты. Но так как ты – одна из немногих в Академии, кто вообще разговаривает со мной, выбор пал на тебя. А теперь поторопись. Логан сидит в засаде. Он, вероятно, ранен. Я точно не знаю.

– Логан? – спросила Дафна. – Как Логан Куин? Сам Логан Куин? Во что ты вляпалась, Гвен?

Мы оставили холм позади нас и я перешла на бег. Я ни секунды не слушала бормотание проклятий и Дафна побежала за мной. Ее ноги опускались на влажную траву в том же ритме что и мои. Я привела ее назад к библиотеке, в проход Аркад.

– Мне нужна твоя помощь с этим, сдвинуть эту штуку, чем бы она не являлась, – сказала я и показала на пантеру. – Логан убил ее и теперь погребен под ней.

Логан снова помахал рукой. По-видимому, он услышал, как мы прибежали на место.

– Господи! – прошептала Дафна и пристально посмотрела на создание широко раскрытыми глазами. – Это Немейский охотник!

Я посмотрела на нее.

– Что значит Немейский охотник?

– Ты что не знаешь, кто такие Охотники? – спросила Дафна. – Каждый знает об Охотниках.

Я пожала плечами.

– Я новенькая здесь, помнишь?

Она покачала головой.

– Ну, в любом случае, это – Немейский Охотник. Много-много лет назад Геркулес перебил целую стаю. Сегодня они скорее мифологическая противоположность хорошему. Ты знаешь, как черная кошка у ведьмы.

Я кивнула.

– Конечно.

– Только Охотники, конечно, гораздо больше, – говорила Дафна. – Более крупные, сильные, напорные. Их зубы могут разорвать все, что попадется, почему Жнецы их так и любят. Большинство Жнецов держат их не столько как домашних животных, а скорее, чтобы натравливать их на людей. Они те же монахи убийцы только в кошачьей шкуре. Боже, эти твари на самом деле ужасны. Я не могу поверить, что он действительно убил одного.

– Эй, – пробормотал Логан и помахал рукой, чтобы привлечь наше внимание к себе. – Я все еще лежу здесь внизу.

– Ой. Мне так жаль.

Дафна нагнулась вперед и засунула руки куда-то в шкуру существа, так как я делала это несколько минут назад. С силой Валькирии для нее не составило труда приподнять тушу Охотника, лежащего на Логане, и откатить в сторону. Дафна склонилась над существом и что-то бормотала, что она еще никогда не видела Охотника, и как это круто, что он мертв. И она считает меня странной.

Я упала на колени рядом с Логаном. Он лежал на спине и пытался снова восстановить дыхание, так как вес Охотника не давал вздохнуть полной грудью.

– Ты в порядке? – спросила я.

– Думаю да, – Логан посмотрел на меня и его уголки рта приподнялись в улыбке. – Но, возможно, тебе стоит сделать мне искусственное дыхание рот в рот, только чтобы быть полностью уверенной.

Закатив глаза, я встала.

– Ты вообще думаешь о чем-нибудь кроме секса?

– Нет, если ты поблизости, цыганочка, – его улыбка стала шире.

Я прищурила глаза, проглотила злой ответ. Вероятно, это не было хорошей идеей, критиковать парня, который только что спас тебе жизнь. Все равно. Логану Куину надо поучиться манерам.

– Эй, ребята, – сказала Дафна. – Наверное, вам стоит это увидеть.

Валькирия отступала пока не встала рядом с нами. Логан и я смотрели на Охотника, который прямо на наших глазах распадался, в прямом смысле этого слова.

Шкура существа, которая была настолько плотной и черной еще совсем недавно, поднималась наверх кусками, превращаясь в дым. Туман поднялся очень высоко, и на какой-то момент я могла поклясться, что увидела в нем два глаза сотканых из дыма. Они кажется, пристально смотрели на меня злобным взглядом, прежде чем прохладный, осенний бриз аркад развеял туман.

– Это... нормально? – прошептала я.

– Ни капельки, – пробормотала Дафна. – Я еще никогда не видела вблизи Охотника, но они также реальны как и мы. Они, собственно, не должны распадаться, если их убили. Только иллюзии способны на такое.

"Это делают только иллюзии". Слова Дафны разносились по моей голове, и я почувствовала, как в моем подсознании зашевелились воспоминания. Кое-что было связано с иллюзиями. Что-то, что в последний дни я увидела или услышала, или прочитала, или думала. Что-то важное. Но, чем больше я призывала воспоминание, чем более напряженно призывала его, тем глубже оно пряталось в моем мозгу...

Логан встал и потер грудь.

– Итак, что бы это ни было, оно очень тяжелое и было заинтересовано в том, чтобы убить меня.

От его слов я потеряла ход мысли, и воспоминание снова потонуло в темноте моего подсознания. Все же я боролась, чтобы понять, что только что видела.

– Но если Охотник был всего лишь иллюзией, тогда как он вообще мог нас поранить по-настоящему, или? – спросила я. – И почему он вообще здесь? Иллюзии – призраки, или что-то подобное? Они появляются в определенных местах?

Логан и Дафна обменялись взглядами, как будто я должна была точно знать, что здесь происходило, а не задавать такие очевидные вопросы.

– Нет, иллюзии – не призраки, – объяснила Дафна. – Иллюзии создают люди при помощи магии, Воинами как мы. И они могут совершать такие же реальные вещи, иногда даже хуже, зависит от того, какой вид иллюзии будет использован. Единственная разница между иллюзорным Охотником, который атаковал нас и настоящим Охотником состоит в том, что труп не исчез бы после того как Логан убил чудовище.

Вообще-то, я все еще не понимала, почему Охотник мог бы меня убить, если он был ничем иным как иллюзией, но я не хотела казаться последней простофилей, поэтому держала рот на замке.

Мы не могли сделать ничего другого кроме, как стоять там и смотреть, как Охотник исчезает. Тридцатью секундами позже не осталось и следа, кроме каменных осколков, которые были разбросаны вокруг, когда Логан бросил монстра об стену.

Когда исчезли последние останки Охотника, Дафна развернулась и ткнула пальцем в мое плечо.

– Я думаю, ты должна кое-что объяснить, Гвен. Итак, давай. Сейчас!

Ответ "Нет" не удовлетворил бы ее, и, вероятно, Логан заслужил хоть какое-то объяснение, после того, как его чуть ли не разорвали на куски из-за меня. Поэтому я рассказала им обо всем, что произошло сегодня вечером. Как я шпионила за Морган и Сэмсоном, как они спрятались, как упала статуя и почти убила этих двоих и в конце, как появился Охотник и пытался закусить мной.

– Итак Морган и Сэмсон были здесь заняты друг другом, когда статуя почти размозжила им головы. Затем появился Охотник и почти сожрал тебя, но Спартанец смог прикончить его раньше. Милая бойня, – сказала Дафна. – Как ты смог заколоть его таким рогом. Внушительно. Даже для Спартанца.

Логан ухмыльнулся и принял это как комплимент.

– Но что все это значит? – спросила Дафна. – Ты думаешь, что статую столкнули намеренно? Пытался кто-то навредить Морган и Сэмсону, и этот кто-то создал иллюзию Охотника и натравил его на тебя, так как ты предостерегла их?

Я пожала плечами.

– Я не знаю этого. Библиотека закрыта по вечерам, я никого не видела среди Аркад кроме Морган и Сэмсона. Кто должен был захотеть сделать больно мне или им? Жасмин была единственной, кого интересовали отношения между Морган и Сэмсоном, и она мертва.

– Вероятно, это был тот самый Жнец, который убил Жасмин, – предположил Логан. – Прежде чем покинуть библиотеку он наложил пару заклинаний, которые должны были позаботиться о том, чтобы статуя упала вниз и появился Охотник, чтобы скрыть его бегство. Возможно, оно не сработало как задумывалось, и ты, Морган и Сэмсон запустили их только сегодня.

– Это возможно. Жнецы очень взбалмошны. Они любят оставлять за собой подобные вещи, – кивнула Дафна.

– Вы думаете, что здесь на улице еще больше ловушек? – спросила я и нервно осмотрелась вокруг. Логан и Дафна покачали одновременно головами.

– Нет, – сказал Логан. – В противном случае, они бы все уже активировались, когда рассеялась иллюзия Охотника. Если ловушка активирована, активируются все остальные. Жнецы любят оставлять после себя максимальное количество разрушений.

Заколдованные ловушки? Все это мне кажется совершенно не реальным. Но десять минут назад передо мной был Немецкий Охотник.

– Я не знаю. Ничего из этого не имеет смысла, – сказала я.

Я потеряла голову, которая внезапно заболела. Я почувствовала себя так, как будто мне открылось что-то, что-то очевидное. Но как я не пыталась, не могла понять что именно.

– Идем, – сказал Логан. – Что бы здесь не произошло, ты не узнаешь об этом сегодня, цыганочка. Я не знаю как вы двое себя чувствуете, но я определенно нуждаюсь в душе.

Только сейчас я заметила, что вся одежда Логана перепачкана кровью, потому что он лежал под Охотником, когда тот упал на него. Кровь была черной, точно такой, каким был монстр, и она полностью уничтожила рубашку и джинсы. Сначала я разлила колу на его рубашку, а теперь это. Господи, какая я невнимательная.

– Мне очень жаль, – я вытянула лицо. – Я куплю тебе новую одежду. Но ты прав. Давайте исчезнем отсюда.

Дафна и Логан развернулись и пошли вниз по ступенькам от библиотеки, но я еще ненадолго

задержалась и посмотрела на то место, откуда упала статуя.

Конечно, я ничего там не увидела. Только еще сумеречные статуи. Вероятно, это все из-за сумасшедших вещей, которые произошли сегодня ночью, но я чувствовала взгляд, как будто кто-то или что-то наблюдает за мной с крыши библиотеки...

– Гвен! – крикнула Дафна. – Пошли уже!

Я поежилась и отвела взгляд от библиотеки. Но холодное чувство бдительности не покидало меня, пока я засовывала руки в карманы моего пуловера и поспешила за остальными.

Глава четырнадцатая

Логан, Дафна и я снова спускаемся по холму вниз во двор. Костер все еще горел, большинство учеников удобно устроились в шезлонгах, которые были установлены вокруг дружелюбного пламени, а некоторые удалились в более приватную сферу на ступенях амфитеатра. В тени верхних рядов сидели несколько пар, обернувшись в пледы, которые они захватили с собой из комнаты. Хихиканье, чавкающие звуки и громкий смех подсказывали мне время от времени, что происходило под одеялами.

Между тем все больше пьяных учеников шатались вокруг, некоторые настолько пьяны, что профессор Метис и тренер Эйджекс отправляли их назад в общежитие, прежде чем они успеют сделать что-то глупое, например, потерять сознание и упасть в костер.

– Эй, – начала я. – Как вы думаете, мы должны рассказать Метис, что произошло? Ну, об этой упавшей статуе и о Немейском Охотнике у библиотеки?

Вероятно, я должна была бы пойти к Метис, но я совсем забыла о профессоре в своей спешке. Я думала только о том, чтобы найти Дафну и отвести ее к библиотеке, чтобы она смогла убрать мертвого Охотника с Логана, прежде чем он задохнется.

– Верно, если бы у нас были хоть какие-то доказательства, – сказала Дафна. – Но статуя разбилась на мелкие кусочки, а Охотник растворился, помнишь? Кроме того, ты правда хочешь объяснять Метис, почему ты следила за Морган и Сэмсоном и чем они там занимались? Она обязательно тебя спросит, почему ты была в библиотеке, несмотря на то что она закрылась раньше из-за костра.

Я закусила губу. Дафна была права. Я не могла рассказать профессору Метис, что произошло, по крайней мере, не рассказав ей предысторию. Метис была классной, но я сомневалась, что она поняла бы, что я рылась в комнате Жасмин, украла ее ноутбук и теперь преследовала ее лучшую подругу и ее друга, только потому, что имела странное предчувствие от всех этих вещей.

– Насчет Охотника действительно жалко, – размышлял Логан. – Я хотел бы показать его тренеру Эйджексу. Он был бы поражен.

– Несомненно, – согласилась с ним Дафна.

Я посмотрела на этих двоих.

– Небеса! Вы действительно считаете классным убить мифического монстра?

– Совершенно, – ответила Дафна.

– Абсолютно, – присоединился Логан.

И они считают меня странной. По крайней мере, я мыслю разумно, чтобы бояться таких монстров как Охотник. Существо с длинными острыми зубами, которые могли порвать меня на куски. При мысли о том, как монстр подстерегал меня, я снова вздрогнула.

– Итак, – продолжила Дафна. – Я думаю, достаточно веселья для одного вечера. Я иду обратно в свою комнату. Я все еще должна написать сочинение по английскому.

– Давай я провожу тебя до твоей комнаты, – предложил, по-видимому, услужливо Логан. – Ты, я и цыганочка могли бы устроить сегодня ночью наш собственный костер.

Дафна и я переглянулись. Затем я закатила глаза, пока Дафна сопела.

– Ну, пожалуйста, – усмехнулась она. – Как будто мне нужен парень для защиты. Я – Валькирия, забыл? Я могу поднять тебя в воздух и разбить об колено, Спартанец. Как будто ты фигурка из глины.

– Сексуально, – сказал Логан с улыбкой. – Мне это нравится.

Она снова фыркнула.

– Избавь меня от неряшливой попытки очаровать меня и продолжай использовать ее дальше на Гвен. Наконец мы выяснили, что она является единственной, на которую ты хочешь произвести впечатление.

Разве? Я и не заметила.

Мой взгляд стрельнул в Логана. Его шея была слегка красной, как если бы он был пойман, но из-за мерцающего огня я не была в этом уверена.

Дафна фыркнула в третий раз и пошла прочь в направлении общежития, так что только двое из нас остались в свете костра.

– Не забудь позвонить Карсону, – крикнула я дружелюбно. – У тебя с ним свидание завтра, помнишь?

Дафна повернулась и сделала неприличный жест рукой, показывая, что я должна сделать по ее мнению. Но в то же время она улыбнулась. В то же время я поймала себя на том, что улыбаюсь ей в ответ. Дафна Круз была хорошей, даже если она была богатой, избалованной подражательницей Принцессой-Валькирией.

Логан посмотрел на меня.

– Ты собираешься идти в темноте?

– О нет, – сказала я вспомнив, как Охотник облизывался и огрызался на меня. Снова я почувствовала холодную дрожь, пробежавшую по спине. – Я более чем рада позволить тебе проводить меня к моему общежитию.

Мы оставили амфитеатр позади и пошли через нижний двор. Несколько человек стояли у костра, но все остальные были под своими одеялами в своем маленьком мире. Никто не заметил Логана и меня.

Это было так же хорошо, поскольку Спартанец в значительной степени был запятнан кровью с головы до ног. Я поморщилась, когда мы прошли костер, и я поняла, насколько все к нему прилипло. Логан смотрелся так, как будто он купался в крови Охотника.

Я задавалась вопросом, почему он пошел за мной в библиотеку. И для меня было загадкой, что заставило его встать между мной и ужасным монстром. Да, я знаю, что он Спартанец, и таким образом работой всей его жизни было убивать монстров. Он так же был здесь в Академии, чтобы научиться этому.

Но он стоил больше, чем это. Возможно, было бы лучше, если бы я была красивее, богаче и более популярнее. Я была не совсем тем типом девушки, за которыми волочатся парни. Логан считает, что я сейчас должна быть так ему благодарна, что я изменила бы свое мнение по отношению к нему и просто бросилась бы к его ногам?

Мои глаза скользнули по его лицу и мускулистому телу. Ну ладно, он был немного привлекательным, хотя он выглядел довольно неопрятно на данный момент. Ладно-ладно. Он

был сексуален, даже загрязненный кровью.

Логан увидел, что я смотрю на него.

– Куда ты смотришь цыганочка?.

На этот раз мои щеки были красные.

– Никуда, – пробормотала я и отвернулась.

Мы молчали, свет от костра и его тепло были уже позади нас и мы вышли на асфальтированную дорогу, которая проходила вокруг нижнего двора Стикс.

– Итак, — наконец, сказал Логан. – Ты пытаешься выяснить, что случилось с Жасмин, да? Кто ее убил, и кто украл Чашу Слез.

Я пожала плечами.

– Ну да.

– Почему? Почему тебя это интересует? Как ты, вероятно, теперь поняла, Жасмин не была очень-то милой девушкой. Конечно, она была популярна, но она терроризировали людей для достижения своей популярности. Люди боялись ее, и в конечном итоге она была хладнокровной сукой. Почему ты хочешь узнать, что с ней случилось?

Я еще раз подумала о Пейдж Форрест. Она была очень похожа на Жасмин. Ну, за исключением части суки с холодным сердцем, Пейдж была красивая, популярная и дружелюбная, но я не знала, что за ужасные вещи она пережила. Даже сейчас я могла видеть, что делает с ней ее отец на кровати после того, как прикасался к ней. Мой живот скрутило, вздрогнув я обхватила себя руками.

Конечно, я не могла рассказать об этом Логану. Что Жасмин странным образом напомнила мне Пейдж, и что я хотела помочь Валькирии также как и другим девочкам. Это была длинная история и, наверное, он не поймет в любом случае.

Но иногда мой цыганский дар и все эти вспышки видений, колебаний и чувства, которые прилагались к нему, тоже не приносили особого смысла. Но моя мама всегда говорила мне, что я должна доверять своим инстинктам, и я сделала бы это.

– Потому что, по крайней мере, кто-то должен быть заинтересован в том, что случилось с ней, – сказала я тихим голосом. – Кому-то должно быть жаль, что она убита даже несмотря на то, что ее особенно никто и не любил.

– Может быть, – сказал Логан. – Но Метис, Эйджекс, Найкмедс и все остальные считают, что именно Жнец убил Жасмин и украл Чашу Слез, и этот парень давно исчез.

Я снова пожала плечами

– Может быть, но я чувствую, что что-то здесь неправильно. Возможно, это потому, что моя мама работала в полицейском участке. Она всегда говорила мне, что я должна слушать свои инстинкты.

– Работала? – тихо спросил Логан, потому что заметил, что я говорю в прошедшем времени.

– Она умерла полгода назад, – сказала я. – Была убита пьяным водителем в ДТП. По крайней мере, полицейские сказали так.

Пока я говорила, мое горло сжалось и моргнув, я почувствовала горячие слезы. Меня охватила боль, гнев и чувство вины за смерть моей мамы, как длинный удав обвивается вокруг своей жертвы, пока та не издаст последний вздох. Вот так я чувствовала себя в данный момент. Я не могла даже дышать, мне было так больно.

– Мне жаль, – сказал Логан.

Я кивнула ему, но не знала, что сказать.

Спустя несколько минут мы дошли до общежития Стикс. Над входной дверью горел свет, но

само общежитие было спокойным. Все остальные должны были быть еще возле костра. Я пошла вверх по лестнице к крыльцу, которое тянулось вокруг здания, и Логан пошел следом.

Он подошел так близко ко мне, но я ничего не видела, а чувствовала и слышала его. Черные волосы, голубые глаза, широкая грудная клетка. Он выглядел как всегда, как крутой парень, который знал, какой он сексуальный. Но почему-то Логан теперь казался намного сбитней, храбрее и сильнее.

Но гораздо больше в нем было, больше чем разрушительная улыбка, его обаяние и его способности в менее чем пять секунд вытащить бюстгальтер и всего 10 секунд спустя снять маленькие трусики.

Может быть, он был для меня таким, потому что Логан спас мою жизнь сегодня. Каждая девочка мечтает о чем-то подобном. Или причиной тому было то, кем он был, частью его спартанского происхождения, к чему относится отличным, сильным воином, каким он определенно был.

Я думала, как он мог убить Немейского охотника и так улыбаться, пока боролся против этого ужасного монстра. Логан заставил меня задуматься о том, что все это реально. По крайней мере, на сегодня. Что Хаос Войны и Жнецы, и Локи были реальными, да, но и то что были также хороши Спартанцы и Амазонки, и Валькирии, которые были готовы выступить против зла.

Как бы ни было, это внезапное чувство заставило меня трепетать и в животе распространялось тепло, как распускающийся цветок тянется навстречу солнцу. Я поняла, что хотела бы обнять Логана и прикоснуться к нему, независимо от того, что это было странно, неправильно и глупо.

– Могу ли я спросить тебя кое о чем, – сказал Логан, прижал голову к стене и посмотрел на меня.

– Конечно.

– Что у тебя за комиксы?

Это было последнее, что я ожидала услышать. Я моргнула.

– Что?

– Я видел их в тот день, когда ты столкнулась со мной и уронила сумку. Почему они тебе нравятся? – спросил Логан. – Мы ходим в школу словно в комиксе. Сегодняшняя ночь должна была доказать тебе, что ты не должна их читать.

– Я просто люблю их, – сказала я. – Они всегда нравились мне.

Это было верно. Я всегда любила рассказы о людях с невероятными способностями, правопорядочные люди, которые всегда пытались сделать мир лучше и неоднократно прошли через коварные планы нечестивых в самый последний момент. Но в последнее время, я читала их все больше и больше, прячась на красочных страницах, как будто жизнь вокруг меня могла измениться волшебным образом. Как будто герои могли улучшить мою жизнь или вернуть ее в то состояние, какой она была до смерти мамы.

– Мне кажется... я читаю больше после аварии мамы, – говорю я, пытаюсь подобрать правильные слова. – Мне кажется... мне они нравятся, потому что в комиках никто не умирает, никто кроме злодея. По меньшей мере, не в ближайшее время. Я просто надеюсь, что однажды моя мама просто снова появится, также, как это происходит в комиксах. Что с ней все в порядке, и она объяснит мне, что это все был просто плохой сон. То, что она была поймана в другом измерении или что та личность, которая умерла, была чем-то вроде злого клона или чего-то в этом роде. Что она заберет меня из Мифической Академии и все снова будет хорошо, как было. Довольно придурковато, правда?

Я моргнула пару раз и у меня зачесался нос, потому что я старалась не заплакать. Я не хотела

плакать перед Логаном.

Логан посмотрел на меня.

– Я думаю это совсем не глупо, Гвен

В моем горле стало менее тесно, и я улыбнулась.

– Что?

– Ты знаешь, это первый раз, когда ты назвал меня по имени. Во всяком случае, я всегда была просто девушкой-цыганкой для тебя и всех остальных.

Логан шагнул еще ближе.

– На самом деле? Я должен сказать это снова, наверное, Гвен, – прошептал он. – Гвен.

Я заглянула в его голубые глаза и меня полностью очаровала их внезапная мягкость, я обнаружила, что в это время Логан медленно опустил голову.

– Нет! Не! Стоп! – Я сделала шаг назад и чуть было на свалилась со ступенек общежития.

Логан нахмурился и в его глазах на мгновение промелькнула боль.

– Нет, я не хочу так, то есть я хочу, правда хочу. Просто....моя сила, – смущенно сказала я.

Он просто смотрел на меня.

– Моя цыганская сила, – сказала я в попытке объяснить. – Моя психометрическая магия.

Когда я прикасаюсь к кому-то... у меня возникают видения. Чувства и образы. Вроде трейлер фильма, просто о жизни. Или, по крайней мере, то, о чем он думает в этот момент Это зависит от личности.

Мягкость в глазах Логана исчезла, и его взгляд был теперь неожиданно холодным как лед и его лицо, как мраморная статуя в библиотеке древностей.

– И ты не хочешь видеть мою жизнь, – сказал он. – Потому что я это я, потому кто и что я есть. Спартанец.

Он подчеркнул «Спартанцы», так как будто это бранное слово. Пока не ясно, как оно действительно вошло в миф, но я знала, что большинство других студентов боялись Логана и людей, как он. Потому что они были Спартанцы, потому что они могут бороться хорошо, потому что они были настолько дикие, сильные и полные жизни. И теперь, он думал, что я боялась его. Что я даже не трону его, не говоря уже о том, чтобы его поцеловать.

– Нет! Нет! Это не так. Я просто не знаю, хочешь ли... ты... чтобы я узнала все эти вещи о тебе, – объясняю я тихо. – Большинство людей не хотят этого.

Они не хотят, чтобы я узнала их тайны. Так наверное было бы сказать правильнее.

Или, возможно, я должна была просто сказать, что я была неопытна, за всю жизнь меня поцеловал один мальчик. И только пару раз с языком. Что я была обеспокоена тем, что мое отсутствие опыта, вероятно, значительно чувствовалось бы по стандартам Логана. Я не могла поцеловать его в ответ, как он хотел – как я хотела.

То, что я не хотела бы, чтобы он посмеялся надо мной или обманул. И особенно, потому что я начинала влюбляться в него, гораздо сильнее, чем должна была, если подумать кто он и кто я. Гвен Фрост, девочка-цыганка, которая видит вещи. Я была не только не интересной и не особенной, но не волнующей.

Логан продолжал смотреть на меня пристальным взглядом с холодным выражением в глазах. Он не предпринимал очередную попытку поцеловать меня. Очевидно, момент, подходящий для этого, миновал. Волшебство было разрушено. Скорее прервано. Мною и моим приступом страха из-за моего дурацкого цыганского дара и из-за того, что я увидела бы или почувствовала, если бы поцеловала его.

– Итак, – сказала я и неловко переступила с одной ноги на другую. – Я думаю, мне стоит уйти сейчас, здесь снаружи холодно.

– Точно, – сказал Логан. – Холодно.

Я смотрела на него и спрашивала себя, что могла бы сделать, чтобы между нами что-то было. Мы были на краю... от чего-то, и у меня было чувство, что это было бы что-то хорошее. Но я погубила его и понятия не имею, что должна сделать для того, чтобы все восстановить.

– Итак, спасибо за то, что ты сегодня спас мне жизнь.

– Хорошо, – сказал он жестким, холодным голосом. – Спокойной ночи, цыганочка.

Логан повернулся, пошел вниз по ступенькам и исчез в темноте. Он не оглядывался назад.

– Спокойной ночи, Логан, – прошептала я, хотя знала, что он меня не слышит и не видит слезы в моих глазах.

Я чувствовала себя как тупой, глупый неудачник, когда я вошла в свою комнату в общежитии, приняла душ и уже была готова упасть на кровать. Возможно, это было по той причине, что меня практически убил гигантский котенок, или что у меня был практически-поцелуй с Логаном. В любом случае, я не могла спать.

Но не могла же я просто лежать в постели, смотреть в точку на потолке и ничего не делать. По крайней мере, у меня в голове возникал Логан снова и снова. Благодаря моей психометрии я могла вспомнить все кристально подробно, но так унижительно, я могла поставить галочку к тому, что он хочет поцеловать меня. Мне повезло, если он когда-либо заговорил бы со мной.

Я должна была сделать что-то, так что я съела остатки бабушкиного тыквенного пирога из холодильника, взяла ноутбук Жасмин и смотрела файлы, которые мне предоставила Дафна, но не нашла ничего, что показало бы мне больше, что происходит здесь, какой темный секрет, возможно, окружал Жасмин, или кто убил ее.

Я положила кусочек тыквенного пирога рот и подумала. Может быть все так и было, может быть Жнец проник в библиотеку, чтобы украсть Чашу Слез, возможно, он убил Жасмин, потому что она была в неподходящее время в неподходящем месте.

Мысли о библиотеке и Чаше напомнили мне о книге по мифологии, которую я тоже забрала из комнаты Жасмин. Мой взгляд мелькнул по толстой ленте, которая лежала на краю письменного стола. Это была единственная вещь из комнаты Валькирии, которую я еще не осмотрела.

Я осторожно коснулась книги, скользя пальцами по поверхности на всякий случай, чтобы снова не получить злое, ненавистное видение, которое возникло при осмотре фото Морган и Сэмсона. Я не хотела, еще раз начать говорить – или еще хуже, так громко кричать, что все соберутся в моей комнате и будут смотреть, как цыганка дойдет до своего следующего нервного срыва. Одного этого уже было достаточно.

Я не получила никаких реальных чувств, когда коснулась книги и почувствовала просто поток древних знаний и мягкое впечатление сотни рук, которые листали, листали и листали страницы пока не находили информацию, которую искали. Я не могла бы сказать точно, сколько лет было книге, но определенно она уже долгое время путешествовала по рукам.

Я перелистала книгу до места, которое отметила Жасмин. К моей неожиданности это было началом главы, в которой рассказывалось о Чаше Слез. Я пошла к кровати, подложила пару подушек под спину и начала читать.

Сигюн, жена Локи, собирала змеиный яд в Чашу Слез, чтобы не допустить того, чтобы он капал на привлекательное лицо заточенного бога...

Бла-бла-бла. Следующая страница открыла для меня много абзацев, в которых были рассказаны истории из мифов, так что я пропустила их. Затем однако, стало немного интереснее, так как речь перешла к тому, чтобы разъяснить массу вещей, которую Метис опустила по каким-то причинам.

По слухам: Чаша Слез – один из тринадцати артефактов – магических предметов, которые использовались в последней бое, Хаосе Войны, когда богиня Ники победил Локи. Шесть из артефактов принадлежали членам Пантеона, хотя шесть принадлежали Локи и его Жнецам.

Истории противоречат друг другу часто в вопросе о том, что действительно были ли артефакты и какой стороной они были использованы. Существует также последний артефакт, тринадцатый, который должен был склонить чашу весов для успеха Ники. Но нет никаких сведений, что это было, как он был использован или то, что произошло...

В следующих нескольких пунктах рассматривались различные артефакты, то, что они, возможно, были с ними и полномочия, которыми они хотят владеть. Копье, щит, лук с колчаном и стрелами, барабан... это был довольно длинный список. Текущее местоположение артефактов это – музеи, библиотеки или университеты – но больше всего их было здесь в библиотеке древностей Небо! Это было как список покупок для злодеев. "Пойти туда и украсть это", для вредоносных \Vha ха ха.»

Я покачала головой и перепрыгнула к той части текста, которая касалась Чаши Слез.

После того, как ему удалось через уловку сделать так, чтобы она помогла ему бежать, его жена Сигюн сохранила Чашу Слез и с помощью божественной магии сделала ее мощным артефактом. Ходят слухи, что Локи использовал Чашу для порабощения людей. По данным этих источников, Бог – или тот, кто обладал Чашей на данный момент – имел бы полный контроль над любым человеком, чьи слезы бы капали в чашу.

На основании тех же слухов добровольцы сопровождающие Локи капнули несколько капель крови в Чашу, и Бог вознаградил их за это любезностями и способностями. Также известно, что Жнецы Хаоса использовали Чашу, если жертвовали людей Богу, чтобы перенести жизненную силу людей во власть Локи. Некоторые полагают, что артефакт мог служить для того, чтобы освободить Бога из его временной тюрьмы и привести его в империю смертных, где он мог в очередной раз распространить свое хаотичное влияние...

Итак, Чаша Слез давала своему владельцу власть над волей других. Предположительно он просто жертвовал людей лорду. Я вздрогнула. Зловеще. Тренер Эйджекс и Найкмедс говорили, что Жнецы очень бы хотели заполучить Чашу. Теперь я понимала почему. Кто бы ни владел чашей, получал вместе с тем огромную власть.

Тем не менее, я задавалась вопросом, почему человек, который украл Чашу – убил Жасмин, но не меня. Потому что я тоже была там и могла бы лежать рядом с мертвой Валькирией на полу библиотеки. Я была совершенно беспомощна. Почему Жасмин убили, а меня оставили в живых?

Ой, я знала, что не была реальной угрозой. Ни физической, ни магической и особенно не в таком месте как Академия, где другие студенты знали, как пользоваться мечом, копьями, и стреляют людям в сердце. Но в любом случае, это просто не имело смысла. Если я собиралась бы украсть бесценный артефакт из библиотеки древности, если бы я знала достаточно, чтобы как-то обойти магию Найкмедса и украсть Чашу из библиотеки.

Я еще и достаточно умна проверить все без свидетелей. Эти люди видимо никогда не смотрели CIS и повтор сериала "Закон и порядок"?

Я просто не понимаю, почему. Почему Жасмин убили, почему пьяный водитель врезался в машину моей мамы, почему отчим Пейдж домогался до нее, почему я была в этой Академии, хотя была не как все студенты. У меня не было ни силы, ни их магии, ни их боевые способностей.

Ни в книге мифологии, ни в моей беспокойной голове я не нашла ответы на эти вопросы. Я закрыла толстую книгу, положила ее на тумбочку и и устроилась под мягким одеялом. Тем не менее, потребовалось долгое время пока я, наконец, смогла отодвинуть все вопросы назад и заснуть.

Глава пятнадцатая

Следующий день был невероятно скучным. Уроки тянулись как жевательная резинка, а для других я оставалась такой же незаметной, как и всегда. Все говорили только о том, кого вчера свел костер или кто разошелся, и какое влияние это произведет на большой сегодняшний балл. Выглядело так, будто даже профессоров не особо интересовало, будут ли сегодня ученики действительно учиться, потому что большинство уроков мы проводили в свободной работе.

На самом деле все только сплетничали на уроках о предстоящем бале. Кто с кем пойдет, от какого дизайнера оденут платья девушки и сколько они стоили, какое общежитие запланировало лучшую вечеринку, и у кого было больше всего пива. Это были в значительной степени те же разговоры, как и в моей старой школе. Только я, возможно, пошла бы на бал, вместо того, чтобы провести весь вечер в своей комнате, как это было в данном случае.

В некотором смысле я даже радовалась тому, что не пойду на бал. Потому что в дополнении ко всем разговорам о парочках и расставаниях все также говорили о другом ритуале. Видимо преподаватели и ученики Мифической Академии благодарили Богов перед большим балом за то, что те охраняли их весь предыдущий год.

Это напоминало праздник урожая. Я вздрогнула при воспоминании о том, что я наблюдала у вчерашнего костра – серебристое пламя и старая, древняя сила, которой был наполнен воздух. За эту неделю я уже достигла своего лимита в магии, и у меня не было абсолютно никакого желания увидеть еще больше.

Все были столь взволнованы из-за бала, что почти никто и не упомянул Жасмин Эштон. Ее убили всего несколько дней назад, но было такое чувство, будто ничего и не случилось. Казалось, что все забыли о Валькирии, хотя она была самой популярной девочкой в классе.

Это заставляло меня чувствовать злость и грусть одновременно. Особенно потому что это меня просто не отпускало. Я до сих пор не смогла забыть вид Жасмин в ту ночь. То, как ее голубые глаза смотрели на меня, как будто она просит о помощи.

Я просто всегда вспоминала, как она лежала в огромной луже своей крови.

Подошло время обеда. Я взяла себе обычный салат с полосками куриной грудки, бутылку терпкого яблочного сока и один угнетающе маленький кусочек шоколадного чизкейка. Действительно. Его кремовая часть даже не была так велика, как два моих пальца. Я загрузила все на стеклянный поднос и села за стол в самом тихом и отдаленном уголке столовой.

Я проигнорировала салат со всеми его довольно мило нарезанными овощами, открыла сок и на половину опустошила его в одном глотке. Это не было трудно для меня, потому что напитки раздаются столь же малыми порциями, как и десерты. Я взглянула на крошечную бутылку и пожалела, что не взяла просто две, как я первоначально и хотела, вместо...

Напротив меня на стол приземлился поднос, и я удивленно вздрогнула и почти упустила свой сок из рук.

Дафна Крус бросила свою огромную сумку на стол, которая лежала наполовину на моей книге по мифологии, которую я хотела почитать за обедом. Но это было не самое странное, что сделала Дафна. Она на самом деле под села ко мне за стол.

Так... будто мы дружили или что-то в этом роде.

Я посмотрела на Валькирию и задалась вопросом, не была ли она одержимой. Может быть, кто-то накапал ее кровь в Чашу Слез и превратил ее в добровольную рабыню...

– Вот как, – промолвила Дафна и открыла крышку своей бутылки. – Значит, здесь ты обедаешь. Здесь, в самом отдаленном углу. Кто ты? Вампир, который боится солнечного света, что ли?

Вампиры? Они тоже являлись реальностью? На мгновение я задумалась об этом, но я не хотела выглядеть глупо задавая вопросы, тем более я даже не знала, что Дафна здесь вообще хотела.

– Точно, – ответила я осторожно. – Ты поймала меня. Со мной происходит одна супергеройская история, поэтому я сижу здесь сзади, чтобы спрятаться от папараций и сумасшедших поклонников.

Дафна, конечно критиковала меня и ее губы, украшенные розовым блеском для губ сжались. – У тебя странное чувство юмора. Супергерои не такие.

– Да, но актеры, которые играют их, они богатые. Я думаю, они переживут то, что не нравятся тебе.

Дафна рассмеялась, фыркнув, затем взяла вилку и начала копать в гриле и запеканке из баклажанов. Я подождала минуту, затем осмотрела столовую, потому что не была уверена, является ли эта шутка смешной. Но я не заметила тех, кто бы смотрел в нашу сторону и тихо засмеялась.

Однако я обнаружила, Морган МакДугал и несколько других принцесс Валькирий, сидящих за их обычным столом, где взглядом их пожирал каждый сладкий мальчик, который проходил мимо них. Но Дафна не смотрела на своих друзей, а они, казалось, не заметили, что Дафна сидела со мной в углу.

– Ты действительно хочешь сидеть и есть обед со мной? – спросила я.

– Нет, – сказала Дафна, разломила кусок своей булочки и макнула в пикантный соус Маринара на тарелке. – Я – плод твоего воображения. Ты только представляешь, что я сижу здесь и ем с тобой. Потому что я просто настолько замечательная, что люди мечтают сидеть со мной.

– Смешно, – пробормотала я.

Валькирия улыбнулась мне с хлебом во рту.

– Но почему? – спросила я. – Ты же ненавидишь меня.

Дафна прожевала и проглотила.

– Я бы не назвала это ненавистью. Ты скорее, как гриб, Гвен. Через некоторое время ты вырастаешь в сердце других.

– Итак, теперь я плесень. Это здорово. И почему ты не можешь просто уйти от меня и как обычно сесть со своими подругами Валькириями?

– Потому что... – сказала Дафна и опустила взгляд на свою запеканку. —... потому что, недавним вечером, когда ты не видела, я переслала все письма Жасмин. И я заметила кое-что, что мне не понравилось, насчет меня.

– Что именно?

Дафна вздохнула и отодвинула выпечку от себя, как будто у нее пропал аппетит.

– Например тот факт, что Жасмин и Морган злословили обо мне за моей спиной. Они знали, что я влюблена в Карсона, и считали это довольно странным. И это еще самое милое, что они обо мне говорили. И в этом участвовали не только они. Клаудиа, Кайли, Серифима... они все обменивались между собой письмами обо мне. В действительности мы все не нравимся друг другу.

– И? – спросила я. – Разве не так ведут себя сучки? Я имею в виду, что Валькирии являются очень популярными в Академии. Рядом с вами Сплетница* – ничто. Разве это не принадлежит к этому? (*Имеется в виду сериал Сплетница)

– Возможно, – пожала плечами Дафна. – Но мне жаль. Я знаю этих девушек с первого класса и у меня такое ощущение, что они с каждым годом становятся все невыносимее и тупее. Я думаю, что пришло время найти новых друзей.

Затем она глубоко вздохнула и посмотрела на меня.

– Прошлой ночью ты действительно очень помогла мне, когда сблизила меня с Карсоном. Я не знаю, почему я была так обеспокоена тем, что другие могут подумать обо мне и о нем. Но теперь я свободна от страха. И не забуду, что ты сделала для меня, Гвен.

– Так что ты просто решила, что это я? – спросила я. – Твой новый лучший друг? За одну ночь? Просто так?

В первый раз в глазах Дафны вспыхнуло сомнение.

– Эй, если ты одна здесь хочешь сидеть в углу, совершенно одна и скучать, потому что у тебя нет друзей, для меня это тоже подходит. Я просто хотела быть вежливой.

Она схватила свой поднос и была готова встать, чтобы просто уйти, но я подняла руки в успокаивающем жесте.

– Нет, нет, нет, – сказала я. – Стой. Садись. Я... буду рада небольшому обществу. Пожалуйста. Останься.

Дафна смотрела какое-то время на меня, а затем села на стул. Господи! Валькирия был немного эмоциональна. Мне нужно помнить об этом: Не расстраивать Дафну, в противном случае она вырвет кому-нибудь сердце из груди.

Валькирия барабанила пальцами по вилке, и розовые искры блестели и мерцали в воздухе, так всегда происходило, когда ее ногти чего-то касались.

– Почему такое происходит с твоими пальцами? – спросила я. – Почему у тебя розовые искры?

Дафна пожала плечами.

– Это свойство Валькирий. Они просто часть нашей магии.

– Магия? Какой вид магии?

– Ты ведь знаешь, что Валькирии сильные, или?

Я кивнула. "Сильные" было слегка преуменьшенным словом, если она могла снести парню голову голыми руками.

– Ну, да. Валькирии обладают и другой магией, особенным даром или способностью. Обычно дар, какой бы он ни был, развивается, когда нам исполняется шестнадцать или семнадцать. Моя магия еще не созрела, поэтому не знаю, какую магию получу. Но некоторые Валькирии – целители, в то время как другие сильны восприятием чувств. Некоторые могут колдовать и заставляют происходить разные вещи, когда другие контролируют погоду или вызывают иллюзию.

Эта идея всколыхнула что-то в моем мозгу.

– Иллюзии? Какие иллюзии?

Дафна снова пожала плечами.

– Всевозможные. Вот смотри. Ты касаешься вещей и видишь что-то, правильно? Только от моих пальцев идут искры, когда я прикасаюсь к чему-то. Так что это работает у Валькирий. Искры являются только небольшими вспышками света и исчезают почти сразу же, как радуга. Они не могут никому навредить или что-то в этом роде. В основном мои пальцы напоминают бенгальские огни.

Ладно, тогда она было просто магической особенностью. Как у Логана Куина, Спартанец, которому просто нужно было коснуться оружия, и он сразу же знал, как убить им человека. Тем не менее, было еще кое-что, что меня интересовало.

– Почему розовые? – спросила я и вспомнила зеленые искры Морган, когда она и Сэмсон были вчера на своем свидании ночью во дворе. – Почему не синий или серебряный или какой-нибудь другой цвет? Розовый кажется мне странным. Слишком... девичий.

– Это как то связано с нашей аурой, – ответила Дафна. – Цвет искры связан с нашими чувствами и личностями. И чем глубже мы чувствуем или чем больше мы возбуждены, тем большее количество искр появляется.

Я подняла вверх брови и спросила себя, что, вероятно, для человека розовая аура – цвет принцессы. Дафна прочитала вопрос в моих глазах.

– Я люблю розовый, – сказала она защищаясь. – Я думаю, что это круто.

– Конечно, конечно, это так, – поспешно согласилась я.

Черт. Каждое второе слово, которое я говорила, казалось, обижало Валькирию. У меня так давно не было подруги или я долгое время ни с кем не говорила кроме бабушки так, что уже и не знала, как вести себя. Конечно, в моей старой школе у меня были друзья, но после смерти моей мамы я оттолкнула их всех. Я не общалась с ними после того, как я начала посещать Академию, а они казалось, тоже не пытались связаться со мной. Мы должны были бы продолжать наши жизни.

Может быть, я чувствовала себя настолько неуверенной, потому что я была обеспокоена тем, что, наконец, нашла друга в Академии. Все это было странно и необычно. Я имею в виду, Дафна же не требует, чтобы я пила кровь или что-то в этом роде? Потому что я никогда не буду ни в коем случае этого делать. Подруги мы или нет.

Затем стало немного лучше, главным образом, потому что я спросила Дафну о Карсоне и о том, о чем они говорили по телефону вчера. Лицо Валькирии начало светиться, и очередная порция розовых искр слетела с ее пальцев. Она была по уши влюблена в Карсона, и она, кажется, совершенно перестала этого стесняться. Разумеется, она села со мной и за обедом, с девочкой-цыганкой, самым большим аутсайдером Академии. Быть увиденной с Карсоном было ничем по сравнению с этим.

– На самом деле я подошла спросить тебя кое о чем, – сказала Дафна и вдруг ее голос зазвучал застенчиво. – Мне интересно, возможно, ты хотела бы прийти перед балом сегодня вечером в мою комнату? Я купила платье, на всякий случай, вдруг Карсон, или кто-нибудь еще спросит, хотела бы я с ним пойти, но я еще никому не показывала его.

Ее слова вернули меня в то время, когда я делала нечто подобное. Что-то такое... Нормальное. Что-то такое... обычное.

До Большого Бала для десятого класса в моей старой школе, оставалось еще несколько недель и день, до того как я узнала тайну Пейдж. Я как раз рассталась с Дрю Скуэрес, с которым я встречалась три недели, но я все же планировала пойти на бал, преимущественно потому что мама и я провели целую неделю в поисках превосходного платья и подходящих туфель. Наконец, мы нашли, что искали в маленьком, отдаленном магазинчике на торговой улице, вместе с пурпурным платьем, которое, как утверждала моя мама, идеально сочеталось

с цветом моих глаз.

Мы купили его в субботу, а мама скончалась в следующую пятницу спустя шесть дней. Конечно, я не пошла после этого на бал. Но по какой-то причине я не вернула платье. На самом деле оно висит в моем шкафу в моей комнате.

– Ты в порядке? – спросила Дафна и вырвала меня из воспоминаний. – Ты выглядишь так, как будто готова расплакаться в любой момент.

– Все в порядке, – сказала я и отодвинула воспоминания.

Валькирия только смотрела на меня, а я искала объяснения.

– Я думал о своей маме, – мягко сказала я. – Мы вместе с ней покупали мне платье, за несколько дней до того как она умерла.

– О-о, – Дафна сразу поняла часть о смерти моей мамы и на мгновение она замолчала. – Если ты не придешь, то я пойму...

– Нет, – ответила я быстро. – Нет, все хорошо. Я безумно хотела бы помочь тебе с тем, чтобы подготовиться к большому вечеру с Карсоном. Когда мне нужно прийти?

Дафна и я договорились встретиться после моей смены в библиотеке. Прозвенел звонок и известил нас о конце обеда, и мы снова пошли разными путями. Я заметила, что первый раз нормально поела сегодня, с тех пор как посещаю Академию. Было приятно сидеть с кем-то и разговаривать. Я не замечала, сколько всего мне не хватало. Ну, может быть уже и замечала это. Вероятно, я не хотела об этом думать, потому что это еще больше усугубляло одиночество.

К несчастью, мое хорошее настроение не распространялось на других, особенно, если речь шла о профессорах, и остаток дня снова тянулся бесконечно. Наконец, раздался последний звонок, и на этом урок истории мифов закончился. Как можно скорее я собрала вещи, так как хотела еще выбраться из кампуса и навестить бабушку Фрост, прежде чем пойти в библиотеку Найкмедса. Хотя абсолютно никто не собирался сегодняшним вечером заниматься скучным домашним заданием, поэтому он разрешил мне работать по режиму пятницы, так как библиотека закроется раньше из-за бала.

– Гвен, ты тоже собираешься на бал? – спросил Карсон, когда убирал свои книги в сумку.

– Нет, – ответила я. – Но я помогаю Дафне подготовиться. Только чтобы ты знал, она хочет выглядеть идеально для тебя.

Карсон улыбнулся, и я заметила, что тоже улыбаюсь. Может быть, было не так уж и трудно найти друзей.

Я покинула здание истории и пошла через двор. Вместо того чтобы остановиться и написать SMS, почти все поспешили немедленно уйти, чтобы проверить, все ли у них готово: вечерние платья, костюмы, пивные бочки, презервативы и что-то там еще.

Никто не заметил меня, и мне удалось пройти незамеченной до главных ворот. Я остановилась прямо перед решеткой, глядя на двух сфинксов возле входа. Профессор Метис рассказала мне, что профессор Найкмедс наложил на них дополнительную магическую защиту или, что бы то ни было на закрытые ворота, чтобы не подпустить еще одного Жнеца в кампус.

Возможно, это было только мое воображение, но мне показалось, что сфинксы теперь выглядели даже более дикими и смотрели строже, чем в прошлый раз, когда я была у ворот. Их глаза были прищурены, а их зубы блестели на послеполуденном солнце, как будто кошки могли соскочить с камня в любой момент и готовы атаковать любого, кто попытается проскочить мимо них.

На мгновение я подумала, чтобы вернуться через несколько дней, но прошло уже пара дней с тех пор, как я видела бабушку Фрост. Она бы ждала, что я осталась. Кроме того, я скучала по ней. Она была всем, что у меня было, и я хотела ее увидеть. Это стоило того, чтобы вызвать магическую тревогу, которую наложил Найкмедс на ворота. Кроме того, наверное, сфинксы не убьют меня, верно?

Я подкралась к решетке на цыпочках, затаив дыхание, повернулась боком и протиснулась между кованными, железными прутьями.

Ничего не произошло.

Не было сирены, и сфинксы не прыгнули вниз, чтобы разорвать меня на куски. Если бы они вообще могли. Видимо, профессора укрепили заклинания только против Жнеца, чтобы он держался подальше от Академии, заклинание было создано не для учеников. Как и все остальные, библиотекарь считает, что угроза придет извне, а не изнутри. Во всяком случае, я была рада его пренебрежению, бросилась через улицу и вскочила в автобус. Двадцать минут спустя я поднялась вверх по лестнице к бабушке Фрост в дом и открыла дверь своим ключом.

Я думала, что бабушка была в другой комнате и предсказывала кому-нибудь будущее. Но я нашла ее на кухне, с яркими голубыми стенами и белой плиткой.

– Мммм. Чем так хорошо пахнет? – я спросила и бросила сумку на стол.

Бабушка взяла кухонную тряпку с рабочей зоны, открыла духовку и вытащила противень с домашним миндальным печеньем. Я вдыхала теплый запах выпечки, растопленного сливочного масла и липкого теста, слюна собралась у меня во рту, и мой желудок заурчал. Никто так хорошо не готовил, как бабушка. Повара, которые делают десерты в Академии, могли бы брать у нее советы и рецепты.

Бабушка пододвинула ко мне тарелку с тремя печеньями и поставила стакан холодного молока. Как всегда ее тело было обмотано красочными платками, украшенными мелкими монетами на бахроме.

Я зажмурила глаза.

– Откуда ты знала, что я сегодня приду?

Бабушка улыбнулась своей таинственной цыганской улыбкой, которую дарила каждому из своих клиентов.

– Я гадалка, сладкая. Иногда это очень удобно. Особенно, если хочешь испечь печенье для внучки.

Бабушка Фрост также взяла теплое печенье и стакан молока, а затем мы сидели вместе за столом и ели. Сначала мы не говорили, потому что обе были слишком заняты, так как наш рот был переполнен сладким тестом. Но после того как все печенье было съедено, а молоко выпито, бабушка посмотрела на меня.

– Разве сегодня в Академии не большой бал? – Спросила она. – Такой шикарный праздник?

Я моргнула.

– Откуда ты знаешь? У тебя было видение меня в платье или что?

– Конечно нет. Я прочитала об этом в электронном письме с новостями, которое каждую неделю отправляет профессор Метис, – бабушка косо посмотрела на меня. – Если быть точнее, на этой неделе я получила два подобных письма. Одно обычное, в котором говорилось о бале, и были перечислены блюда в столовой и всякое такое. Другое серьезнее, речь шла об убийстве этой бедной девочки.

На самом деле я не собиралась говорить бабушке Фрост о Жасмин Эштон, потому что не хотела, чтобы она волновалась. Но бабушка была слишком умной. Она всегда была такой.

Мне никогда не удавалось понять, было ли это частью ее дара или она просто слишком хорошо меня знала. Было бессмысленно лгать ей, поэтому я набрала в легкие побольше воздуха и рассказала ей всю историю про ночь в библиотеке и все остальное, что узнала с тех пор о Жасмин.

– Я знаю, что все профессора думают, что это был Жнец, который пришел за Чашей Слез, – сказала я, наконец. – Но у меня такое странное чувство, что здесь кроется что-то большее. Что мы все пропускаем. Что-то совершенно очевидное. Мама говорила мне, что я должна всегда доверять своим инстинктам, но постепенно я начинаю спрашивать себя, не была ли она неправа.

Бабушка пристально смотрела на меня, и ее фиолетовые глаза странно блестели. Это не было то выражение, которое возникало, когда она бросала взгляд в будущее. Нет, это было что-то иное. Как будто я говорила что-то, что ее пугало. Я предположила, что она просто переживала из-за убийства Жасмин. Я думаю, что никто бы не хотел, чтобы единственная внучка ходила в школу, в которой только что ученице перерезали горло?

– Бабушка, ты в порядке?

Она покачала головой, и странное выражение в ее глазах исчезло.

– Все хорошо. Просто я беспокоюсь за тебя. Я уже ненавижу то, что ты вообще ходишь в эту школу.

Я колебалась.

– Почему я должна идти в Академию? Я спрашивала тебя уже несколько раз, но ты действительно никогда не объясняла мне.

Бабушка вздохнула.

– Потому что настало время тебе научиться, как использовать свой цыганский дар, Гвен. А это ты можешь сделать только в Академии.

– Но я уже знаю, как работает моя психометрическая магия. Я всегда знала это. Я просто не понимаю, что может изменить Академия.

Она снова покачала головой, на этот раз отрицая.

– Я знаю, что в настоящий момент это не имеет никакого смысла, но однажды он появится. Поверь мне, сладкая. Хорошо?

Я доверяла ей больше чем любому другому, но я хотела еще получить ответы на мои вопросы – почему в моей жизни должно было так многое измениться. Почему все в Академии верят в то, во что я не верю. И особенно, почему профессор Метис и бабушка Фрост думали, что я там вообще часть всего этого.

Одно мгновение я обдумывала, надо ли настойчиво потребовать ответы, но она выглядела настолько усталой, грустной и старой, как будто она израсходовала все жизненные силы и была просто пустым сосудом. Или может быть, часть меня просто боялась, какими будут эти ответы. Знать тайны других людей придает чувство, что ты умна. Знать, что есть также тайны, Чтобы понять, что были также секреты, которые крутились вокруг меня, нервировали меня. Да, я могла бы быть довольно лицемерна иногда.

Я не знала, почему бабушка хранила секреты от меня, но она любила меня, а я любила ее. Всегда были только я, моя мама и бабушка Фрост. Я знала, что мой папа умер, так что я даже не помню его, и у нас больше не было других членов семьи, насколько я знала. Теперь, когда моя мама была мертва, у меня осталась только бабушка. Мне никогда не хотелось с ней спорить, особенно о такой глупости как Мифическая Академия.

– Ну, в любом случае я думаю, что тебе не нужно беспокоиться, – сказала я, стараясь сменить тему и успокоить ее. – Профессор Метис и другие усилили магическую защиту на территории кампуса. Кроме того, тот, кто убил Жасмин, исчез, наверное, надолго. Насколько

я знаю, никто больше не пострадал, и в любом случае в библиотеке ничего не крали кроме Чаши Слез.

Я не упоминала о том, что случилось вчера возле библиотеки. Это же не было так, будто целью падающей статуи была я. Также нельзя точно утверждать, что жертвой Немейского Охотника должна была стать я. Но он был мертв, превратился в облако дыма, в то время как я все еще была жива. И это единственное, что имело значение.

Бабушка Фрост казалось, хотела продолжить разговор, но затем покачала головой, момент был упущен. – Я уверена, что ты права, сладкая.

– Меры безопасности в общежитиях усилили, – сказала я, все еще пытаюсь успокоить ее. – И там я проведу вечер.

– Так ты пойдешь на эти танцы? В информационном листе это звучало как что-то грандиозное.

Я подняла плечи и снова опустила их.

– Это только ежегодный бал. Они коронуют принца и принцессу в каждом классе, а затем будет музыка, люди будут танцевать и так далее. Так же, как и в моей старой школе.

Я ничего не рассказала бабушке про ритуал, о котором говорили другие, об обильном урожае или что там было на самом деле.

– Почему тогда ты не идешь туда? – спрашивает бабушка. – Раньше ты охотно посещала подобные мероприятия, до того...

Она замолчала, но мы обе знали, что она хотела сказать. До того, как мама умерла.

Я снова пожала плечами.

– С одной стороны, меня никто не пригласил. У меня нет пары. Я просто не могу пойти туда и выглядеть как полный лузер.

– Почему нет? – спросила бабушка Фрост. – Ты же практически всегда предпочитаешь быть одной. Как всегда.

– Да, но дело не в этом, – сказала я. – Ничего...

На этот раз замолчала я, но я не могла обвести бабушку вокруг пальца. Она точно знала, что я хотела сказать.

– Ничего не доставляет удовольствие, – тихим голосом она закончила за меня предложение.

Бабушка посмотрела на меня печальными, нежными глазами.

– Все в порядке, если ты начнешь веселиться снова, Гвен. Твоя мама не хотела бы, чтобы ты каждый вечер дома сидела и плакала из-за нее. Она хотела бы, чтобы ты сходила на бал и посмеялась. Она хотела бы, чтобы ты получила столько удовольствия, сколько возможно, так часто как можешь. Прежде чем...

Она проглотила слова, и на мгновение ее тело напряглось. Ее кольца хрустнули, когда она сжала кулаки, а монеты по краям ее платков диссонантно ударились друг о друга. Затем бабушка Фрост заметила, что я пристально смотрю на нее, заставила себя снова расслабиться. Она раскрыла руки, и монеты снова сыграли новую мелодию.

– До того как ты повзрослеешь, – говорила она дальше. – Это то, чего желала бы твоя мама. Что ты пойдешь на вечер танцев и получишь массу удовольствия.

Я знала, что это так. Грейс Фрост попросила бы меня, чтобы я это сделала. Я покусывала губу и опустила взгляд, чтобы не видеть понимающих глаз бабушки.

– Просто это кажется... неправильным, – сказала я. – Так как я еще жива, а она мертва. То, что она никогда больше не будет делать того, что доставляет удовольствия. То, что я никогда

больше не увижу ее и не услышу ее смех.

Бабушка обошла стол и положила свою руку на мою. Я чувствовала, как мягкое тепло ее любви охватило меня, как всегда, если бабушка меня трогала. Но на этот раз я чувствовала даже ее горе, боль, было что-то острое, глубокое и дикое, что она чувствовала, как будто кто-то разрубает мое сердце пополам. Бабушка тоже потеряла дочь. Смерть моей матери причиняла ей такую же боль, как и мне.

– Я знаю, что это кажется неправильным, сладкая. Но смерть твоей матери – не твоя ошибка. Жизнь продолжается, хочешь ты того или нет. Я верю, что время все расставит по местам, и ты сможешь начать заново, использовать это, хочешь ты того или нет? Даже если это кажется совсем нереальным.

Я вздохнула и почувствовала, что вся энергия собирается оставить мое тело.

– Скорее всего. Но это так тяжело, ты знаешь? Я была так... так сердита, что должна идти в Академию... Я не подходила к ней. Я не понимаю, почему я не могу вернуться в свою старую школу. Я не особенная, не такая как все.

– Есть хорошие основания для того, чтобы ты пошла в Академию, – ответила бабушка Фрост, и в ее голосе проскользнула пророческая интонация. – Ты найдешь свое место рано или поздно. И то, что касается твоей мамы, она больше не с нами, но она не хотела бы, чтобы ты испытывал печаль. Она хотела бы, чтобы ты выходила в свет, жила и делала все, что должны делать подростки.

Я подняла брови.

– Ты имеешь в виду, пить и приходить пьяной домой, после того как позанимаюсь незащищенным сексом с парнем под трибуной?

Бабушка прищурила глаза, но по-прежнему улыбалась.

– Ну, нет, не стоит этого делать. Ты ведь знаешь, что я имею в виду. Поэтому я хочу, чтобы ты пообещала мне, что пойдешь и повеселишься на балу. Или, по крайней мере, пообещай мне, что подумаешь об этом.

Я не могла отрицать, но также не могла подавить чувство вины, боль и ярость достаточно долго, чтобы просто сказать "да".

– Хорошо, я подумаю над этим. Но обещать не буду.

– Я и не надеялась услышать большего, милая.

Бабушка поцеловала меня в лоб, а затем она встала и начала укладывать остаток печенья в банку, чтобы я могла взять его собой в Академию.

Я по-прежнему сидела за столом и думала о том, что сказала бабушка. Затем задалась вопросом, возможно, правда настало время, чтобы продолжать жить – и немного повеселиться.

Все равно, сейчас или потом.

Глава шестнадцатая

Как только бабушка упаковала печенье, я убрала его в сумку, села в автобус и поехала назад в Академию.

Между тем двор был практически пуст. Все ученики удалились в комнаты общежития, чтобы подготовиться к балу. Обычно я использовала такие моменты, чтобы наблюдать за белками в тишине, как они прыгают над роскошным газоном с ветки на ветку. Но сегодня казалось, как будто вся Академия внезапно превратилась в город духов.

Было слишком пусто, слишком спокойно, особенно для школы, в которой несколько дней назад была убита ученица. Снова появилось чувство, как будто все статуи со всех зданий смотрели на меня и наблюдали за каждым моим движением. Я вздрогнула, сунула руки в карманы серого пуловера с капюшоном и поспешила дальше.

Библиотека древностей тоже не показывала признаков. Ни один из учеников не сидел перед стойкой выдачи, не было и профессоров. Сегодня после обеда даже машина с закусками не была занята, и в стеклянных офисах в середине библиотеки кто-то уже выключил все огни.

Мне не хотелось, но я не могла не посмотреть туда, где стояла Чаша Слез, и где была убита Жасмин. Конечно, больше не осталось ничего заметного, как и в последний раз, когда я была здесь в день после ее смерти. Кровь, труп и Чаша Слез была уже украдена. Все же у меня было чувство, как будто бдительное молчание повисло над местом. Словно там господствовала невидимая сила и только и ждала, чтобы что-нибудь произошло.

Например, девочку-цыганку, проходящую мимо, чтобы большой, злой монстр мог выпрыгнуть из своего убежища и схватить ее. Снова дрожь пробежала по спине. Окей, вероятно, это была только моя гиперактивная фантазия, но в данный момент я испугалась только от одного взгляда на место.

Мой взгляд снова скользнул по офису. Вероятно, я могла уйти и просто забить на вечернюю смену, если Найкмедса не было...

Справа от меня что-то двинулось и направилось прямо на меня. Я подавила крик и развернулась...

... и увидела Найкмедса, который шел между рядами книжных полок с несколькими большими, толстыми книгами.

Я прислонилась к столу позади меня, вздохнула и прижала руку к сердцу, как будто бы я могла этим прикосновением снова успокоить себя. Найкмедс нахмурил темные брови, прежде чем его лицо снова вытянулось.

– Гвендолин, что-то не так? – спросил он гремящим голосом и положил книги на другой стол.
– Ты довольно бледная, даже в сложившихся обстоятельствах.

Ему легко говорить. Кожа Найкмедса была такой белой, что он мог бы быть вампиром, если бы они действительно существовали. Вероятно, так оно и было. Я просто больше не понимала, что было реальным, а что нет.

Профессор закатил голубые глаза и посмотрел на часы. Я вздохнула, потому что знала, что сейчас произойдет.

– Ты пришла на 10 минут позже, – фыркнул библиотекарь. – Снова.

Мое неприятное чувство исчезло, и как всегда сменилось досадой. Как только кто-то мог быть таким жеманным?

– О, не расстраивайтесь, – пробормотала я. – Как-то не похоже, что кто-то еще есть здесь кроме нас двоих.

Профессор посмотрел на меня пронзительно.

– Ты что-то сказала, Гвендолин?

– Ничего. Нет, ничего вообще.

– Ну, тогда пришло время взяться за работу. Мы должны разложить несколько десятков книг, прежде чем закончиться рабочий день.

Он указал в направлении полок, рядом стояли три металлические тележки, которые были заполнены до краев книгами. Я снова вздохнула. Только я подумала, что смогу уйти раньше.

Следующий час я провела толкая взад и вперед тяжелую тележку, расставляя книги на полки.

Конечно, на нем было то же сломанное колесо, которое катилось не туда, и я должна была каждый раз его поправлять, чтобы оно ехало прямо между рядами.

Наконец, моя дорога привела меня к витрине, как я теперь называла их, витрине со странным мечом. Я могла бы просто продолжить толкать свою скрипящую тележку, но вместо этого я останавливаюсь, практически вопреки своей воле, и пристально посмотрю на оружие сверху вниз.

Он выглядел как всегда – длинное лезвие из серебристого металла. Вероятно, это зависело от меня и этой странной вещи, которая произошла пару дней назад, но лицо мужчины на рукояти казалось мне еще более отчетливым, чем раньше, как будто он был настоящим человеком, который прислонил случайно щеку к металлу. Мне снова кажется, что глаза на рукоятке поднялись и снова наблюдали за мной злым взглядом. Я затаила дыхание, но ничего не происходило.

Все же. По какой-то причине меч заботился о том, чтобы я думала обо всех этих мифах и сказаниях, которые раньше моя мама читала мне. Она никогда не рассказывала мне сказок, только мифы, что мне всегда казалось странным. Вероятно, моя мама знала что-то, чего не знала я, как факт того, что когда-нибудь я пойду в Мифическую Академию, но она всегда настаивала на том, чтобы читать мне эти сказания.

Истории, в которых герой знал ответ на сложные загадки или узнавал, как можно убить большого, непобедимого монстра. У меня было чувство, что нужен только правильный человек, который коснулся бы меча передо мной, и начали бы происходить вещи, какие всегда происходят в Академии.

Вдруг я заметила, что странное напряжение в воздухе усилилось, как будто стало больше статического электричества вокруг меня. Мои ладони зачесались, и я почувствовала внезапное желание открыть корпус и вынуть меч. Я не знаю почему. Я же не могла обращаться с ним. Не так как Логан Куин. Все равно, что-то подталкивало меня к тому, чтобы схватила его. Как загипнотизированная я протянула руки в направлении витрины...

– Гвендолин! — Голос Найкмедса прогудел через библиотеку и был отброшен назад от потолка как эхо. — У тебя есть еще пять минут, чтобы разложить эти книги. Поторопись!

Эта неожиданность вывела меня из транса. Я оттянула руку и медленно отошла от витрины. О чем я думала? Я даже не знала, чем именно был этот меч или были ли подключены к нему какие-то вибрации. Последняя вещь, которая была сейчас нужна, так это получить следующий приступ крика благодаря моей психометрии. "Боже, Гвен! Возьми себя в руки."

– Гвендолин! – крикнул профессор снова.

Я закатила глаза, пошла обратно к тележке и толкала ее вдоль полок. Но, тем не менее, я снова обернулась по какой-то причине и бросила на меч последний тоскливый взгляд, прежде чем я повернула за угол, и он исчез из моего поля зрения.

Полчаса спустя я стояла перед залом общежития Валгалла, глядя на здание из серого камня и заметила, что плющ затянул здание почти до самой крыши.

На этот раз я была здесь не для того, чтобы прокрасться внутрь и украсть ноутбук Жасмин, а была на самом деле приглашенным гостем. Странно, как вещи могли измениться за несколько дней.

Валькирия, которую я знаю как ученицу третьего класса, как раз покидала общежитие. Поэтому я смогла войти, не нажимая кнопку двухсторонней связи и не прося Дафну впустить меня.

Я прошла по тому же просторному залу, как и в первый раз со всеми диванами, креслами и телевизорами. Уже было шесть, и некоторые из девочек уже сидели внизу, чтобы ждать своих сопровождающих, так как бал начинался около семи. Они все осторожно балансировали на

краях диванов, чтобы не помять одежду, в то время как осматривали друг друга и болтали.

Все оделись по такому случаю шикарно. Они были одеты в длинные, узкие, блестящие платья, сразу же было видно, что они были дорогие, а ювелирные изделия, которые блестели просто слишком сильно, чтобы быть настоящими. В Академии не носили модных украшений, это было точно. Прически тоже были готовы, а макияж был идеальным. Туфли, сумочки и мобильные телефоны подходили по цвету одежды. Все идеально тон в тон.

Я смотрела на море алмазов, кружев и глянцевых губ. Я не думала, что этот бал был таким формальным поводом, чтобы так наряжаться. Все выглядело также, как все балы в моей старой школы в то же время – высокая десятка. Это было ослепительно. Мне понадобилось пару секунд, чтобы больше пристально не смотреть на все эти блестящие украшения.

Пара девушек посмотрела на меня, но как только они поняли, что я не интересна для бала и они не могут критиковать мою дизайнерскую одежду, они снова вернулись к общению с подругами. Я опустила голову, посмешила через комнату к лестнице.

И почти врезалась в Морган МакДугал.

Валькирия прошла вниз по ступенькам, так же, как и я, только я шла вверх. Морган одновременно выглядела фантастической и абсолютно распутной. Платье плотно облегалo ее, у него был тот же цвет, что и ее волосы, черные как смоль, в то время как она подчеркнула свои карие глаза подводкой. Ее губы были как красное сердце на ее красивом лице. В платье, в котором был корсет, который поднял ее сиськи до удивительных высот, в то время как подол ее юбки доставали почти до земли. Я была уверена, что она оделась для Сэмсона Сорензена, а также для любого парня на балу.

Две другие девушки, обычная свита Морган, окружили ее. Они выглядели так же эффективно, как и она, даже если и не так распутно. Трое остановились несколько ступеней ниже по лестнице, и их беседа переместилась вниз.

– Конечно, я стану принцессой во втором классе, – сказала Морган громким голосом, в котором резонировала больше чем небольшая гордость. – Это сказала мне профессор Метис на уроке истории мифов, когда рассказывала, что профессора решили, что выберут другую принцессу на место Жасмин. Они не хотят всех подавлять, когда упомянут ее сегодня вечером. И, конечно, Сэмсон станет принцем. Это только подтверждает то, что он мой сопровождающий. Сегодняшний вечер станет совершенно превосходным и точно таким, каким он должен был быть.

Две Валькирии кивнули и согласились со всем, что она сказала. Хотя их предыдущий лидер Жасмин была мертва всего несколько дней.

Морган отбросила волосы через плечо, встала в модельную позу и спустилась с последней ступеньки. Она была готова требовать свою корону, ее нового друга и получить свое законное место как королева Мифической Академии. Валькирия проплыла мимо меня, как будто даже не заметила, что я стояла на нижней ступеньке. Вероятно, она действительно не заметила. После того как я следила за Морган, ей очень тяжело было увидеть что-нибудь кроме ее собственного совершенства.

– Тебе даже не жалко, что она мертва? – крикнула я.

Я еще никогда не говорила с Морган, и, наверное, у меня никогда не было хорошей причины для этого. Но картина, как Жасмин с распластавшимися конечностями лежала в луже собственной крови на полу библиотеки, сверкнула во мне, и слова уже слетели с моего рта, прежде чем я смогла сдержаться.

Морган обернулась и уставилась на меня вместе со своим окружением.

– Ты со мной говоришь?

– Конечно, я говорю с тобой, Морган. Ты была лучшей подругой Жасмин. Тебе

действительно не жаль, что она умерла? Хотя бы немного?

Морган сморщила лоб и скривила свои красные губы в превосходные надутые губки.

– Ну, да, конечно, мне жаль. Я имею в виду, она была моей лучшей подругой и все, и да, я знала ее целую вечность. Но только, потому, что она мертва, мы не должны вести себя по отношению ко всем как будто мы такие же. Если бы ты знала Жасмин, ты знала бы чего она хотела. Она хотела бы, чтобы мы все держались вместе, пошли на бал, а также получали удовольствие без нее.

Это звучало как речь, которую Морган репетировала перед зеркалом, в то время как красила губы. Идеальный ответ, который подходил бы для любого эмоционального вопроса, который бы задали. Конечно, это было почти то же самое, что сказала мне бабушка, но, по крайней мере, она знала что говорит. А Морган? Скорее всего нет.

Я закатила глаза. Я могла бы поспорить, что я лучше знала Жасмин, чем Морган. Морган никогда не думала, что Жасмин знала, что она за ее спиной крутит с Сэмсоном. Но я знала это благодаря видению, которое получила от соприкосновения с фотографией из мусорного ведра. Если имеешь такую подругу как Морган, кому нужен враг?

Но я ничего не сказала. Не было никакой цели говорить это Морган. Девочки, как она, никогда не слушали фрика как я.

Морган бросила на меня высокомерный, превосходящий взгляд, как будто бы она выиграла своим быстрым ответом что-то вроде войны. Тогда она повернулась и вышла, стуча высокими каблуками, из общежития, пока две ее новые лучшие подруги следовали за ней.

Я покачала головой и пошла вверх по лестнице на второй этаж, где была комната Дафна, постучала один раз, и через мгновение Валькирия открыла дверь.

Дафна уже надела платье – оно было розовым платьем принцессы с бретельками, которое украшали блестящие розовые ленты. Она заколола свои светлые волосы на голове в узел, а розовый блеск для губ отлично вписывался в платье. Валькирия выглядела, как будто выпрыгнула из одного из диснейевских фильмов. Я уже практически была готова услышать пение птиц и увидеть мышей из мультлика, которые бросились бы из своих норок, после того, как они сделали свою работу.

– Эм, что мне нужно вообще сделать? – спросила я. – Потому что ты выглядишь в моих глазах уже совершенно идеально.

Улыбка засияла на лице Дафны.

– Ты, правда, так думаешь? Тебе нравится мое платье?

Я вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

– Мне очень нравится. И я думаю, что Карсону тоже понравится.

Дафна сияла, затем она покрутилась и начала рассматривать себя в зеркале на туалетном столике.

Я воспользовалась возможностью, чтобы осмотреться в комнате Валькирии. В основном все было также, как и в других общежитиях. Кровать, туалетный столик, письменный стол, телевизор, несколько книжных полок. Но Дафна имела все, как она пояснила мне за обедом, в розовом цвете. Этот цвет был везде. Одежда, подушки, шторы – они были все в розовых тонах. Даже стены и потолок были окрашены в бледно-розовый.

Но странно было то, сколько компьютеров стояло в комнате. Я насчитала три компьютера, пара ноутбуков и заметила несколько из пластиковых ящиков, которые выглядели как сервер – и это было только то, что было на ее огромном столе в заднем углу. Вау. Я думала, она коротает время в технологическом клубе, но выглядело, как будто Дафна действительно любила компьютеры. Компьютерщик-Валькирия принцесса, кто бы мог подумать? Да, я бы не поверила, что все вещи действительно были ее – если бы компьютеры, мониторы и

серверы были не все розовые, то все были усыпаны наклейками Hello Kitty.

Дафна разгладила платье и повернулась ко мне. Я стояла посреди ее комнаты и почувствовала себя неудобно.

– Итак...чем именно я могла бы тебе помочь? Ты же уже полностью одета и готова.

Дафна пожала плечами.

– На самом деле я.... Я хотела бы просто... побыть с кем-то, с кем могу говорить о Карсоне до того, как он придет за мной.

– Он действительно хороший парень: Карсон, – сказала я и села на кровать. – Вы будете красивой парой.

– Ты правда так считаешь?

– Абсолютно.

Затем мы замолчали, и обе пытались найти что-то, о чем можно было бы говорить. Эта вещь-дружба была сложнее, чем я думала. Намного тяжелее.

– Итак... — сказала Дафна, которая до сих пор стояла так, чтобы ее платье не мялось. – Я так понимаю, что ты не собираешься на бал, пожалуйста, только не говори мне, что ты пойдешь в этом балахоне.

Я прищурила глаза. Я тоже могла быть язвительной. Быть милой было довольно сложно для меня.

– Мне нравятся мои балахоны с капюшоном, многократное спасибо. Однако не переживай. Я не пойду в нем на бал, так как не иду туда. Никто не пригласил меня, если ты сама не догадалась. Как ты уже говорила во время обеда, у меня нет друзей в Академии, а тем более нет парня.

Может быть, мне показалось, но Дафна вздрогнула, когда услышала эти суровые слова

Валькирия колебалась.

– Знаешь, ты могла бы пойти со мной и Карсоном...

Я подняла брови.

– И вы испортите свое первое настоящее свидание? Я так не думаю. Я ведь не такая сука.

– Да, возможно, было бы немного неудобно.

– Правда?

Мы посмотрели друг на друга, закатили глаза и засмеялись. Что-то сломало лед между нами, и мы начали обсуждать все сплетни, сплетничать о том, что слышали сегодня. Кто и с кем идет на бал, кто намеревался пойти с его другом или подружкой, а кто был пьян уже до начала праздника.

Вдруг я заметила, что я чувствовала себя почти нормально. Почти так, как если бы я ходила в обычную школу с нормальными людьми. Это было такое приятное чувство... и было почти весело.

Наконец, мы наговорились про сплетни о других студентах и перестали хихикать, и Дафна посмотрела на меня хитрым взглядом.

– Итак, что происходит между тобой и Логаном Куином? – спросила она.

Я моргнула.

– Что ты имеешь в виду?

Она подняла бровь.

– Вы оба вчера смотрелись очень мило возле костра. Он – Спартанец и убил Немейского Охотника, который пытался съесть тебя. Это сексуально, если ты согласишься моего мнения.

– Логан не похож на парня, который мило относится к девушке, если не собирается получить от нее чего-то большего. Как, например, возможность подписать ее матрас, – объясняю я сухо. – Да, он спас меня вчера вечером, спас от этого ужасного Охотника. Но ты должна была его видеть. Казалось, как будто он был счастлив, что эта скотина пыталась его убить. Как будто он наслаждался тем, что боролся против монстра. Я думаю, что он убил его, скорее для себя, чем для меня. Чтобы доказать самому себе, что он может, или что-то в этом роде.

Дафна пожала плечами и бросила снова.

– Ну, он – Спартанец. Убийство – это то, что они делают. Чего ты ожидала? Что он будет посылать тебе цветы и напишет стихи для тебя? Этот мертвый Немейский Охотник и следующие чучела животных, вот, что ты будешь получать от такого как Логан Куин.

Я посмотрела на нее пустым взглядом.

– Что будет делать Спартанец с чучелами животных?

Дафна вздохнула.

– Ты уже два месяца здесь и ты все еще не понимаешь, Гвен? Как здесь делаются вещи? Почему мы все здесь? – я пожала плечами.

Дафна смотрела на меня, а ее черные глаза выглядели очень серьезными.

– Мы здесь, мы все – Валькирии, Спартанцы, Амазонки и остальные из нас – потому что мы владеем магией. Потому что мы произошли от мифов. Ты же знаешь, что все истории о Спартанцах в сражении вокруг Фермопилы правдивы, и они были храбрые, как небольшая группа может разбить тысячи воинов? Это не просто история. Это правда. Реальная. Точно, как древние Валькирии отправляли мертвых в Валгаллу, реальная история, так же как и троянцы выиграли войну у греков. Все эти мифы, все эти легенды, вся магия – реальны. И это часть принадлежит нам. Мы держим их живыми и используем для того, чтобы сдерживать Хаос, который может захватить мир.

Еще неделю назад я бы рассмеялась, услышав это. Но теперь я на самом деле начала верить в эти мифы, магию и монстров. В последние дни произошло слишком много странных вещей. Убийство Жасмин. Исчезновение Чаши Слез. Охотник, который преследовал меня и исчез в облаке дыма после того, как Логан убил его. Странный меч в библиотеке, от которого я просто не могла отвести взгляд.

– Ладно, – сказала я. – Может быть, Логан – Спартанец, и это объясняет, почему он был таким прошлой ночью. Может быть, ты – Валькирия, которая может раздавить алмазы голыми руками и розовые искры слетают с твоих пальцев. Но это не говорит мне ничего обо мне. Я здесь только цыганка. По крайней мере, насколько я знаю. Единственное, чем я отличаюсь от остальных. Я – не великий воин. Я просто прикасаюсь к вещам и вижу что-то после этого. Я не подхожу сюда, не вписываюсь к остальным.

– Я бы так не говорила, – сказала Дафна. – У тебя есть магия, так же как и у нас.

– Может быть. Но я не знаю, почему моя магия делает меня цыганкой, а не кем-то другим. Ты знаешь?

Она ответила, пожав плечами:

– Я часто слышала о цыганах, но ничего конкретного об их силе или чем-то подобном. Я даже расспрашивала об этом в школе, после того, как ты рассказала мне о Карсоне, но другие не могли сказать что-то конкретное. Или знали, но не говорили. Я всегда считала цыган такими же воинами, как Амазонки, Валькирии, а также остальные. Просто с другим видом магии.

– До тех пор, пока не встретила меня, – сказала я с горечью в голосе. – И ты поняла, что я – не воин.

Дафна наклонила голову в левую сторону.

– Как ты вообще сюда попала? Я уже давно хочу спросить.

Я рассказала ей историю о Пейдж Форрест, как ее отчим злоупотреблял ей и как мои видения привели к смерти моей мамы.

– А затем вдруг в дверь моей бабушки стучит профессор Метис, бабушка говорит мне, что осенью я должна пойти в Академию Мифов, – я закончила рассказ. Мой голос звучал все более злее и наполнялся горечью. – Но она никогда не говорила мне почему. Я спросила ее и на другой день снова, а она снова не дала мне прямого ответа. Моя бабушка что-то об этом знает, но не рассказывает. Она только сказала мне, что я должна дать себе шанс в Академии и все наладится.

– Я не знаю твою бабушку, но Метис проницательна, – сказала Дафна. – Она не такая как другие профессора. Некоторые люди говорят, что она была чемпионом правды.

– Чемпионом? Что это значит?

Дафна закатила глаза.

– Тебе стоит быть повнимательней на уроке истории мифов, Гвен. После Войны Хаоса все Боги и Богини согласились на перемирие. В основном они договорились не использовать свои силы друг против друга и не вмешиваться в мир людей. Но, конечно же, никто из Богов не может действительно сидеть сложа руки и ничего не делать, так что они создали чемпионов, как своего рода лазейки для перемирия. Люди, которые выбраны богами... хороши, чтобы быть чемпионами. Хороший чемпион выполняет волю Бога и заботится о том, чтобы ничего плохого не произошло. Чемпионы убивают Жнецов, охраняют артефакты или уведомляют других и помогают им понять свою магию. Быть чемпионом довольно опасно. Большинство живут не так долго.

Ну, пожалуй, это ответ на мой вопрос, почему Боги и Богини не урегулировали вещи между собой. Они согласились не делать этого и заставили других танцевать под их дудку. Это была абсолютная борьба титанов. Быть чемпионом, значит быть как Метис. Не в той части с мертвецом и охраной, а обучать других вещам. Все же, наверно профессор пыталась сделать это и для меня, а я еще не поняла этого.

Я скользнула обратно на кровать. Может быть, все правда, что говорит Дафна, я с этим согласилась, но все же, почему я была здесь с Мифами, Богами, Хаосом войны и всем остальным, я не поняла. Я была простой цыганской девушкой, которая прикасается к вещам и видит другие вещи. Вряд ли что-то особенное. Не как Логан и его инстинкты убийцы и воина, или Дафна с ее силой и искрящимися пальцами.

Будильник запищал, и Дафна в бросилась к часам в углу комнаты.

– Уже семь. Вероятно, Карсон ждет меня внизу. Как я выгляжу?

Она повернулась так, что ее платье поднялось, прежде чем снова опустилось вниз и разлаదిлось.

– Ты очень красивая, – честно сказала я. – Теперь иди и повеселись, – Дафна улыбнулась мне, взяла свою сумочку с кровати и пошла к двери. Потом остановилась и бросила на меня взгляд через плечо.

– Спасибо за все, Гвен, – сказала она. – Было весело.

Я улыбнулась в ответ.

– Мне тоже.

– Можно я позвоню тебе попозже? – робко спросила Валькирия. – Если не будет слишком поздно.

– Буду с нетерпением ждать, – ответила я уверенно. – Все же я непременно хочу узнать, как хорошо целуется Карсон.

Дафна засмеялась и протянула руку ко мне. Я встала, она положила руку на рукав моего пуловера.

Под ручку мы покинули ее комнату. Между нами парило обещание настоящей дружбы, почти как искры, которые слетали с кончиков пальцев Валькирии.

Глава семнадцатая

Дафна и я направились вниз по лестнице в гостиную, где уже ждал Карсон.

Он надел классический смокинг, в котором выглядел как высокий, долговязый пингвин. Я ничего не сказала Дафне, потому что его глаза загорелась при взгляде на Валькирию, так же, как ее, когда она увидела его. Розовые искры полетели с ее пальцев, а Карсон еще шире улыбнулся, и казалось, что его челюсть вот-вот упадет вниз.

– Привет, – тихо сказала Дафна, когда остановилась перед ним.

– Привет, – прошептал Карсон. – Ты очень красивая.

Дафна покраснела. Карсон продолжал смотреть на нее. Никто из них не двигался и не сказал ни слова. Наконец, я решила прекратить это и сделать уже что-нибудь.

– О! Это для тебя, – Карсон прошел вперед и передал небольшую коробку с браслетом Дафне, на котором висела одна розовая роза. Здесь он произвел впечатление, как будто практически забыл, что держал ее в руке.

– Спасибо, – Дафна взяла цветок, отдала мне пустую коробку и надела простой браслет на запястье.

Я получила видение от коробки – мелькнула картинка Карсона, как он держал пластик потными руками и, вероятно, задавался вопросом, правильный ли цвет он выбрал. Это было нервное чувство, но я нашла милым, что он так беспокоился о чем-то настолько малом. Я могла почувствовать, как Карсон хотел, чтобы в этот вечер все было идеально, вплоть до цветов.

Они стояли и смотрели на друга, но, наконец, Карсон прочистил горло.

– Ну, я думаю, что нам нужно идти. Мы ведь не хотим опоздать, – Затем он нахмурился. – Или мы хотим этого? Это ведь круто?

Дафна рассмеялась.

– Я объясню тебе это по пути в столовую.

Карсон протянул ей свою руку, и Дафна вложила в нее свою. Затем Валькирия помахала мне, прежде чем они покинули резиденцию. Я смотрела на них и улыбалась. Это действительно была милая пара.

Теперь, когда она ушла, у меня нет оснований оставаться здесь. Но вместо того, чтобы вернуться в свое общежитие, я обернулась и вернулась на второй этаж. Все уже разошлись на бал, и в зале было тихо.

Так, чтобы никто не видел, я снова использовала мои водительские права, чтобы открыть замок, а затем проскользнула в комнату Жасмин.

Она выглядела точно также как последний раз, когда я была здесь несколько дней назад. Кровать. Туалетный столик. Стол. Телевизор. Книжные полки. Я отодвинула стул от стола и села, все еще держа в руке пластиковую коробку. Мой взгляд снова по всей комнате в надежде, что возникнут какие-то вибрации или на глаза попадет то, что действительно скрывала Жасмин.

Но все было точно так же, как я оставила во время своего вторжения. Фотографии Жасмин все еще висели на зеркале над комодом. На стеклянной панели все еще стояла огромная куча косметики. А книжная полка была заполнена книгами с такими заголовками как "Наиболее

частая магия Валькирий", "Узнай свою магию" и "Использование магических иллюзий".

Минуту я пристально рассматривала книги. Что-то в них всколыхнуло в моих воспоминаниях полуготовую мысль. Мой взгляд пропутешествовал к последней книге. Иллюзии, иллюзии... это как-то связано с магией и иллюзиями. Что-то, что я видела или почувствовала или слышала от кого-то.

Но еще, прежде чем я попыталась ухватиться за эту мысль, то поняла, что она ускользнула от меня. Что бы то ни было, это не было воспоминание, мысль или идея, оно было не готово открыться мне. Рано или поздно это случится. Так происходило всегда.

Я не знаю, почему пришла сюда. Что я вообще надеялась найти. Это казалось мне таким... грустным. Что кого-то так быстро смогли забыть, даже если Жасмин не была самым милым человеком в Академии. Никто не хотел бы, чтобы о нем забыли.

Но в этой тихой комнате я не могла найти ответы, поэтому я встала и ушла.

Я вернулась обратно в свое общежитие, поднялась в башенку и закрыла за собой дверь. В моем общежитии все тоже отправились на бал, и в нем было точно так же тихо, как и в Валгалла. Вероятно, я была единственной, кто еще остался здесь. Снова одна. Как всегда.

Я упала на кровать и уставилась в потолок. С этим можно справиться. Я могла бы прочитать последний комикс, принять душ, посмотреть пару отстойных реалити-шоу, съесть остальные печенья с сахаром и миндалем от бабушки.

Также я могла бы написать сочинение по истории мифологии профессора Метис, то, для которого нужно было выбрать Бога или Богиню, чтобы затем написать о нем или о ней. Греческая Богиня Победы, кажется, находилась в самом центре битвы, если речь шла о Локи, Жнецах и Войне Хаоса.

Но вместо того, чтобы схватить учебник по истории мифа, я села и пристально посмотрела на закрытую дверь шкафа. Через несколько секунд я поднялась с кровати, подошла и открыла шкаф. Моя обычная коллекция футболок, пуловеров с капюшонами и спортивная обувь занимали практически все место, вместе с несколькими другими вещами.

Мое тяжелое, фиолетовое зимнее пальто. Несколько шикарных черных брюк. Несколько толстых норвежских свитеров для очень холодных дней. Колючее черное платье, которое я одевала на похороны моей мамы.

В тот момент у меня не было черного платья, и бабушка за день до похорон отвела меня в магазин, чтобы приобрести одно. Я выбрала первое платье моего размера, и совершенно не заметила, как я выглядела в нем. Я ненавидела сам факт того, что должна его одевать, так как это значило, что моя мама никогда не вернулась бы назад.

Моя рука зависла над тканью, но я не прикоснулась к ней. Я хотела, чтобы ничего не напоминало мне тот день, день когда в этом платье я чувствовала себя так плохо.

Какой же несчастной я была от того, что навсегда потеряла маму, только потому что она пыталась помочь одной из моих подруг вместо того, чтобы остаться дома со мной, где ей и надо было быть. Только посмотрела на одежду, а живот судорожно сжался от чувства вины, как будто я была ответственна за смерть своей матери, а не какой-то неизвестный, пьяный шофер...

Я толкнула вешалку в сторону и постаралась, не задеть черный материал. Затем я вытащил предмет одежды, который был спрятан в моем шкафу – бальное платье, моя мама и я купили его вместе в выходные за несколько дней до ее смерти.

Оно было между фиолетовым и серым, фиолетовый, который как всегда утверждала моя мама, подходил к моим глазам. Можно было бы подумать, что платье могло бы принадлежать греческой Богине, крылатые рукава, высоко сидящая талия и длинная, пышная юбка.

Серебряные блески покрывали юбку в районе бедер и на корсете вокруг выреза.

Я сделала глубокий вздох, вытащила платье и погладила ткань пальцами.

Не было никаких намеков на вспышку от прикосновения с платьем. Вместо этого меня заполнили волны картин. Мама и я смеемся в кафе на торговой улице над молочно-шоколадным шейком, который заказали на обед. Мы обе в поисках правильного платья переходим от одного магазина в другой.

Мы ничего не нашли, но отлично провели время друг с другом. Мама, которая решила, что есть шанс если доехать еще до одного маленького бутика на другом конце города, который она знала. И наконец, выражение лица мамы изменилось, когда она нашла это платье и показала мне.

Я закрыла глаза и сосредоточилась, чтобы яснее увидеть изображения. Мои пальцы погладили шелковистую ткань, и я вдохнула, потому что у меня было чувство, что я чувствовала запах сладких, светло-сиреневых духов моей мамы. Мне они нравились, и она подарила мне такой флакон в день моего рождения. Но так как она умерла, я больше не использовала их. Они просто напомнили мне, как много я потеряла.

Медленно чувства и образы исчезли, как они иногда делали это. Если вещи не были использованы или их долго не носили, как в этом случае, чувства и вибрации со временем покидали их, как вода из дырявого кубка, которая утекает до тех пор, пока ничего не останется.

Иногда старые картинки связаны с новыми мыслями и чувствами, если приобретали новый опыт или этот предмет находил нового владельца. Однако, иногда они просто ослабевали и не оставляли ничего кроме неопределенных воспоминаний о том, кто или что случилось с ним раньше.

Я хотела повесить платье в шкаф, но образы, которые я только что видела, чувства, которые я пережила, не позволили мне.

Вероятно, это зависело от того, как я чувствовала себя, когда впервые одела его... Как будто я могла бы стать самой красивой девочкой на балу. Возможно, также потому, как улыбалась моя мама, когда она увидела платье, когда поняла как идеально оно смотрится на мне. Может быть это знание, что маленькая часть ее, которую как я думала, потеряла навсегда, все время весело в моем шкафу.

Но внезапно я захотела пойти на бал и захотела надеть это платье, просто по той причине, что это сделала бы мою маму счастливой. Бабушка Фрост права. Настало время, наконец, снова вернуться к жизни.

Морган сказала то же самое о Жасмин. Что Жасмин хотела бы, чтобы все продолжали жить после ее смерти. Только в случае с моей матерью я знала, что это так, что Грейс Фрост желала бы этого для своей дочери.

Я могла до конца прочувствовать это в материале превосходного платья, которое она купила для меня. И тогда я поняла, что тоже хотела этого.

Поэтому я сняла платье с вешалки и положила его на кровать. Блески сверкали как глаза, которые смотрели на меня ободряюще.

—Определенно что-нибудь пойдет неправильно, — пробормотала я. Расстегнула кофту и бросила ее на пол.

Глава восемнадцатая

Было уже восемь, когда я подготовилась, а это значило, что бал уже длится

один час. Я пропустила часть, где награждают принцессу и принца в каждом классе. Опрос среди учителей начался уже за несколько недель, но как уже сказала Морган, кто еще кроме нее и Сэмсона мог бы ими стать, ведь Жасмин теперь мертва.

Я пристально рассматривала себя в зеркало в ванной. Платье и глаза фиолетовые, кудрявые, коричневые волосы, которые свободно падали на плечи, веснушки по всему моему бледному лицу. Я не выглядела как удивительно красивая принцесса из сказки, какой была Дафна, но, по крайней мере, я не казалась такой вульгарной как Морган.

Я не знала, кем я была, кроме как девушкой-цыганкой, которая видела вещи. Но я определенно решила веселиться сегодняшним вечером или сыграть это максимально правдоподобно настолько, чтобы никто не узнал правду кроме меня самой.

Я покинула общежитие и отправилась через двор. Все уже собрались в столовой, поэтому двор был по-прежнему пуст, как и раньше. Холодный ветер с оттенками зимы развивал траву, я обхватила себя руками и пожалела о том, что не взяла с собой куртку. Но я не хотела теперь возвращаться. Seriously, я подвергала сомнению, что снова решусь проделать этот путь и пойду на бал, если развернулась бы сейчас.

Наконец, я добралась до столовой. Большие двери были открыты, и свет падал наружу, чтобы объявить вне закона, по меньшей мере, часть темноты. У входа стояли несколько студентов. Некоторые из них курили сигареты и кое-что покрепче, когда думали, что их никто не видел. Некоторые к тому же пили, и в воздухе витал кислый запах пива смешанного со сладким дымом.

Я пошла мимо них внутрь. К моему удивлению в столовой со времени обеда все полностью изменилось. Обычные круглые столы исчезли и были заменены одним длинным, который стоял у левой стены. Пурпурные и оранжевые осенние листья и вьюнки обвивались как декорация вокруг скульптуры льда, которая представляла собой огромный рог изобилия.

На столе мерцали свечи и освещали гурманскую еду, ее было так много, что не было свободного места. Под потолком еще больше листьев и веток, кроме того, были натянуты серебряные и золотые гирлянды, которые погружали все помещение в мягкий романтический свет. Даже мне пришлось признать, что все выглядело очень элегантным и удивительно красивым.

Я пропустила ритуал урожая перед балом, но все еще могла видеть следы из пчелиного воска на больших бронзовых прутках и золотой флакон, наполненный свежесобранными виноградом, апельсинами, миндалем и оливками, все это было у подножия различных статуй Богов, включая Диониса и Диметру. Все в саду казалось погружено сегодня в теплоту бронзового цвета, даже винные бокалы, которые стояли рядом с чашами фруктов. Воздух имел резкий, сладкий запах одновременно как цитрусовые плоды.

Я ждала некоторое время и задавалась вопросом, почувствую ли я ту неведомую силу как в тот вечер у костра. Но какое бы присутствие не возникло во время ритуала, оно уже исчезло. Я вздохнула. Никаких магических фокусов сегодня ночью. Отлично.

Я не знала точно, как много учеников Академии пришли на бал, но выглядело во всяком случае, как будто собрались все до единого. Пары в блестящих бальных платьях и смокингах держались за руки и скользили по танцполу близко друг к другу. Некоторые сидела за столиками, которые были расставлены в конце зала, кушали, хихикали и шептали на ухо всякие разные вещи.

Другие собрались вокруг буфета, чтобы насладиться клубникой и другими свежими фруктами в шоколаде, который тек бесконечным потоком темной, манящей сладости. Я даже заметила несколько молодых людей, которые как раз ели икру, которая тоже была предложена

на столе. Невероятно.

Я была права, принцы и принцессы были уже выбраны. Морган МакДугал стояла со своей подхалимской свитой у края танцплощадки и осматривала двор. На голове Морган красовалась блестящая диадема, и она искривила губы в торжествующей улыбке.

Это был ее общественным дебютом, и она хотела, чтобы все заметили это. Морган взяла под руку Сэмсона и тесно прижалась к нему. Сэмсону очень шел смокинг, и он держал свою ужасную корону в руке, вместо того, чтобы одеть ее. Он как раз наклонился вперед, чтобы оставить мокрый поцелуй на шее Морган, пока она беседовала со своими подругами.

Я не могла не задаться вопросом, что понравилось бы здесь Жасмин, если бы она была здесь. Если бы она увидела, как без труда Морган заняла ее место как королева. Я представила, как Жасмин несется туда, срывает хрустальную корону с головы и начинает избивать Сэмсона и свою подругу.

В любом случае Валькирия была способна на нечто подобное, если подумать, какую злость я испытала, когда взяла в руки фото из ее комнаты, где была Морган и Сэмсон вместе, которую разорвала Жасмин.

Я продолжала изучать взглядом столовую. Сегодня вечером здесь были не только ученики. Я заметила больше чем только пару профессоров в толпе, в том числе и Метис, тренера Эйджекса и Найкмедса. Трое стояли в стороне, пили пунш, беседовали и вмешивались время от времени, чтобы держать под контролем почти петтинг. Эйджекс и Найкмедс были одеты в смокинги, в то время как Метис выглядела женственной и очень красивой в зеленом вечернем платье.

Наконец, я заметила Дафну и Карсона, которые как раз танцевали медленный танец. Дафна положила голову на плечо Карсона, а лицо музыкального фрика вытянулось в мечтательное глупое выражение. Морган указала на них обоим и сказала что-то Валькириям. Трое засмеялись и захихикали, высмеивая свежеиспеченную пару. Но Дафна и Карсон были поглощены только друг другом так, что не слышали и не видели Валькирий. Я сомневалась так или иначе, что это вообще волновало их. Сегодня определенно нет.

Так как я не хотела пробираться через массу, чтобы добраться до Дафны с Карсоном, я обошла помещение по краю и направилась к буфету, только для того, чтобы заняться чем-нибудь. Чтобы никто не увидел, что полная неудачница здесь в одиночестве. Произошла ошибка. Я думала, это доставит удовольствие, но между тем я была уже не так уверена в этом. Моя единственная хоть какая-то подруга была полностью сконцентрирована на партнере, а это значило, что я не могла побеседовать ни с кем, не говоря уже о танцах.

Поэтому я отправилась в буфет, положила на тарелку свежие фрукты и окунула кончик каждого в шоколад, прежде чем взяла для себя стакан пунша. Я искала среди столов в задней части свободный, но все были заняты парами. Поэтому я остановилась со стаканом в одной руке и тарелкой в другой, чувствуя себя полной дурой, так как не могла нигде присесть, чтобы поесть, а также рядом не было никого, с кем я могла бы поговорить.

Я вздохнула. Не знаю, о чем я только думала, когда пошла сюда совершенно одна. Я просто взяла бы еду с собой в комнату и набила бы ей желудок, прежде чем провести всю ночь за чтением комиксов. Мне нужно было сделать это с самого начала вместо того, чтобы прийти сюда и попытаться вписаться. Вместо того, чтобы пытаться доказать, что я действительно принадлежу этому миру.

Я разворачиваюсь и снова огибаю танцплощадку, снова и снова уклоняясь от пар. Я прошла половину пути к выходу, когда кто-то преградил мне дорогу. Парень стоял ко мне спиной так, что даже не видел меня. Мне пришлось отпрыгнуть назад, чтобы не толкнуть его, и внезапное движение приводит к тому, что мой стакан пролился. Пунш расплескался по одежде. Супер. Просто супер.

– Эй, – пробормотала я. – Смотри, куда прешь.

Парень, должно быть, услышал меня, так как он повернулся – зло и пристально посмотрел на меня. А я поняла, что смотрю на Логана Куина.

Я не говорила с Логаном с той ночи, когда он попытался поцеловать меня. Я не преуспела в том, чтобы приблизиться к нему, и не могла даже после этого на него смотреть, потому что я не извинилась. Я не нашла его, но теперь, наконец, он стоял передо мной и я не могла перестать пялиться на него.

Логан выглядел фантастически в черном смокинге, несмотря на то, что он расслабил бабочку, как будто она душила его. Пиджак обтягивал его плечи и еще больше подчеркивал какие мускулистые они были. Его черные волосы блистали в свете серебра и золота, а его глаза светились как лед. Я просто стояла там затаив дыхание.

Логан бросил на меня злой взгляд, затем он присмотрелся и его глаза распахнулись. Взгляд скользнул по моей одежде и остановился на пятнах, которые теперь украшали мою юбку. Мои щеки начали гореть. Почему я должна была встретить сейчас именно Логана? Почему не заметила его прежде, чем я искупалась в пунше?

– Извини, – пробормотала я и протиснулась мимо него.

Я поспешила в буфет и поставила стакан и тарелку, так как аппетит прошел. Я развернулась, и там снова стоял он – прямо позади меня – и все еще пристально смотрел на меня.

– Цыганочка? – спросил Логан неопределенным голосом, как будто не верил, что это действительно была я.

– Спартанец, – ответила я и сложила руки на груди, чтобы хоть как-то спрятать некоторые пятна. – Наслаждаешься балом?

Логан еще некоторое время рассматривал меня, затем пожал плечами.

– Также как всегда. Все балы одинаковы, длинные и скучные.

Я не ответила. Я не знала, что должна говорить, когда он не задевал меня или после того как спас мне жизнь. И определенно не знала, что я должна делать, так как он был таким сексуальным в этом смокинге.

– Хочешь потанцевать? – тихо спросил Логан. Его глаза прямо-таки пылали.

Мое горло сжалось. До сих пор я даже не понимала, как сильно хотела этого. Насколько хотела доверить себя его рукам, даже если это было только на один вечер. Но я не смогла ответить. Мои губы не двигались и не произносили слова.

Но мне и не нужно было. Логан положил руки мне на бедра, при этом обращая внимание на то, чтобы не прикасаться к открытой коже на руке. Затем он потянул меня к остальным парам на танцплощадке. Я подчинилась как в трансе, вполне очарованная чувством от прикосновения на моей талии. Я могла прочувствовать жар его пальцев даже сквозь шелковый материал.

– Итак, – начал Логан, как только мы достигли центра площадки. – Как мы должны теперь себя вести? Все-таки я не могу прикасаться к твоей коже, правильно?

Я просто смотрела на него. Если был кто-то, от кого я хотела прикосновений, так это от Логана. Но я не могла расковать. Я... просто не могла. Во-первых, я не хотела знать тайны других людей. Я не хотела прикоснуться к Логану и узнать, что он на самом деле смеялся надо мной. То, что он размышлял над тем, насколько я достойна сожаления и насколько он жалел меня. Я просто хотела убедиться, что он на самом деле любил меня, и пусть только в течение одного этого танца.

– Нет, – ответила я наконец. – Ты не можешь прикоснуться к моей коже, иначе я получу

вспышку. Поэтому положи свои руки просто на мои бедра, а я положу свои тебе на плечи. Хорошо?

Он одарил меня кривой ухмылкой.

– Как скажешь, цыганочка.

Руки Логана обхватили мою талию, а мои легли на его плечи. Каким-то образом я умудрилась сопротивляться искушению позволить пальцам скользнуть в густые, черные как ночь волосы. Медленно мы начали двигаться под музыку. Это была старая, грустная песня о потерянной любви.

Мы не разговаривали. Я чувствовала ледяной взгляд Логана на своем лице, но я не смотрела ему в глаза. Мне не хотелось, чтобы он узнал, что я чувствовала. Я не прикасалась к нему, не по-настоящему, по крайней мере, не к его коже, но я все равно чувствовала слишком много. Жилистая сила его тела.

Его нежные прикосновения. Как легко мне было двигаться с ним под музыку, хотя у меня были проблемы с координацией, и я чувствовала себя глупо во время танцев и занятий спортом. Это было впервые за долгое время, когда меня окружили чувства, которые не были связаны с моей психометрической магией.

Я чувствовала присутствие тоски в ударах его сердца, так интенсивно, что дрожала всем телом. Я понимала, что стою на грани, что могу влюбиться по уши в Логана Куина. Если уже не было слишком поздно.

Я не могла сказать точно, как долго мы танцевали, прежде чем он откашлялся.

– Ты очень красивая сегодня, Гвен, – сказал Логан.

Он не флиртовал со мной и не говорил о сексе, как он обычно делал, но на этот раз я почти поверила ему. Это было... почти, как будто я могла чувствовать, что он сказал правду, даже, несмотря на то, что он не касался моей кожи. Но, возможно, я пыталась убедить себя, что этот танец, этот момент просто значат для него также много как для меня.

– Спасибо. Ты тоже. Эмм, я имею в виду не просто хорошо выглядишь, а очень-очень хорошо выглядишь, – закончила я практически парализованная.

По правде говоря, это было приятно – гораздо приятнее, чем когда-либо могло бы быть. Логан выглядел так, как будто сошел с иллюстрации одной из мифических книг для чтения, как античный воин в современной одежде. Смесь из старого и нового, которая для меня была всем, которая казалась мне абсолютно чудесной.

Мы продолжали танцевать, и все вокруг исчезло. Другие танцующие, обнимающиеся парочки, Морган и ее злая свита. Все просто исчезли, остались только мы вдвоем, Логан и я.

Логан, который держал меня очень крепко, посмотрел мне в глаза, пока его голова медленно наклонялась, мои веки закрылись, дыхание остановилось в предвкушении радостного момента, о котором я уже знала, что он будет абсолютно чудесным.

Похлопывание по плечу вырвало меня из моей мечты, и от прикосновения во мне вспыхнуло чувство досады. Я уклонилась в сторону так, что губы Логана проскользнули мимо моей щеки и соприкоснулись с моими волосами. Снова кто-то прикоснулся к моему плечу, и я снова почувствовала досаду. Кто бы ни дотрагивался до меня, он был не особенно счастлив.

Я опустила руки и отступила от Логана на шаг. Девушка протиснулась мимо нас. Я знала ее как одну из подружек Талии Пизаррос – Амазонки, она была не такой высокой как другие девушки, а скорее почти одного роста со мной. Все равно Амазонки были красивыми с глазами зелеными, как изумруды и с лучезарными рыжими волосами, обрамлявшими их бледные шеи. На ней было одето облегающее платье в цвет бурлящей пены, которое подчеркивало все ее изгибы.

Мой момент золушки развалился, и, внезапно, я почувствовала себя рядом с ней как огромная гроздь. Гроздь, которую могли раздавить в любой момент.

– Ты что это такое задумала, с какой стати ты танцуешь с парнем, с которым пришла я? – спросила меня девушка яростным тоном.

Я посмотрела на Логана, затем на нее. Через мгновение он обвил ее руками за бедра и притянул к себе.

– Мы просто танцевали, Саванна, – сказал он и улыбнулся, так как улыбался мне всего несколько секунд назад.

Было больно. Меня ранило то, что Логану так легко удалось подцепить меня. То, что он практически поцеловал меня, только для того, чтобы через несколько секунд обнимать другую, как будто, так и надо. Вероятно, он запланировал это. Вероятно, он не чувствовал того, что чувствовала я, если бы мы были вместе. Наверное, он никогда ничего не чувствовал.

Я покачала головой, чтобы выкинуть остальные глупые романтические мысли. Конечно, он не почувствовал ничего, ругала я себя. Он же был Логан Куин – парень, который переспал с каждой девочкой в Академии, которую видел, что он мог думать? Это было весело и это было безумие. И все, что хотел Логан было другой категорией.

– Точно, – сказала я с холодом в голосе. – Мы только танцевали. И больше не будем.

Логан посмотрел на меня, и чувство вины в его глазах мелькнуло на мгновение. Он открыл рот, как если бы что-то хотел сказать, но я оставила его без шанса. Я просто развернулась и ушла.

Глава девятнадцатая

Как можно быстрее я увеличивала расстояние между мной и Логаном. Я продвигалась между танцующих пар и очень внимательно следила за тем, чтобы ни к кому не прикоснуться, чтобы не получить непредсказуемое видение.

Черт, о чем я вообще думала? У каждого было свое место в Академии, у каждого кроме меня. Это не так. Я нашла свою роль девочки-цыганки, которая была полной дурой. Другими словами, первоклассный болван.

Я поспешила из столовой. Между тем перед дверьми околачивалось большое количество людей, и они раздавали маленькие серебряные фляжки "сам-знаешь-с-чем", вместе с сигаретами.

На мгновение я подумала остановиться и попросить выпить у кого-либо. Может быть, даже больше. Я никогда не была пьяной, поэтому не знала, сколько алкоголя мне будет достаточно.

Но никто, вероятно, не захотел бы поделиться со мной. Кроме того я сомневалась, что алкоголь убьет то чувство, которое я испытывала к Логану Куину. Однако ничего, возможно, не поможет, кроме лоботомии.

Я не могла вернуться на бал, но я не хотела возвращаться в комнату. Я уже знала, что я полный, глупый лузер. Я не хотела провести остаток вечера за тем, чтобы сидеть и размышлять над этим.

Кроме того я надела свое проклятое бальное платье. Я буду носить его, по крайней мере, час, даже если оно меня убьет.

Не задумываясь, я повернула налево на извилистую дорогу, которая вела вокруг всех пяти зданий и внутреннего двора. Я только начала искать тихое место, где я бы посидела в одиночестве... и услышала что-то. Может быть, крик. Возможно, плачь. Я была не уверена.

Я не был единственной, кто рано ушел с бала. На каждой металлической скамейке рядом со столовой сидели парочки. Они мечтательно смотрели в глаза, смеялись и обнимались, а некоторые практически лежали друг на друге.

От этого мне стало еще больнее.

Даже здесь снаружи я не могла ускользнуть от этого превосходного, маленького танцевального вечера...

В тени передо мной что-то блеснуло и отвлекло меня от моих темных мыслей. Снова я увидела, как что-то вспыхнуло, передвигалось вниз вверх, затем я заметила одинокую фигуру, которая шла через двор.

Она что... несла что-то на голове? Я прищурила глаза, но я не могла рассмотреть. В этот момент она вошла в свет фонаря, и я смогла лучше увидеть ее.

Морган МакДугал

Принцесса быстро шла через двор к библиотеке древностей. Наверное, она и Сэмсон собирались снова развлечься среди аркад. Я закатила глаза. Легкомысленная девушка. Сверкание исходило от короны принцессы, которая была на голове Морган. Дорогие кристаллы подмигивали мне каждый раз, когда Валькирия делала шаг.

Я нахмурила лоб. Почему-то Морган казалась мне сегодня... странной. Я побежала за ней, спрашивая себя, что это было. Наконец, я поняла, что все из-за ее походки.

Она шла медленно и равномерно, осторожными и размеренными шагами. Так никто не ведет себя, особенно девочка, которая идет на встречу с парнем, с которым тайно спит.

Морган снова попала в свет фонаря, и мне бросилось в глаза, что она также имела отстраненное выражение лица. Ее лицо выглядело совершенно пустым... Она напоминала зомби, как будто бы она не была сама собой. Как будто она была одержима или находилась под контролем кого-то другого.

В моей голове звонили сигнальные, пронзительные звуки, и чем дальше я пристально смотрела на Валькирию, тем громче они становились.

Я осмотрелась, но между тем мы оставили столовую и парочки на лавочках позади более чем в ста метрах. Никто больше не заметил Морган. Они были слишком сильно погружены в свои собственные маленькие драмы, в свои собственные маленькие романы, чтобы заметить ее или даже меня.

Итак, я решила продолжать следовать за ней.

Я не знала почему. Вероятно из-за того, что я была обижена на саму себя за то, что выставила себя такой идиоткой перед Логаном. Вероятно, так как я просто не могла найти ничего лучшего, чем бы заняться.

Или, вероятно, это было... то чувство, которое не освобождает меня. Чувство, что что-то не так. У меня было чувство, как будто я должна была следовать за Морган по какой-то причине. Что что-то действительно плохое произошло бы, если бы я этого не сделала.

Это было то самое чувство, которое я испытала до того, как схватила щетку Пейдж Форрест.

Морган шла в сторону библиотеки через двор. Я нахмурила лоб. Странно. Библиотека была закрыта из-за бала сегодня, и внутри здания горели только несколько огней. Почему Морган шла туда? Особенно сегодня вечером?

Конечно, может быть она и Сэмсон пожелали встретиться снова... только зачем скрывать, что они вместе. Все видели их вместе на балу. Так почему они просто не пошли к одному из них в общежитие? Что делала Валькирия? И почему у нее было такое странное пустое, невыразительное лицо?

Все еще двигаясь медленно, как зомби, Морган поднялась по ступеням библиотеки. Я приподняла юбку и побежала за ней. Действительно ли Валькирия думает, что она может зайти в библиотеку?

Двери были заперты. После своей смены я наблюдала за тем, как он закрыл их...

Морган открыла одну из больших двойных дверей, вошла в библиотеку и исчезла из моего поля зрения. Я замедлила шаги, остановилась у подножия лестницы, кусала губы и смотрела на здание напротив меня.

Сегодня каменные статуи, башенки и балконы казались особенно страшными для меня, как будто все здание было единым живым существом, которое только и ждало, чтобы поглотить меня.

Я моргнула, и на какой-то момент мне показалось, что вся библиотека... пошла волнами. Как будто что-то ползло под камнем. Что-то старое. Древнее. Могущественное. Злое.

Я вздрогнула, обхватила себя руками и бросила взгляд через плечо. Огни вокруг столовой казались теплыми, светлыми и манящими. Я должна была вернуться туда.

Схватить пластиковый стаканчик пива у кого-либо, немного покурить травку, стать совершенно пьяной, а затем сделать вид будто сегодняшний вечер никогда не начинался.

Но я не могла этого, так же, как я не могла удержаться от того, чтобы не поднять эту проклятую щетку для волос. В конце концов, я всегда хотела узнавать тайны других, безразлично какими бы темными или болезненными они не были.

Возможно, это была моя цыганская интуиция или может быть просто мое воображение, но у меня было ощущение, что сегодня ночью в библиотеке таилась загадка – возможно, самая большая тайна из всех.

Кто убил Жасмин, кто украл Чашу Слез? Может быть, я узнала бы даже причину, почему я должна была учиться в этой Академии. Я могла найти все это в библиотеке. Она только и ждет того, что я войду и узнаю это.

Заходи и все станет ясно, кажется, шептал голос в моей голове. Но, вероятно, это было только принятие желаемого за действительное.

Чтобы меня не толкало к этому, я снова подняла юбку, поднялась по ступенькам и пробралась в библиотеку

Я была права, когда я думала, что будут гореть несколько огней в библиотеке. Большая двойная дверь, которая вела в главный зал, была открыта настежь. Свет падал в коридор и указывал мне путь.

Но что-то было странное со светом сегодня. Казалось, что отбрасывалось больше тени, чем должно было быть на самом деле, придавая всему темную, зловещую ауру. От оружия, которое украшало прихожую, до рельефов мифологических созданий на стенах.

Грифы и гаргулии снова наблюдали за мной, кажется, следовали за каждым движением, когда я проходила мимо них.

Станный свет освещал монстров и заставлял их выглядеть более дикими и более живыми – чем когда-либо раньше, как будто они могла прыгнуть в любой момент и разорвать меня на куски. Я вздрогнула и отвела взгляд от стен.

Морган уже исчезла из поля зрения, но стук ее каблучков по каменному полу звенел на всю

библиотеку.

Я ненадолго остановилась, чтобы стянуть собственные туфли на каблуках, затем последовал за ней. Пол казался ледяным под моими босыми ногами, но, по меньшей мере, я не устроила бы столько шума как Валькирия.

Судя по шуму шагов Морган, она шла вдоль основного ряда полок. Непосредственно к тому, кто ждал в самом центре библиотеки.

Я была не настолько наивна или глупа, чтобы поверить, что больше никого здесь не было. Кто-то включил свет и открыл двери для Морган. Я сильно сомневалась, что это был Найкмедс. Я только что видела его в столовой, полностью углубленного в свое задание – быть зрителем бала.

Так как я не была уверена, хотела ли встретиться с личностью, которая ждала внутри, действительно ли хотела решиться пройти в одну из боковых дверей, которые также вели в библиотеку. Я открыла ее и проскользнула по этой дорожке.

Я не знала, что здесь происходило, но я не хотела бы ввалиться туда, в любом случае. По крайней мере, до тех пор, пока не могла предотвратить это.

На этот раз я поступлю правильно. По уму. Я хотела бросить короткий взгляд на то, что здесь происходило, на того кто привел сюда Морган. Тогда я бы побежала и позвала бы профессор Метис, тренера Эйджекса и также Найкмедса на помощь.

Я двигалась между полок и пыталась бросить взгляд на Морган через ряды затхлых книг. Шум ее шагов был здесь гораздо громче, так как звук эхом отдавался от потолка, и она все еще передвигалась тем медленным, странным способом.

Через ряды полок я успела бросить короткий взгляд на Валькирию. Ее лицо было по-прежнему пустым, как будто она даже не знала, что сейчас делала. Как будто она больше не контролировала сама себя. Как будто бы она была... одержима.

Как будто кто-то капнул ее кровь в Чашу Слез.

Эта мысль выпрыгнула из глубин моего мозга и пробила себе путь на поверхность. Мои мысли вернулись назад к прошлой ночи, когда я читала книгу Жасмин в своей комнате.

Книгу, в которой была собрана вся информация о Чаше Слез. Я сконцентрировалась, и соответствующий абзац появился перед внутренним взором.

"Ходят слухи, которые утверждают, что Локи использовал Чашу, чтобы набирать преданных людей. Согласно этим источникам Бог или кто-то другой, кто владел Чашей в это время, имеет полный контроль над тем человеком, чья кровь попала в Чашу..."

От этих слов вспыхнули другие воспоминания обо всех этих вещах, которые я видела или слышала в течение последних дней. Найкмедс, который говорил о Чаше и тот факт, что кто бы ее ни украл, собственно, не смог бы покинуть библиотеку.

Разорванное фото Морган и Сэмсона, которое я нашла в комнате Жасмин. Ярость, которую я чувствовала от прикосновения к фото. Все эти книги о магии и иллюзиях, которые стояли на полках Жасмин.

Каменная статуя, которая почти убила Морган и Сэмсона, когда они обжимались около библиотеки. Охотник, который растворился после того, как Логан убил его.

И что я видела снова и снова, действительно важный момент, тот факт, что я не чувствовала ничего, когда нашла труп Жасмин той ночью в библиотеке.

То, что я не получила никаких колебаний или вспышек видений. Ночью, когда я поверила, была последней в жизни Жасмин. Я верила, что с моим цыганским даром, моей психометрической магией что-то не так, но, вероятно... вероятно, я просто не могла ничего

почувствовать. Потому что ничего не было, чтобы чувствовать.

Чем больше я думала об этом, тем больше все обретало смысл. Мой цыганский дар всегда позволял мне увидеть что-нибудь, хотела ли я того или нет. Но не с Жасмин. Это был первый раз, когда я вообще ничего не почувствовала, не промелькнуло ничего даже самого малого.

Самый первый раз. И тогда внезапно все картины, воспоминания и чувства возникли в моей голове, соединяясь друг с другом как части головоломки. Теперь у меня была довольно хорошая идея, кто убил Жасмин и украл Чашу Слез. А также почему.

О нет! Если Морган направлялась к той личности, о которой я думала, которая ждала здесь, тогда Валькирия в большой опасности. А я в любом случае...

Я была так занята тем, чтобы собрать все вещи вместе, что не обратила внимание на то, куда я шла, и налетела на один из выставочных ящиков.

Но это был не просто какой-то ящик, нет, я налетела на витрину со странным мечом. Меч с рукояткой, которая выглядела как половина мужского лица. Я бежала так быстро, что меч сполз, и глаз на рукоятке открылся.

Я застыла и моргнула несколько раз, так как думала, нет, надеялась, что только вообразила это. Что глаз исчез бы, как это уже произошло однажды, чтобы я могла объяснить это, что я просто вообразила эту дурацкую ситуацию, так как находилась под давлением. Хорошо, находилась под давлением.

Я моргала и моргала, но ничего не происходило. Глаз был все еще там, и он по-прежнему смотрел на меня.

У глаза был странный цвет, что-то между пурпуром и серым цветом, цвет, который заставляет думать о сумерках, о этом коротком промежутке времени после захода солнца, прежде чем мир станет действительно темным.

Я нагнулась над витриной в неудобном положении. Мои пальцы оставили следы на стекле, но я не могла двинуться, не могла отвести взгляд от глаза на мече. В груди поднялось странное чувство, похожее на эйфорию.

По какой-то причине меня делало счастливой осматривание меч. Также как борьба делала Логана счастливым. Я вздрогнула. Почему меч должен пробуждать во мне такие чувства? Я даже не знаю, как им пользоваться...

Внезапно глаз прищурился, как будто оценивал меня, как будто знал каждую мою тайну, только посмотрев на меня. У меня было чувство, что я тону в нем, в его сумеречном пурпуре, словно, я никогда больше не смогла бы скрыться от этого одноглазого, колючего взгляда. Как ни странно, я совершенно не хотела этого.

Не знаю, сколько бы еще стояла там и пялилась на этот глаз, если бы не услышала за спиной рев.

Глубокий, злостный рев, который я слышала всего один раз в жизни.

От этого рева кровь стыла в венах и сердце в груди. Шум прервал мои размышления и вырвал меня назад в реальность. Я помнила, что произошло в последний раз, когда я услышала этот ужасный шум. О, нет!

Медленно я повернулась и посмотрела через плечо. Позади меня был Немецкий Охотник

Он выглядел так же, как вчера вечером перед библиотекой. Черное, пантерообразное существо с большими когтями и огромными зубами, которые могли бы убить меня просто случайно, даже если бы она дышала. Если существо вообще дышало, а не состояло из чистой злобы. В этом месте я была не совсем уверена.

Охотник огрызнулся на меня и приоткрыл пасть, чтобы обнажить клыки. Конечно, они

блестели совершенно замечательно в странном золотом свете, который заполнял библиотеку.

Я тяжело сглотнула, но даже это не помогло избавиться от жестких комков страха в горле. Но на этот раз я не пыталась сказать, что люблю котят. Ничто в этом существе мне не нравилось, особенно, после того, как оно посмотрело на меня.

На мгновение я подумала, что Охотник сразу же набросится на меня и разорвет мне горло своим бесчисленным количеством зубов. Но вместо этого прозвучало несколько глубоких свистов, и существо отошло в сторону, чтобы его хозяин смог приблизиться ко мне.

Фигура в длинной, багровой, украшенной драгоценностями накидке направлялась ко мне между рядами. Материал колыхался и напоминал мне реку крови. Дрожь пробежала по спине. Разумеется, вид не мог не поразить меня.

Наконец, я видела, прикоснувшись к ее ноутбуку, как она покупала именно эту накидку в интернете. Я не думала об этом до этого момента. Я не была Шерлоком Холмсом. Личность в накидке была гораздо умнее меня. Умнее чем мы все. Потому что она очень хорошо продумала весь этот больной обман.

У накидки был капюшон, поэтому я не могла рассмотреть ее лицо. Я видела только намек улыбки на ее розовых губах и сверкание белых зубов. По какой-то причине ее зубы вызвали во мне еще больший страх, чем Охотник.

– Привет, цыганка, – пробормотал тихий голос из глубины капюшона. – Я уже начала задаваться вопросом, когда же ты появишься.

Если раньше у меня и были сомнения, теперь они исчезли, так как я узнала этот голос. Я точно знала, кому он принадлежал. Последний раз я слышала его, когда она смеялась на главной площади, когда это все началось.

Фигура подняла руки и сняла капюшон. Белокурые волосы, синие глаза, превосходная кожа, удивительно красивое лицо.

Я снова пристально смотрела на Жасмин Эштон, только на этот раз она была такой же живой, как и я.

Глава двадцатая

В комиксах никто не умирает по настоящему, даже злодеи. По крайней мере, не на долгое время.

Слова, которые я сказала Логану в последнюю ночь, прозвучали в моей голове и высмеивали меня, пока я пристально смотрела на Жасмин.

Так как девушка, которая стояла передо мной, определенно не была мертва. Мой взгляд скользнул к ее горлу, которое было таким же гладким – каким должно было быть. Ну, никак не мертвая. Однако у меня было такое чувство, что нельзя будет сказать что-то подобное обо мне после этой ночи.

– Ты... ты жива, – произнесла я наконец.

Валькирия тихо захихикала, и шум эхом отдался от стен библиотеки.

– Конечно, цыганка. Я жива. Теперь будь хорошей девочкой и встань рядом с Морган. Тогда я все объясню вам обоим. Единственная проблема таких планов, что нельзя никому о них рассказывать.

Мой взгляд метнулся к открытой двери в конце ряда полок, пока я спрашивала себя, могла ли я пробежать мимо Жасмин и выбежать из библиотеки, прежде чем она, ну не знаю, убьет меня, до тех пор, пока я не стала мертвой, мертвой, мертвой. Но Охотник заметил мой взгляд

и зло зарычал на меня.

Я облизала губы.

– Эта штукавина – иллюзия? Как вчера ночью?

Жасмин подошла ближе, положила руку на спину созданию и погладила ее черную шкуру. Кроваво-красные глаза Охотника вспыхнули, и он издал тихое, мурлыкающее урчание, которое заставило меня исказить лицо.

– О нет, цыганка. Этот Охотник абсолютно реальный. Но все равно нет никакой разницы. Иллюзия может точно также разорвать тебя на куски, как и настоящие клыки и когти.

Прошлой ночью у библиотеки Дафна сказала что-то подобное, но я совершенно не поверила ей. Как могло что-то поранить, что на самом деле не реально? Но постепенно мне становилось ясно, что у меня огромные пробелы в знании мифов и магии.

Мне не оставалось ничего другого, как делать то, что приказала Жасмин. Иначе Охотник, не важно реальный или только иллюзия, разорвал бы меня на куски. И я, правда, ни в коем случае не хотела, чтобы это произошло. Поэтому пошла вдоль ряда с полками, завернула за угол и вошла в главную часть библиотеки.

Морган стояла по левую руку от меня как раз на том месте, на котором раньше стояла витрина с Чашей Слез. Артефакт, который был якобы украден в ночь, когда Жасмин якобы умерла.

Теперь Морган держала Чашу в руках.

Она выглядела точно также как и в моем воспоминании: маленькая, круглая, коричневая, неприметная. Простая Чаша, не раскрашенная, без гравюр или каких-либо украшений. Никакого золота, никаких драгоценностей, совсем ничего.

Все равно взгляда на нее сегодня вечером хватило, чтобы мой живот судорожно сжался. Мне не всегда нужно было прикасаться к вещам, чтобы получить колебания.

Если объект был загружен достаточным количеством эмоций или хранил в себе достаточное количество воспоминаний, тогда он мог даже излучать колебания как аура. Как Дафна и ее искрящиеся кончики пальцев.

И сегодня ночью Чаша излучала холодную, черную злобу.

– Стоп, – сказала Жасмин.

Охотник рыкнул, как будто хотел подчеркнуть ее команду.

Я останавливаюсь рядом с одним из учебных столов. На углу лежала стопка книг. Это были те самые, с которыми Найкмедс бегал между рядами. Библиотекарь не разложил их, как всегда по какой-то причине.

Я наклонилась над столом, мимоходом положила руку на верхний том и тут же почувствовала те же колебания, которые всегда получала от книг, чувство древних знаний.

Это было так много, и это, наверное, было неправильное оружие, но, по меньшей мере, у меня было что-то в руке. В данный момент я действительно довольствовалась малым, но сначала я хотела объяснений.

– Итак, ты просто все разыграла, – сказала я и повернулась к Жасмин. – Чаша Слез, твой труп, эта огромная лужа крови. Это все было только иллюзией, правильно?

– Ну, – высказывалась Жасмин. – У цыганки все же есть мозг. Ты, конечно, совершенно права – я создала все, что ты видела тем вечером, и еще массу всего с тех пор.

Жасмин прошла мимо меня к Морган, которая все еще пристально и невыразительно смотрела в пустоту. Охотник кружился вокруг библиотечных столов, туда-сюда и между

ними, как будто он занимался чем-то вроде бега с препятствиями для огромных котят. Но его красные, пылающие глаза оставались направленными непосредственно на меня.

Жасмин остановилась перед Морган и с ненавистью посмотрела в глаза своей лучшей подруги. Тогда Валькирия вытянула руку и сорвала корону королевы бала с ее головы. Морган просто продолжала смотреть в пустоту перед собой.

На ее лице не выделялось ни одного чувства, и в коричневых цвета лесного ореха глазах не было никакого понимания того, что сейчас происходило.

Я правильно предположила, когда посчитала, что Морган одержима. Жасмин использовала Чашу слез, чтобы контролировать лучшую подругу. Впервые я заметила, что в Чаше что-то было, что-то темно-красного цвета, выглядевшее липким. Кровь.

– Как ты сделала это? – спросила я. – Как ты заполучила кровь Морган в Чашу? Я знаю, что ты должна была это сделать. Ты должна капнуть ее кровь в Чашу и к тому же произнести какой-то магический фокус-покус. Иначе ты не смогла бы контролировать ее так, как ты делаешь.

Жасмин продолжала рассматривать сверкающую корону в своих руках.

– О, это была самая простая часть. Пару недель назад в кампусе сдавали донорскую кровь. Морган и я сдавали вместе. Это было просто, подменить ее пакет с моим, когда медсестра не смотрела.

Господи, кем же она была? Какой-то вид криминального гения или что-то в этом роде? Так как мне никогда не приходила в голову идея, сделать что-то подобное, особенно не с моей якобы лучшей подругой.

Жасмин поворачивала диадему туда-сюда, наблюдая, как она ловила свет и сверкала. Она дотронулась до нее ногтем, и безобразные, кроваво-красные искры заблестели вокруг.

Затем корона разбилась в руках Валькирии. Кристаллы падали, рассекая воздух, и я вздрогнула, когда они ударились с резким треском о пол библиотеки.

– Мне всегда было интересно, как это быть принцессой бала с Сэмсоном, стоящим рядом, – пробормотала Жасмин. – Я надеюсь, ты насладишься этим, Морган. Так как это было последним, чем ты наслаждалась в своей жизни.

Жасмин схватила острый кусок разбитой короны и подносила к лицу Морган до тех пор, пока не потекла кровь. Тогда Валькирия нанесла удар острым концом и вогнала его глубоко под кожу лучшей подруги.

Красные искры танцевали как светлячки вокруг обеих, возникали и исчезли как предупреждение опасности, ненависти, смерти.

Я подавила крик и хотела уже подбежать к Морган, но Охотник зарычал, и я осталась на месте.

В любом случае, неважно, потому что на теле Морган не дрогнул ни один мускул. Она никуда не бежала, не кричала и не начинала плакать от боли.

Она выглядела так, будто она была ничем, кроме как безжизненной, застывшей куклой. Я задавалась вопросом, чувствовала ли она вообще, что Жасмин поцарапала ее лицо короной, или ее душа исчезла навсегда.

Жасмин отвела окровавленный конец короны от лица Морган и занесла руку для следующего удара.

– Стой, – закричала я. – Прекрати калечить ее! Она твоя подруга! Твоя лучшая подруга!

Жасмин повернулась и пристально посмотрела на меня, как будто она забыла, что я тоже стояла в библиотеке с двумя Валькириями.

– Поправочка: она была моей лучшей подругой до того, пока шесть месяцев назад не начала спать за моей спиной с моим парнем.

Жасмин бросила кровавый кусок короны на землю и начала ходить вокруг Морган. Ее лицо было темным как грозовые тучи.

Я не знала, что будет делать дальше Валькирия, но я должна была постараться отвлечь ее. Я не хотела, чтобы она и дальше продолжала калечить Морган. Или еще хуже, она могла убить девушку на моих глазах.

– Ты поэтому делаешь все это? – спросила я дрожащим голосом. – Только потому, что твой парень обманул тебя?

– Он не просто обманул меня, – рявкнула Жасмин. – Он обманывал меня с ней. Моей якобы лучшей подругой. Месяцами. И все время они лгали мне прямо в лицо. Постепенно я стала недоверчивой, знаешь ли ты? Сэмсон вел себя так странно и выглядел каким-то отстраненным. У меня было чувство, что он обманывает меня, вероятно, что он встречается еще с кем-то другим. Итак, я рассказала об этом Морган. Однако я полностью доверяла ей. И знаешь, что она ответила мне?

Я покачала головой.

– То, что мне не нужно волноваться. То, что Сэмсон был совершенно помешен на мне и сам говорил ей об этом. Что он сокращает наши свидания только потому, что любит меня так сильно и ему очень тяжело контролировать свое желание, когда мы бываем вместе. Я не могла подумать, что я проглатывала ложь, – Жасмин горько рассмеялась.

Она снова начала ходить вокруг Морган и что-то тихо бормотать себе под нос. Я убрала руку за спину и схватила верхнюю книгу в углу. Охотник обогнул стол и его взгляд блуждал по мне вниз вверх, пока его кроваво-красный взгляд не упал на мое лицо.

– Знаешь, что самое ужасное? – спрашивает Жасмин. – Причина, почему Сэмсон вообще спал с ней. Знаешь, почему он спал с ней?

Я пожала плечами. Порванное фото показало мне многое, но не все.

– Потому что я не хотела с ним спать, – пробормотала она. – Я хотела подождать. И Сэмсон утверждал, что он тоже хотел этого. То, что мы еще не были готовы. Что было бы лучше, не торопиться с этими вещами и подождать правильного момента. Что это было бы романтично. И все время они занимались этим за моей спиной как кролики.

– Я нашла то фото Морган и Сэмсона. Которое ты разорвала и выкинула в мусорное ведро. Как ты вообще вышла на них двоих? – спрашивала я спокойным голосом, пока мой взгляд блуждал по библиотеке и искал выход.

Но у меня не было идей, как я должна вытащить Морган или себя отсюда. По крайней мере, живыми.

Жасмин пожала плечами.

– Морган соврала мне, куда едет на летние каникулы. Она рассказала мне, что она и ее семья провели целый месяц в доме на Багамах. Но неделей спустя мой брат прислал мне сообщение, что он как бы видел Морган в Хэмптонсе. Почему Морган соврала? Это расстроило меня, особенно потому что родители Сэмсона владеют летним домиком в этом городе. Тогда я воспользовалась самолетом отца и слетала туда. Я пробралась к дому Сэмсона и увидела их двоих на пляже. Они лапали друг друга повсюду. Было ужасно противно.

– Но это было летом, – ответила я. – Уже прошли месяцы.

Жасмин одарила меня довольной, холодной улыбкой.

– Я знаю. Эти двое даже ничего не подозревали. Они совершенно не догадывались, что я

знаю все.

– И? – спросила я. – Значит, ты провела последние несколько месяцев планирую, как можно симулировать свою смерть? Только чтобы отомстить своей лучшей подруге за то, что она спала с твоим парнем? Не кажется ли тебе это слишком?

Жасмин прищурила синие глаза и открыла рот, вероятно, чтобы дать команду Охотнику убить меня. Но я опередила ее.

– Я имею в виду, да, это чертовски плохо, и я могу полностью понять, почему ты хотела мести. Они оба ранили тебя. Они заслужили наказание.

Жасмин кивнула.

– Именно. Я любила Сэмсона, действительно. Но он, в конце концов, парень, поэтому он думал членом. От него я, конечно, могла бы ожидать чего-то подобного. Но Морган и я, мы выросли вместе.

Она мне как сестра, и это сделало ее измену еще хуже. Поэтому она заплатит за то, что спала с моим парнем.

Это полностью объясняет то, почему Сэмсон не стоял рядом с Морган и не смотрел вперед таким же взглядом у зомби.

Мне казалось это немного сексистски со стороны Жасмин, что она винила только девушку, а не своего замечательного друга. Насколько я видела, Сэмсон правильно играл в игру. Он был таким же легкомысленным как и Морган.

– Но почему ты не предприняла что-нибудь немного... более благоразумное? – спросила я. – Почему ты симулировала собственную смерть? Для чего все это?

– Я хотела, чтобы они скучали по мне, – яростно рявкнула она. – Я хотела сделать им больно. Я хотела, чтобы они почувствовали себя виноватыми. Чтобы вина грызла их изнутри, пока они больше не смогут выносить ее или смотреть друг на друга. Только... этого не произошло.

Нет, ничего не произошло. Я вспомнила, как вся школа, включая других учеников, просто продолжала жить после мнимой смерти Жасмин, как будто ничего не происходило.

Морган и Сэмсон были даже рады, что она мертва, потому что они могли, наконец, показываться вместе на людях. Все другие вздохнули с облегчением, так как Жасмин больше не могла терроризировать их.

Все, кроме меня. Девочка-цыганка, которая может видеть вещи и любит совать нос в чужие дела и узнавать тайны Жасмин. Видно же, как ужасно все это обернулось для меня.

– Как ты это делала? – спросила я. – И почему здесь в библиотеке?

Жасмин пожала плечами.

– Магия иллюзий находится у моей семьи. Моя мама особенно хороша в том, чтобы создавать иллюзии, и в последнее лето, когда моя магия, наконец, пробудилась, она рассказала мне многое.

Было просто сотворить иллюзию своего тела, которое лежало на земле с перерезанным горлом. Когда я была еще ребенком, моя мама создавала дюжину трупов и зомби каждый год в день всех святых, а также у нас был замок с приведениями.

Итак, я правильно предполагала. Я не получила никаких колебаний от трупа Жасмин или крови тем вечером, так как совсем ничего из этого не существовало. По крайней мере, ничего реального.

– Но если это была всего лишь иллюзия, почему моя одежда была покрыта пятнами крови? – спросила я.

Пурпурный балахон и джинсы лежали скомканные все еще в корзине для белья. Когда я осматривала тряпки в последний раз, кровавые пятна еще существовали.

– Потому что иллюзия остается реальной для человека до тех пор, пока он верит в нее. Пока ты веришь во что-то, вместе с этим ты даешь ему жизнь, форму и субстанцию. Ты подумала, что видела мою кровь, поэтому твоя одежда была грязной. Также как Метис, Эйджекс и Найкмедс были убеждены в том, что видят мой труп, поэтому они подняли мое тело и положили его в холодный подвал под зданием математики. Там они держат все трупы, знала ли ты?

Нет, я не знала этого, и определенным образом я хотела, чтобы она никогда не рассказывала мне об этом. Морг в здании математики. Жутко.

Я кивнула в направлении Охотника, бродящего туда-сюда.

– Что насчет кошки? Как ты протащила ее контрабандой на школьную территорию? Когда и зачем?

Жасмин просто пожала плечами.

– Очередная иллюзия. Я зачаровала ее сегодня как голодную, бродяжничающую кошку, которая забралась в кампус в поисках чего-нибудь съедобного. Сфинксы у главных ворот не обратили на нее внимание, и даже не собирались ее атаковать, как они должны были делать с незваными гостями. Найкмедс не совсем умно обращается со своими чарами, как он думает. То, что касается того, почему, ну да, я думала, что было бы лучше иметь в распоряжении оригинал, после того как твой Спартанец убил мою вчерашнюю иллюзию.

– Что ты скажешь о статуи, которая упала? – спросила я. – Итак, ты столкнула ее с края и пыталась убить ею Морган и Сэмсона?

– Вообще-то, – взгляд Жасмин скользнул на один момент к Морган. – Я просто хотела подышать свежим воздухом на балконе третьего этажа, когда увидела, чем они там занимаются. Я согласна, что меня охватила ярость настолько, что я хотела убить их в то же мгновение вместо того, чтобы выждать завершения своего плана сегодня. Но к их счастью появилась ты, предупредив их. Конечно, это сделало свое дело – я обиделась на тебя, поэтому выпустила на волю иллюзию Охотника. Я хотела позволить ему разорвать тебя на куски, за то, что ты вмешалась. Но затем появился Логан Куин и на твоей стороне появилось преимущество.

– А Чаша Слез? – спросила я. – Почему ты ее украдала?

Жасмин рассмеялась в своей собственной манере, которая напомнила мне о рычании Охотника.

– О, я вообще не крадала ее. Чаша все время была в библиотеке также как и я. На третьем этаже есть склад, в который вряд ли кто-нибудь когда-нибудь заходит. Я спрятала там тайком вещи в начале учебного года. Еду, одежду, спальный мешок. Там я была последние дни вместе с Чашей. Найкмедс наложил кучу чар на Чашу, чтобы она не могла покинуть библиотеку. Поэтому я использовала магию иллюзии, чтобы спрятать ее и заставила всех думать, что Чаша была украдена и что ее унесли далеко-далеко. Это тоже сработало. Все сработало, но тогда ты начала капать.

Я переместила вес.

Жасмин посмотрела на меня и наклонила голову набок.

– Знаешь, я наблюдала за тобой в последние дни, и я просто не понимаю, почему я так много значу для тебя. Ты же не была моей подругой. Ты же даже не знала меня.

– Это верно, – добавила я спокойным голосом. – Но я думала, что ты не заслужила такой смерти. Я хотела узнать, кем ты была. Мне было тебя жаль, итак, мне было жаль, что ты умерла.

Выражение лица Жасмин окаменело.

– Ты? Ты жалела меня? Ты же никто, цыганка. У тебя нет друзей, и тебе здесь не место. Ты жалкая.

Насмешка в ее голосе позаботилась о том, чтобы я встала немного более прямо.

– У меня есть имя. Меня зовут Гвен Фрост. И я совершенно не никто. Ты считаешь меня жалкой? Я не та, которая подстроила свою смерть, чтобы отомстить своей лучшей подруге. Вот это жалко.

Выражение лица Жасмин потемнело от оскорбления, но все же она рассмеялась.

– Ты думаешь здесь шла речь о том, чтобы отомстить Морган? О, цыганка, ты действительно даже не представляешь, что здесь происходит, да?

Я пожала плечами.

– Тогда расскажи мне. Ты все равно убьешь меня.

– О да, – объясняла Жасмин и вместе с тем душила надежду о том, что она может оставить меня в живых. – Но здесь речь идет о большем, чем Морган и факте, что она просто не должна была раздвигать ноги. Здесь... здесь речь идет о Хаосе.

Когда она произнесла слово "Хаос", что-то вроде порыва ветра пронеслось по библиотеке, отчего у меня на спине появилась гусиная кожа, а книжные полки закрипели. Но самое странное произошло с Чашей Слез.

Морган все еще держала ее в руках, но на мгновение мне показалось, будто что-то вроде лица сверкнуло в воздухе. Искалеченное, злое, расплывчатое, кричащее лицо. От этого вида мой живот сжался.

– Ты... Ты – Жнец Хаоса? – прошептала я. – Зло? В действительности ты служишь Богу Локи и хочешь вернуть его назад в наш мир?

Жасмин кивнула.

– Наконец, теперь ты понимаешь это. В Академии огромное количество Жнецов, ученики и профессора. И я не одна. Вся моя семья состоит из Жнецов. Мы всегда были ими. Но тссс. Но никому не рассказывай в Академии об этом. Все профессора считают, что моя семья обладает хорошей репутацией, а значит я из благополучной семьи. У Метис случился бы приступ, если бы она узнала, что моя семья служит Локи столетиями. Когда они объявили на истории мифов, что Найкмедс вынесет Чашу Слез со склада и выставит в библиотеке, ну да, хорошо, случай был слишком уж хорош, чтобы позволить ему ускользнуть. Таким образом, я могла одновременно отомстить Морган и послужить своему Богу.

– Но...

– Достаточно! – рявкнула она. – Хватит болтать. Ты надоедаешь мне. Медленно приближается время, когда мы должны продолжать, и начнем мы с жертвы, которую Морган принесет сегодня.

Она повернулась к другой Валькирии. Морган все время была тихой и не шевелилась, несмотря на то, что рана на ее щеке, которую ей нанесла короной королевы бала Жасмин, все еще кровоточила и кровь стекала по ее щеке.

– Морган, – сказала Жасмин, и ее голос звучал как рычание Охотника. – Ложись на стол и возьми с собой Чашу. И не пролей ни одну каплю крови.

Морган резко пришла в движении, как будто она была марионеткой, и Жасмин дергала за ниточки. Я в ужасе наблюдала, как Морган влезла на ближайший стол, растянулась на нем и затем поставила Чашу на середину своей груди. Именно так как приказала Жасмин, не пролив ни капли крови из Чаши.

Из глубины своей багровой накидки Жасмин вытянула кинжал с рубином в набалдашнике. Я

тоже узнала его. Это был тот, который я увидела вечером ее мнимой смерти на полу библиотеки. Теперь я тоже знала, почему кинжал не был испачкан кровью, ведь лужи крови были иллюзиями.

Мой мозг снова начинает работать, и наконец, поняла, что она планировала сделать с кинжалом. Она хотела принести в жертву темному Богу свою лучшую подругу. Жасмин хотела убить Морган на самом деле прямо на моих глазах, и не было ничего, что я могла бы сделать.

– Стоп! – закричала я и сделала шаг вперед. – Отойди от нее!

Жасмин бросила на меня взгляд через плечо и снисходительно засопела.

– Убей ее, – приказала она Охотнику, прежде чем она снова обратилась к Морган. Создание облизнуло губы и подскочило ко мне.

Глава двадцать первая

Прежде чем спасти Морган, я должна была спасти себя от Охотника.

У меня не было времени думать о том, что я делаю, поэтому я бросила в него книгу, которую держала в руках.

И мне повезло, так как толстый том попал как раз в нос твари, она помедлила и на мгновение потеряла равновесие.

Я нырнула под ближайший стол, и монстр приземляется на столешницу, а не на меня.

Охотник впился зубами в древесину и разорвал ее, как будто это была зубочистка. Я выползла из-под рушащегося стола, поднялась на ноги и побежала к открытой двойной двери.

Но Охотник был быстрее меня. В одном сильном прыжке он пролетел над моей головой, приземлился прямо передо мной и отрезал тем самым мне запасной выход.

Я сразу отступила. Охотник зашипел и снова начал подбираться ко мне. По-видимому, он использовал метод игры кошки с маленькой-маленькой мышкой.

Уголкем глаза я заметила, что Жасмин отвернулась от Морган, чтобы посмотреть на меня.

– Тебе не удастся сбежать еще раз, – сказала она. – Этот Охотник не иллюзия, и Спартанца нет поблизости, чтобы снова спасти тебя.

– А вот это неправильно, – прозвучал другой голос.

Логан Куин стоял у входа в библиотеку. Он все еще был в смокинге, но он успел захватить с собой пару аксессуаров: щит и копье.

Серебряный щит был закреплен на его левой руке, пока он держал свободной правой рукой копье. Оружие выглядело так, как будто было частью его.

Я подумала, что Дафна говорила о том, почему другие ученики находились здесь. У Логана была судьба Спартанца, воина. Я могла только надеяться, что он не встретит смерть сегодня ночью.

Охотник зашипел, как только увидел Логана, так как он принял его как верную угрозу. Спартанец поднял щит, и глубокое спокойствие распространилось по его лицу. Он не собирался бежать от Охотника, он хотел бороться с ним не на жизнь, а на смерть, как он уже делал это однажды. Только на этот раз существо не было иллюзией. Откуда-то я знала, что этот факт делал его еще более смертоносным.

На одно мгновение холодный взгляд Логана скользнул ко мне.

– Гвен, беги! Приведи помощь...

Больше Логан не смог говорить, так как Охотник ринулся на него.

Вместо того чтобы делать то, что он попросил, я подняла книгу, которую кинула ранее в Охотника, и побежала назад в центр библиотеки.

Там все еще стояла Жасмин с поднятым, блестящим кинжалом над Морган.

Даже, если я бы я не сделала ничего лучше, чем убежать, найти профессора Метис и рассказать ей всю историю, я точно знала, что Жасмин убьет Морган и доведет свой странный ритуал до конца, если я сделаю это.

Моя мама-полицейский никогда бы не побежала прочь от драки, и я также не стала бы делать этого.

Жасмин увидела, что я подхожу, отступила на шаг от Морган и направила кинжал на меня. Не хорошо. Но я не планировала отступать теперь.

После всего, что я знала, Жасмин бросила бы кинжал, как только я отвернулась. Она могла это сделать. Она была воином и тренировалась драться на протяжении всех лет.

– Ты просто должна была оставить все это по-хорошему, цыганка, – пробормотала Жасмин. – Ты должна была проигнорировать мою смерть, как это сделали остальные.

Я остановилась перед ней.

– Скажи мне: Почему ты не убила меня в библиотеке в тот вечер, когда у тебя был шанс? Вечером, когда ты ударила меня по голове, вероятно, тем самым проклятым кинжалом в твоей руке, и оставила меня без сознания. Почему ты не перерезала мне горло?

Она пожала плечами.

– Потому что ты была никем. Я даже не знала твоего имени. У тебя не было настоящей силы, ничего, что я могла бы получить и использовать, итак, почему же я должна была убить тебя?

Я крепче сжала книгу и на какой-то момент я подумала о Пейдж Форрест. Она была такой же бессильной.

По словам моей мамы, отчим Пейдж сказал ей, что пойдет к ее младшей сестре, если та не будет с ним покладистой. По этой причине она никому не рассказала, что произошло.

Итак, она сделала единственное, что могла – дала мне прикоснуться к расческе.

Потому что она знала, что я могла. Пейдж знала, что я обладала силой, что я владела магией, даже если она ее не понимала.

Даже если я не понимала ее.

– Я не Никто, – выдавила я сквозь зубы.

Жасмин закатила глаза.

– Как всегда. Ты все равно умрешь.

С этими словами она бросилась на меня.

Кинжал со злым шипением разрезал воздух, которое больше подошло бы Охотнику. Инстинктивно я подняла книгу и удерживала ее между собой и оружием.

Лезвие проникло в переплет и проткнуло все страницы, вылезло с другой стороны и остановилось в сантиметре от моего лица. Да, затем послышались сильные крики.

Жасмин выкрикивала громкие проклятья, пытаясь вытащить кинжал из книги. Но я еще крепче сжала руки и повернулась, пока она не выпустила набалдашник оружия. Тогда я выбросила книгу с кинжалом так далеко, как только могла.

Она упала на гладкий мраморный пол и скользила по нему, переворачиваясь снова и снова, пока, наконец, не осталась лежать на другом конце библиотеки под столом.

– Мерзавка, – сказала Жасмин. – Это был мой любимый кинжал.

У нее есть любимый кинжал? Правда?

И она считает меня фриком.

Прежде чем я смогла отступить, Жасмин ударила меня прямо в лицо. Затем ее кулак врезался в мой живот, и она использовала свою силу валькирии.

Боль от удара была уже достаточно ужасной, но ее кожа прикоснулась ко мне, и таким образом я почувствовала всю глубину ее ярости и ненависти к Морган, Сэмсону и каждому другому в школе, кто проигнорировал ее смерть.

Чувства сжигали меня как кислота. Я упала на колени, жадно хватая воздух и боролась за то, чтобы не сдаться.

Жасмин посмотрела на меня вниз, покачала головой и пошла назад к Морган, которая все еще лежала на столе, пристально и безучастно смотря в потолок.

Чаша Слез стояла на груди Морган, и кровь в ней начала кипеть.

Даже с некоторого расстояния я могла почувствовать, что от нее исходила власть. Я и раньше считала Чашу чем-то злобным, но в данный момент она излучала самый ужасный вариант чистой черной ненависти.

Жасмин нагнулась и вытащила из-под стола длинный меч. Что за ад происходит здесь? Жасмин развернулась и снова пошла ко мне, рассекая воздух мечом, как будто не могла дождаться, когда обрушит его на меня.

Я смутно осознавала, что Логан где-то в дальней части библиотеки борется с Охотником недалеко от дверей.

Безжалостное шипение создания наполняло комнату, также как и лязганье клыков о щит, пока существо пыталось устранить эту преграду, чтобы, наконец, разорвать его на куски.

Мне даже показалось, что Логан выкрикнул мое имя, убеждая меня развернуться и бежать, так как Жасмин хотела разрубить меня на куски мечом.

Я закатила глаза. Как будто я не знала. В спорте у меня действительно не было шансов, но я не была совсем тупой.

Итак, я вскочила на ноги, развернулась и побежала к ближайшей двери сбоку, через которую я пробралась в библиотеку. Но когда я практически добралась до нее, она захлопнулась и Жасмин засмеялась позади меня.

– Глупая цыганка. Все здесь внутри находится под моим контролем. Ты не сможешь ускользнуть, почему бы тебе тогда не побыть хорошей девочкой и не подойти ко мне, чтобы я могла тебя убить?

Я не знала, какой вид магии Валькирий она использовала. Это была просто иллюзия или двери действительно закрыты?

Итак, я побежала к следующей двери. Она также захлопнулась, незадолго до того как я добралась до нее. Я схватилась за ручку и попыталась ее открыть, но она не сдвинулась ни на сантиметр.

Какой бы магией Жасмин не владела, она закрыла нас всех в библиотеке. Или, по крайней мере, заставила нас верить в это. Что на самом деле не имело никакой разницы.

По крайней мере, я так считала. Эти истории с иллюзиями вызывали у меня головную боль.

Так как двери не работали, я поспешила к окну. Оно тоже оказалось закрытым и не поддавалась. Затем какое-то движение снаружи привлекло мое внимание. Я заметила Дафну и Карсона, которые проходили мимо держась за руки.

– Дафна! Карсон!

Я редела, орала и била в стекло, но они не слышали меня. Они были слишком поглощены друг другом. Я должна была привлечь их внимание.

В панике я осмотрелась вокруг. Рядом с окном стоял стол с деревянным стулом. Я схватила стул и со всей силы ударила им в окно.

Стекло разбилось с оглушительным звоном.

Какой бы магией не обладала Жасмин, она не подумала защитить ей окна. Стул разбил несколько небольших стекол и оставил дырку непосредственно над моей головой.

Если бы я смогла подняться выше и перебраться через нее, но несколько железных решеток преградили бы мне дорогу. Поэтому я просто поднялась на цыпочки и поднесла рот так близко к осколкам, как я могла решиться.

– Дафна! – проревела я так громко, как только могла.

– Здесь внутри!

Мой голос прогремел над местом. Дафна и Карсон остановились, и их головы повернулись ко мне.

Я киваю им, однако я была не уверена, видели ли они меня или нет. Что-то просвистело позади меня, и я пригнулась. Меч Жасмин ударился о железные решетки и отбросил красные искры.

Я повернулась к ней. Лицо Жасмин между тем исказилось дикой маской ярости. Ее белокурые волосы парили вокруг ее лица, и ее когда-то синие глаза светились тем же красным цветом, что и глаза Охотника. Жутко.

– Стой на месте, чтобы я могла отрубить тебе голову, – пробормотала она.

Она снова размахнулась мечом, а я отклонилась в сторону. Снова и снова она бросалась на меня с вибрирующим мечом, но мне каждый раз удавалось ускользнуть.

Вероятно, я научилось чему-то на физкультуре, так как я едва могла поверить, что я еще жива.

При следующем ударе меч Жасмин ударился в книжную полку и застрял в толстой древесине. Выкрикивая проклятия она обхватила рукоятку двумя руками и пыталась освободить оружие. Так как она была сконцентрирована не на мне, я оббежала вокруг книжной полки и толкнула ее плечом так сильно, насколько было сил.

– Давай же, – бормотала я, пока снова и снова врезалась в стеллаж, пока тот не начал качаться. – Давай же! Давай!

В последний раз, собрав все силы я толкнула его. С громким, стонущим треском полка начала падать. Через секунду она грохнулась на Валькирию и погребла ее под сотней книг.

На мгновение я слышала только свои собственные пыхтящие, испуганные вдохи и шум крови в ушах.

Затем Жасмин снова зло рассмеялась.

– Ты забыла, что я – Валькирия, цыганка, – сказала она. – Я сильная, гораздо сильнее тебя. Ты не сможешь одолеть меня. Мне не сложно будет убить тебя. Никто не способен изменить это.

Тяжелая полка начинает двигаться, пока Жасмин двигалась под древесиной и горой книг, под которой я погребла ее. Я отступила и задалась вопросом, что же мне сделать, чтобы задержать ее.

Я не могла никуда сбежать потому, что была заперта в библиотеке, и это был вопрос времени, пока Жасмин освободится.

Я не имела ни малейшего понятия, что происходило между Логаном и Охотником, но я все еще слышала его рев, это означало — что он еще жив.

Даже если Логан убил монстра, не умерев при этом сам... я не была уверена, что он смог бы победить еще и Жасмин. Она владела таким же образованием воина, как и он.

А если Охотник ранил его, он был в тяжелой ситуации.

Я прикусила губу и осмотрелась вокруг, стараясь остаться спокойной и размышлять над тем, что бы сделала моя мама в такой ситуации.

Хорошо, моя мама никогда не встречалась с сумасшедшей Валькирией, которая хотела принести в жертву Богу Зла свою лучшую подругу, но она простивостояла в свое время многим мошенникам.

Я вспомнила о том, как на иногда приходила домой, вытаскивала пистолет из кобуры, и...

Я прищурила глаза. Конечно.

Мне нужно оружие.

Не то, чтобы я знала, как использовать оружие, но это было лучше, чем убегать прочь от Жасмин или, что еще хуже, позволить разрубить себя на куски мечом.

Мои неприкрытые ноги, казалось передвигались самостоятельно, и я засеменила между рядами полок. Я даже не задумывалась в действительности над тем, где я бегу, пока на остановилась перед стеклянной витриной.

Перед той витриной, с тем самым мечом.

Я сражалась с замком и молилась, чтобы он оказался не заперт или не защищен магией. К моей неожиданности крышка сразу раскрылась, и я не получила никаких видений.

Я откинула стеклянную крышку витрины, протянула руку к мечу и остановилась. Я не знала точно, что произошло бы, если бы я подняла его.

Какие колебания и мгновенные видения я получила бы. Но я знала, что что-то произошло бы, что-то важное.

Что-то, что навсегда изменило бы мою жизнь.

За спиной я услышала сильный грохот, и смех Жасмин снова наполнил библиотеку. Она смогла выбраться из-под полки. Если я не возьму меч, остаток жизни будет недолгим. Очень-очень коротким.

— Цыганка, — зашипела Жасмин, и ее голос долетел до меня. — Я буду наслаждаться твоим убийством.

Я услышала быстрые шаги, которые

приближались ко мне. Мое время закончилось, поэтому я залезла в витрину и схватила меч.

Глава двадцать вторая

Как только мои пальцы сжались вокруг рукоятки, я открыла глаза и снова

наткнулась на его серо-пурпурный взгляд.

– Цыганка, – кажется, в моей голове прошептал старый, ворчливый голос. – Наконец-то.

Хорошо, по-видимому, меч может еще и говорить. Супер жутко, но я уже перешла границу, когда я еще удивлялась чему-то.

Мои пальцы обхватили набалдашник, и я вырвала меч из витрины. Рукоятка была сделана так, что моя рука закрывала половину мужского лица – ото рта вниз.

Нос крючком висел над моей рукой как что-то своего рода папье-маше, по крайней мере, я думала, что это называется так, и глаз

был виден четко. Глаз, который все еще смотрел на меня. Некоторое время ничего не происходило.

Затем меня наполнили чувства.

Меч был старым, древним, как Чаша Слез. Так много вещей вспыхнуло в моих мыслях. Так много изображений.

Преимущественно битвы. Сотни, тысячи битв, которые начинались и заканчивались в одно мгновение. Большие, маленькие, тихие, громкие. Я чувствовала кровь и дым. Слышала крики боли и ярости.

Чувствовала другие мечи, другие клинки, которые врезались в мою плоть, так что я одновременно кричала от боли и затоплялась яростью.

Я не могла ничего делать дальше, кроме как стоять там, смотреть картины и впитывать волны чувств, которые хотели меня наполнить.

Собственно, если бы я хотела, то не смогла бы отпустить меч. Через некоторое время картинки стали меняться медленней, так что я могла их понять. Я поняла, что наблюдала исторические битвы.

Различные места, различное время, различные враги. Одежда, оружие, вооружение, люди. Они изменялись и становились с каждой битвой современной.

Но одно оставалось одинаковым на картинах –

мечом всегда размахивала женщина. Снова и снова мелькало ее лицо перед моим внутренним взором, слишком быстро, чтобы следовать за картинами.

Но я чувствовала их, чувствовала все вещи, которые они чувствовали, пока размахивали мечом. Гордость.

Сила. Страх. Ярость. И снова и снова глубокое чувство долга и чести.

Были и пробелы, время, в которое меч вообще не был виден и речь шла о женщинах.

Рождались одна за другой, вырастали, рождали собственных дочерей, становились старыми и наконец, умирали.

Картинки прыгали от одной к другой, и у меня было чувство, что это длинная, нескончаемая цепочка женщин, которая двигалась назад во времени, когда Боги бродили по земле.

Среди лиц я увидела родное лицо бабушки Фрост.

Ее черты лица вспыхнули на мгновение перед моим взором, прежде чем оно сменилось другим лицом, лицом моей мамы.

– Мама? – прошептала я.

Грейс Фрост улыбнулась мне и открыла рот, как будто она хотела что-то сказать.

– Мама! – я протянула к ней руку, как будто я могла прикоснуться к ней в видении.

Тогда я почувствовала, как я чувствовала, чувствовала, чувствовала...

С тяжелым вздохом я раскрыла глаза и установила, что стояла посреди библиотеки древностей, на месте, где находилась витрина с Чашей Слез.

Я все еще держала меч в руках. Я сразу же обернулась в поисках других.

Их не было там.

Не было Жасмин, которая пыталась убить меня. Ни Морган, которая лежала на столе и смотрела в никуда. Ни Логана, который боролся против Немейского Охотника. В библиотеке была только я, одна.

– Эй? – крикнула я. – Здесь... здесь кто-нибудь есть?

Мой голос прозвенел в библиотеке запуганным, тихим звуком, который надолго повис в воздухе...

– Привет, Гвендолин, – прошептал мягкий голос.

Я подавила крик и развернулась. Позади меня, прямо перед закрытой дверью стояла женщина. На первый взгляд ничего особенного.

Среднего роста, худая, но мускулистая. Ее волосы мягкими коричневыми локонами падали на плечи и, кажется, светились металлическим бронзовым тоном.

На ней был предмет одежды, который мне напоминала тогу, длинная, текущие тканевые полосы в сиреновом тоне. Серебряный пояс обвивался вокруг ее бедра, какие-то серебряные растения лежали короной вокруг ее головы.

Лавры, подумала я и задалась на мгновение вопросом, откуда я это знала.

Но чем дольше я смотрела на нее, тем мне становилось яснее, что она была попросту самой прекрасной женщиной, которую я когда-либо видела.

Не потому что ее черты лица были так прекрасны, а так как она обладала аурой, которая излучала чувство присутствия мира, невозмутимости и вечности.

По какой-то причине это утешало меня, даже теперь, когда я собственно должна вопить из-за всех странностей за последний час.

За последнюю проклятую минуту.

Женщина подошла ближе, и ее тога омывала ее тело как вода. Впервые мне бросилось в глаза, что у нее два мягких, пернатых крыла за спиной, которые выглядели именно так, как я всегда представляла себе крылья ангела.

Я умерла? Это свое рода Царство Небесное?

Крылатая женщина остановилась передо мной и смотрела на меня глазами, которые были ни серыми и не пурпурными, а мягким оттенком сумерек.

– Кто ты? – прошептала я.

Она наклонила голову и улыбнулась.

– Я думаю, что ты знаешь.

Внезапно я поняла это фактически. Знания наполнили мой мозг. Я видела ее изображение в моей книге по истории мифов и слышала как профессор Метис рассказывала о ней.

Даже здесь в библиотеке я видела ее статую. Я посмотрела на место на втором этаже, на котором стояли статуи, но она исчезла. Вероятно, потому что я видела ее как раз перед собой.

– Ты – Ника, греческая Богиня Победы, – сказала я слабым голосом.

Она кивнула.

– Правильно. А ты – Гвендолин Фрост, дочь Грейс Фрост, внучка Геральдины Фрост и так далее.

– Ты знаешь мою маму? И мою бабушку?

Таинственная улыбка растянулась на лице Ники.

– Я знаю всех твоих предков, Гвендолин. Женщины из твоей семьи служили мне с начала времен.

Хорошо, я чувствовала себя, как будто моя голова может взорваться в любой момент. Я имею в виду, я стояла здесь и беседовала с Богиней.

Настоящей Богиней. И не просто с какой-то Богиней, а Никой, супер-женщиной, которая победила Локи и сохранила мир от разрушения.

И она знала меня и всю мою семью. Да, мой мозг определенно взорвался бы в моем черепе.

– Эм... Я должна поклониться или что-то такое? – спросила я, чувствуя себя, как будто рядом со мной стояла совершенно другая личность. – Я не особенно внимательно слушала на уроках истории мифов, поэтому я не знаю, как правильно разговаривать с Богиней. Мне очень жаль.

Улыбка Ники стала шире.

– Нет, Гвендолин, ты не должна преклоняться передо мной.

Но нам нужно обсудить пару вещей.

– Каких, например?

Она кивнула в направлении меча в моей руке.

– Как, например его.

Я заметила, что все еще держу меч в руке. Единственный пурпурно-серый глаз скептически наблюдал за мной.

– Я не уверен, Богиня, – сказал меч. – Она выглядит не очень-то многообещающе.

Я почувствовала, как холодный, металлический рот двигался под моей ладонью. Было щекотно. Я завизжала и выронила меч, так что оружие, дребезжа, упало на пол.

– О, проклятье, – прорычал меч, лицо которого было на мраморном полу. – Она не может даже держать меня нормально.

– Это Вик, – сказала Богиня. Она наклонилась вперед и подняла оружие. Потерла лезвие около рукоятки. – Он поможет тебе в том, чтобы ты справилась с тем, что грядет. Опасности, которые ожидают мир.

Опасности? Это было не таким уж заманчивым.

Еще минуту назад я находилась в большой опасности, где Жасмин пыталась убить меня и так далее.

Вик прямо-таки сиял под мягким прикосновением Богини, как будто он был дорогим домашним любимцем, которому она дарила всю свою любовь и внимание.

– Ты знаешь о Хаосе, или, Гвендолин? – спросила мягко Ника. – О Локи и его Жнецах?

Я кивнула.

– Итак, Локи очень близок к тому, чтобы вернуться в наш мир, в мир смертных, как все думают. Его тюрьма слабеет, и его сторонники становятся сильнее с каждым днем. И в этот момент тыходишь в игру, Гвендолин. Ты поможешь мне в борьбе со Жнецами и удержании Локи от того, чтобы он погрузил мир во вторую Войну Хаоса.

– Я? – пропищала я.

Ника кивнула.

– Ты, Гвендолин Фрост. Тысячи лет женщины твоей семьи служили мне. Они были моими чемпионами, помогали мне сохранять порядок, держать равновесие между добром и злом, между победой и поражением.

Я вспомнила о том, что Дафна сказала о чемпионах, что они были людьми, которых выбрали Боги. Чтобы помогать другим.

Чтобы быть героями.

Я снова подумала о картинах, которые сейчас видела, со всеми этими женщинами и вся эта борьба на протяжении столетий. Я была частью этого?

Это казалось просто невозможным, казалось неправильным и еще менее реальным. Конечно, бабушка Фрост была самой сильной личностью, которую я знала, и моя мама перед смертью была такой же. Но я? Скорее нет.

Я не смогла даже найти друзей в Академии, и я не была хорошим бойцом как другие ученики.

– Почему я? – спросила я. – Я не такая как другие. Я – Никто.

Я скривила лицо, когда повторила слова, которые Жасмин говорила еще некоторое время назад в библиотеке. В настоящей библиотеке. Или, вероятно, сейчас была настоящая библиотека? Голова окончательно разболелась.

– Ты – не Никто, – объяснила Ника остро. – Ты – Гвендолин Фрост, и ты – мой Чемпион.

Широко раскрытыми глазами я осматривала ее и спрашивала себя, что я сделала, чтобы она так разозлилась. Через некоторое время черты лица Богини снова смягчились.

– Когда все проигнорировали смерть Жасмин, ты была единственной, кого она заинтересовала, Гвендолин, – сказала она серьезно, как будто бы это было важно.

– Но я, же ничего не сделала, – возразила я. – не совсем. По крайней мере, ничего важного. Я только порыскала и последила за людьми, а также использовала свой дар, чтобы вызвать видения. Но это было ничего, что не сделал бы кто-нибудь другой.

– Это правда, – согласилась Ника. – Но хотя бы попытаться было достаточно для тебя. Это чего-то стоит. Также как в тот раз, когда ты рассказала своей маме, что эту девочку домогается монстр.

– И это ты тоже видела? – прошептала я.

Она кивнула.

– Я вижу много вещей, но четче всего я вижу силу и доброту в твоём сердце. Все же я не могу принудить тебя к чему-нибудь, чего ты не хочешь делать, Гвендолин.

Это твое решение.

Я стояла там и размышляла над этим. Я не чувствовала, что я была чемпионом. Но кем еще я могла быть, если могла разговаривать с Богиней?

Особенно с Богиней Победы? Все равно я не хотела слепо соглашаться на что-то.

– Что произойдет, если я скажу "нет"? – спросила я. – Я имею в виду, сейчас в библиотеке?

– Ты имеешь в виду парня Спартанца? – спросила Ника.

– Ну, он, конечно, умрет, – рявкнул Вик-меч и посмотрел на меня единственным глазом. – Если его не убьет Охотник, это определенно завершит Валькирия.

Что ты думаешь, будет происходить?

Грусть наполнила меня, мои колени дрожали. Логан. Я медленно подошла к одному из столов

и прислонилась к нему.

– Это не была бы твоя ошибка, Гвендолин, – сказала Ника. – Спартанец самостоятельно принял решение прийти в библиотеку. Это то, что ему уготовано.

Что ему уготовано? Что это значит? Что с самого начала судьба была predetermined или что-то в этом роде?

Я задалась вопросом, знала ли Богиня, что со мной все это должно было произойти, но решила не проверять.

Теперь, так как я знала, что Логан иначе умер бы, решение для меня было однозначным. Определенно, я могла быть все еще обиженной на него... из-за всего произошедшего.

Но он побежал за мной сегодня вечером, последовал за мной по каким-то причинам в библиотеку. Я не могла проигнорировать ни это, ни чувства, которые он вызывал во мне.

Я... просто не могла.

– Договорились, – объяснила я. – Я буду твоим чемпионом, Ника.

Улыбка растянулась на прекрасном лице Богини, и крылья на ее спине вздрагивали. – Тогда вытяни руки, Гвендолин Фрост, и прими подарок, который я могу тебе дать.

Я сделала то, о чем она меня попросила. Ника вложила мне Вика, меч, в руки. Оружие смотрело на меня единственным взглядом.

– Итак, хорошо, – сказал Вик дружелюбным голосом. – Можем мы теперь пойти и убить кого-нибудь?

– Эм, честно говоря, я не знаю, как убивать.

– Она даже не знает, как правильно убивать?

Что за девчонке ты меня передала, Богиня? – протестовал Вик и направил свой глаз снова на Нику.

Ника улыбнулась.

– Вик немного кровожаден.

Ты привыкнешь к этому.

В этом я как-то сомневалась.

Ника еще раз посмотрела на меня, затем она сделала что-то очень странное. Она наклонилась вперед и поцеловала меня в щеку.

Я сразу почувствовала, как холодная сила распространилась во мне, как будто моя кровь превращалась в лед.

Я вооружилась и ждала того, что во мне что-то вспыхнет, хотя у меня не было никаких чувств, от контакта с Богиней.

Но затем ледяное чувство снова исчезло, и я не воспринимала никаких колебаний от нее.

Все равно я чувствовала себя как-то по-другому, как будто что-то во мне переместилось на новое место.

Как будто кто-то переключил выключатель. Я выдохнула, и мое дыхание образовало облако пара у рта, хотя мне совершенно не было холодно.

Ника вытянула руки и положила на мои. Я пристально смотрела ей в глаза, которые не были ни пурпурными и ни серыми, а вместо этого цвета сумерек.

И снова я почувствовала, как власть в ее взгляде сковала меня. Холодная, жестокая власть, но все же не неприятная.

– Теперь иди, – сказала Ника. – Спаси Спартанца.

Я посмотрела вверх на нее.

– Но как я должна это сделать? Я ведь даже не знаю, как сражаться...

Богиня улыбнулась мне и отступила назад.

Ее тело сверкало и таяло как сумерки, когда они уступают место ночи или приближающемуся дню.

– Подожди! – крикнула я. – Скажи мне, что я должна делать...

Но Ника уже исчезла и забрала знания с собой.

Задыхаясь, я вернулась снова в реальность. Я стояла на том самом месте, где и раньше, прямо перед витриной, в которой лежал меч, который я все еще держала в руках.

– Можем мы, наконец, кого-нибудь убить? – повторил Вик слегка ноющим тоном, и мне бросилось в глаза, что у него действительно прекрасный британский акцент. – Уже так долго я не пробовал крови. Я голоден.

Я побледнела и не только потому, что ощущение движений рта под моей ладонью было жутким.

– Тебе, в самом деле, нравится вкус крови...

Резкий свист за моей спиной заставил меня отскочить в сторону. Меч врезался в витрину, разрубив ее пополам, из-за чего вокруг меня полетели куски дерева и осколки.

Я поднялась на ноги только для того, чтобы удостовериться, что Жасмин снова повернулась ко мне с поднятым мечом.

Увидев оружие в моих руках, Жасмин криво ухмыльнулась.

– Эта зубочистка не спасет тебя, цыганка.

– Зубочистка? – возмущенно проворчал Вик. – Она только что назвала меня проклятой зубочисткой? Убей ее! Убей ее сейчас же!

– Если у тебя есть какие-то предложения, как мне это сделать, тогда я охотно их выслушаю, – рявкнула я и подняла Вика. – Так как я действительно не очень хороша в спортивных заданиях.

– О, фантастично, – пробормотал Вик. – Просто замечательно. Богиня вручила меня придурковатой пацифистке...

Я указала бы ему на то, что я не была пацифисткой, а просто полностью нескоординированной, но Жасмин снова бросилась на меня, и ее клинок был лишь серебряной тенью.

Блокировать, блокировать, блокировать. Большого я не могла, надо было удержать ее от того, чтобы порубить меня на части в ее диком нападении. Все равно

Валькирия была сильнее меня и после каждого удара мне казалось, что я работаю с молотом. Чистая ярость атаки сотрясла все мое тело, и мне было тяжело оставаться на ногах.

Разочарованно я пыталась вспомнить обо всех тех вещах, которые я должна была выучить на физкультуре. Я старалась размахивать мечом и ставить ноги так, как показывал нам тренер Эйджекс.

Но как бы я ни старалась, я не могла атаковать Жасмин. Я не смогла нанести ей своим мечом даже царапину. Но была уже довольно тем, что, по крайней мере, не давала ей убить себя.

На уроках физкультуры я наблюдала достаточно боев, чтобы знать, что Жасмин скоро, очень скоро вонзит свой меч мне в сердце, если я не предприму нечто неординарное.

Я посмотрела в ее лицо, рассмотрела ее глаза, пытаюсь разгадать, что она планировала дальше, как она хотела атаковать меня в следующий момент.

Ее когда-то синие глаза были все еще красными, такими же, как глаза Охотника. Или цвет стал ярче с тех пор, как она атаковала меня. Выглядело, как будто бы ее глазницы были залиты кровью.

Розовые губы Жасмин растянулись в рычании, но на ее лице я заметила определенную пустоту, что-то вроде невыразительного выражения лица, которое было у Морган.

Это было, как будто части Жасмин больше не было здесь, как будто кто-то или что-то вне ее тела владел ею и заставлял ее действовать так, давая ей власть убить меня.

Я могла бы поспорить, что это было связано с Чашей Слез.

Жасмин снова приготовилась, и я отступала до тех пор, пока я находилась в поле досягаемости.

Она поскользнулась на книге, которая упала с полки во время нашей борьбы, и я использовала шанс, чтобы оббежать ее и бросилась в центр библиотеки.

– Что ты делаешь? – спросил Вик. – Почему ты убегаешь? Борьба осталась там позади.

– Закрой рот, Вик! – закричала я, перекрикивая шум в ушах, пока мои ноги бежали по холодному мраморному полу. – Или ты хочешь провести следующие десять-двадцать лет в этой витрине.

Вик закрыл рот.

Я, скользя, остановилась перед Морган, которая все еще лежала на столе и пристально смотрела в пустоту.

Между тем кровь в Чаше Слез кипела у самых краев и была похожа на багровый вулкан незадолго до начала.

Что бы то ни было дальше, ничего хорошего не будет. Я не могла победить Жасмин, но я могла... эту злую... вещь... разрушить.

– Определенно сорвется, – пробормотала я и подняла Вика прямо над головой.

Жасмин оббежала вокруг книжной полки все еще с мечом в руках. Когда она увидела, что я запланировала, она застыла.

– Нет! – накричала она. – Нет!

Слишком поздно. Я опустила меч так твердо, как только могла на Чашу Слез.

В следующую секунду, когда лезвие коснулось Чаши, крик наполнил библиотеку, такой громкий и высокий, полный боли, что кажется, воздух разорвался на куски.

Багровый свет разлился из Чаши, настолько яркий, что мне пришлось отвести взгляд.

Я не совсем уверена, что происходило дальше. Свет продолжал гореть, голос кричал, и волна горячего воздуха, обдавшая меня, была такой горячей, что у меня было чувство, что вся кожа должна была отделиться от тела.

Но по какой-то причине меч в моей руке оставался холодным. Я схватила Вика крепче и подняла клинок вверх, как будто он мог меня защитить от интенсивного света и жара.

Каким-то образом это даже сработало.

Едва я подняла меч, свет и жара ослабели, как будто оружие превратилось во что-то вроде щита. Я отступила на несколько шагов и заставила себя открыть глаза и посмотреть на то, что как раз происходило.

Вибрирующее, кроваво-красное облако из... из... магии повисло прямо на середине библиотеки над Чашей Слез. Облако поднялось, как будто оно пыталась ускользнуть, но я могла видеть, что оно скорее напоминало торнадо.

Оно вращалось все быстрее и быстрее и всасывало все в себя. Как Джин, которого принуждают вернуться назад в бутылку, хочет он того или нет.

Незадолго до того как последние остатки магии всосались обратно в Чашу Слез, показалась огромная пара глаз и медленно повернулась. Их взгляд был направлен непосредственно на меня, они сузились до злобных щелей, и волна чувств встретила меня, ужасная ярость и глубокая пропасть ненависти и злобы. Я закричала и, спотыкаясь, отступила назад.

Глаза смотрели на меня некоторое время, до того как они и остаток магии исчезли в Чаше.

У меня пробежала дрожь по спине, так как я знала, просто знала, что эти глаза были реальными. То, что они принадлежали кому-то, кто действительно смотрел на меня. Кто ненавидел меня. Кто хотел видеть меня мертвой больше чем всех остальных.

"Локи" – прошептал голос в моем затылке. Темный Бог может быть, и заперт в тюрьме, но каким-то образом сегодня ночью Локи умудрился заглянуть в библиотеку, и я ощутила насколько он хотел уничтожить меня.

Это снова встряхнуло меня.

Магическое облако исчезло. Также как и кроваво-красный свет. Крики, шум, магия, все. Все исчезло, и библиотека погрузилась в тишину.

Затем Чаша Слез соскользнула с груди Морган, упала на мраморный пол и разбилась на тысячу кусочков.

Глава двадцать третья

Осколки Чаши Слез изменили цвет на черный, высохли и начали исчезать, также как Немецкий Охотник у библиотеки, после того как Логан убил его... Логан.

Я развернулась, но Спартанца нигде не было видно. Вместо этого я увидела Жасмин, которая снова неслась на меня с мечом.

– Ты все разрушила! – визжала она.

– Мою месть, мою жертву для Локи, все!

Валькирия бросилась ко мне, и я отступила. Только на этот раз я оступилась на книге.

Я сильно ударилась об пол. Вик-меч выпал из рук и заскользил по холодному мрамору.

– Проклятье, не могу даже поверить, что она снова уронила меня, – услышала я его бормотание.

На четвереньках я ползла за оружием, но он отскользнул дальше.

Наконец он остался лежать, и я увидела, как Вик разочарованно уставился на меня.

Я как раз протянула руку к мечу, когда два черных сапога появились в моем поле зрения. О-о. Я посмотрела вверх и увидела над собой Жасмину.

– Время умирать, цыганка, – пробормотала она и подняла свой меч, готовая опустить лезвие мне на голову и действительно убить меня на этот раз...

Копье пролетело по воздуху и воткнулось прямо в центр груди. Рот Валькирии к удивлению образовал идеальную букву "О", и ужас отобразился в ее глазах.

Меч выскользнул из пальцев, и она споткнулась о стол позади нее, на котором лежала Морган. Жасмин посмотрела на меня, ее прекрасное лицо было наполнено болью и недоверием, затем она опустилась на пол.

Смерть. На этот раз я знала, что густая красная кровь, которая собиралась в лужи на полу под ней была реальна.

Это было ужасно.

– Вот так это должно быть, – весело просвистел Вик.

– Заткнись, Вик, – прошептала я.

Я подняла меч, встала на ноги и развернулась.

Позади меня стоял Логан Куин.

Глубокие, ужасные, красные полосы растянулись на его щеке, где когти Немейского Охотника впились в его лицо, и его черный пиджак от смокинга и бывшая рубашка были порваны на лоскуты и висели на теле.

Очередные царапины покрывали его грудь, и я видела, как кровь капает из ран.

Спартанец все еще держал в руках щит, несмотря на то, что Охотник разорвал серебряную окантовку на две половины.

Вопреки его ранам в ледяных синих глазах Логана светилась гордость.

В этот момент он был самым прекрасным из всех, кого я когда-либо видела.

Я побежала к нему и расставила руки.

Я хотела его обнять, поцеловать и прикоснуться, но затем вспомнила о том, что не могла этого сделать. Что мой цыганский дар, моя психометрия не позволит мне.

Не без того, чтобы я увидела видения.

Не без того, чтобы я увидела, что именно произошло только что между ним и Охотником.

Не без того, чтобы узнать тайны Логана. И я не хотела этого. Не сейчас, не так.

Я остановилась, руки все еще были расставлены. Затем я медленно начала опускать их.

– С тобой все в порядке? – прошептала я. – Где Охотник?

– Он мертв. Труп лежит за полками. Он не исчез, потому что на этот раз он реальный, а не просто иллюзия, – Логан прикоснулся пальцами к кровавым ранам на своей щеке и скривил лицо. – Ну, так как я еще жив, а Жасмин и Охотник нет, я бы сказал, что со мной все в порядке. А с тобой?

Я пожала плечами. В любом случае я не могла рассказать все эти сумасшедшие вещи, которые произошли в библиотеке сегодня вечером, или о том, что я чувствовала, особенно когда смотрела в его глаза.

– Спасибо, – тихо сказала я. – Я не знаю, как ты меня нашел и почему, но спасибо. Если бы ты не появился, Жасмин и ее Охотник убили бы меня.

Он одарил меня косой улыбкой, которая позаботилась о том, чтобы мое сердце забилося быстрее.

– Я просто не мог позволить тебе сбежать с бала в обиду на меня, или?

– Но... но почему ты вообще последовал за мной? – спросила я и все время смотрела прямо ему в глаза.

Логан посмотрел на меня. Затем сделал глубокий вздох.

– Потому что я...

– Что здесь происходит, – прокричал резкий голос.

Испуганно я поворачивала голову, пока не увидела двойную дверь в задней части библиотеки. Одновременно с этим я подняла меч.

К моему удивлению она снова стояла открытой, и три человека толпились в дверном проходе – профессор Метис, тренер Эйджекс и Найкмедс.

Позади них я заметила Дафну и Карсона, которые пытались бросить взгляд во внутреннюю часть библиотеки.

Найкмедс вошел в библиотеку и подошел ко мне. Его лицо было еще бледнее, чем раньше, а его рот был открыт от ужаса.

Библиотекарь имел полное право быть растерянным. Выглядело так, как будто там взорвалась бомба.

Тысячи книг лежали, разбросанные на мраморном полу, дюжины полок упали, столы и стулья были перевернуты, а также над ними поработал Немейский Охотник, и это были повреждения, которые могла видеть я с места, где стояла.

К тому же был еще бестселлер – Жасмин Эштон, которая лежала рядом с одним из столов и пристально смотрела в потолок пустым взглядом, в то время как копье Логана возвышалось над ее грудью, а ее кровь покрыла пол вокруг нее.

Непосредственно над ней лежала Морган МакДугал как коматозная принцесса из сказки, которая ждала, чтобы ее сказочный принц, наконец, пришел и разбудил ее поцелуем.

Я вытянула лицо. Это было бы не очень приятно.

Найкмедс повернулся ко мне и обвиняюще показал на меня пальцем.

– Что ты сделала с моей библиотекой, Гвендолин?

Затем была масса всего, что нужно было объяснить. Действительно много. Я рассказала профессору Метис и другим, что я знала о плане Жасмин контролировать Морган при помощи Чаши Слез.

Как Жасмин хотела отомстить своей легкомысленной подруге, так как та спала с Сэмсоном. То, что Жасмин утверждала, что она и вся ее семья – Жнецы, которые служили Локи.

Но я не рассказала им, что видела Нику и что Богиня рассказала мне, я – ее Чемпион. Я все еще не была уверена, что я должна была скрывать,

или что вообще было реальным, а не просто игрой воображения.

В какой-то момент Морган очнулась от своего транса, в который ее погрузила Жасмин.

Валькирия моргнула, села, посмотрела на нас и захотела узнать, что здесь произошло и кто

именно украл ее корону принцессы бала, испачкал ее дизайнерскую одежду и поцарапал ее лицо. Тренер Эйджекс отвел ее в сторону, чтобы попытаться объяснить ей положение вещей.

Все равно Валькирия выглядела еще довольно запутанной. Так же как и я чувствовала себя.

В то время пока все сильно беспокоились за Морган, я показала профессору Метис меч, который я взяла из витрины в задней части библиотеки.

Меч, который передала мне Ника в моем видении или во сне. В какой-то момент во время всей этой суеты Вик снова закрыл глаз и больше не открывал его, все равно что бы я ни делала или говорила, или умоляла его, чтобы он показал Метис, что он, в самом деле, обладал собственной жизнью.

– Все хорошо, Гвен, – сказала профессор Метис, пока она смотрела на меч со странным

выражением лица. – Я верю тебе.

Я посмотрела на место, где был обозначен закрытый глаз Вика.

– Итак, что вы хотите с ним сделать? Хотите ли вы его забрать и снова положить в витрину для артефактов?

Метис покачала головой.

– Нет, я думаю, что ты должна владеть мечом, Гвен.

По крайней мере, какое-то время. У нас сегодня ночью еще куча работы, и он мог бы пропасть в неразберихе. Мы поговорим позже об этом, хорошо?

Я пожала плечами, предполагая, что вполне могла бы сохранить Вика.

Даже если это немного странно, что меч мог смотреть на меня и говорить со мной.

– Я считаю, что ты была очень мужественная сегодня, Гвен, – продолжала Метис. Ее зеленые глаза казались теплыми и дружелюбными. – Потому что пыталась спасти Морган. Твоя мама очень бы гордилась тобой.

Я нахмурила лоб и снова задалась вопросом, почему Метис говорила так осведомленно, когда говорила о моей маме.

Но тогда я поняла, как во время первого прикосновения к мечу я увидела лицо моей мамы, и как она улыбалась мне.

Мое горло сжалось, и я только кинула. Я была убеждена в том, что моя мама гордилась бы мной. И это сделало меня счастливой, как уже давно ничего другого.

Метис улыбнулась мне еще раз, затем пошла к Эйджексу и все еще ничего не понимающему Найкмедсу.

Они наклонили головы друг к другу и говорили о том, кому им нужно позвонить, сколько понадобится времени, чтобы устранить Хаос в библиотеке, и что им \делать с трупом Жасмин на этот раз. Я спрашивала себя, положат ли они тело в морг.

Жасмин утверждала, что они сделали это с трупом, трупом-иллюзией, которым она запутала нас.

Через полчаса я стояла в стороне, пока пара мужчин в темных комбинезонах убрали тело Жасмин в черный мешок и закрывали его. Мне было жаль Валькирию, несмотря на то, что она пыталась убить меня.

Ее лучшая подруга предала ее, а друг обманул.

Она симулировала свою собственную смерть, чтобы вызвать у них чувство вины, но план пошел не так, как она хотела, и она поняла, как мало значила для них на самом деле.

Как мало значила для всех. Поэтому Жасмин решила заставить подругу заплатить за все, особенно за ее раненные чувства.

Жасмин Эштон была самой богатой и популярной девушкой на нашем потоке, и у нее было все, что можно было желать – кроме настоящих друзей.

Что касается друзей, я была абсолютно уверена, что у меня, по крайней мере, было несколько, хотя мои чувства к Логану уже перешли черту дружбы и превратились в кое-что другое.

Спартанец стоял в нескольких шагах от меня и разговаривал с Дафной и Карсоном о произошедшем вечером.

Профессор Метис тоже была там и осматривала раны Логана. Она взяла его руки в свои и смотрела Спартанцу в глаза.

Я смотрела, как безобразные царапины на лице медленно затягивались, пока не стало казаться, что их там никогда не было.

Тоже самое произошло с глубокими, кровавыми ранами на груди. Метис рассказывала про свою магию, благодаря которой она могла лечить людей. Это выглядело так, как будто Логан восстановился за пару минут.

Но я все еще не была готова присоединиться к ним. У меня было какое-то чувство, что я должна немного дольше побыть с Жасмин.

Некоторое время спустя Дафна тихо сказала что-то другим, прежде чем подойти ко мне.

Валькирия остановилась рядом со мной с невыразительным выражением лица, и мы вместе наблюдали, как один из мужчин начал убирать кровь Жасмин с пола библиотеки.

– Мне очень жаль, – сказала я. – Я знаю, что вы были друзьями.

Дафна пожала плечами.

– Возможно. Возможно и нет. Я не думаю, что вообще знала Жасмин. Я никогда не думала, что она была способна на что-то подобное.

Мне стало интересно, знал ли кто-нибудь в Академии, какой в действительности была Жасмин

или заденет ли вообще кого-нибудь на этот раз, что она умерла.

– Это не твоя вина, ты же знаешь, – сказала Дафна тихо. – Жасмин сделала свой выбор, как она всегда делала. Она хотела отомстить Морган, и решила стать Жнецом, чтобы завладеть ее волей. Ты и Логан только защищались. Так происходит здесь в Академии. Люди приходят, люди уходят и иногда они умирают.

– Возможно, – ответила я. – Но Морган и Сэмсон разбили ей сердце и ввали ей прямо в глаза. Они думали, что это забавно, что это что-то вроде игры, посмеяться над Жасмин за ее спиной.

Итак, мне все равно ее жаль, понимаешь?

– Да, – сказала Дафна. – Я понимаю.

Пару минут мы молчали.

– Итак, – произнесла затем Дафна. – Бал еще в самом разгаре, но Карсон, Логан и я идем сейчас в комнату Карсона. У него есть вино Диониса, которое отец прислал ему из Напы.

Я подняла бровь.

– У музыкального чудака есть алкоголь?

Дафна улыбнулась.

– Кто бы мог подумать?

Кажется, есть еще куча вещей, которые я не знаю о Карсоне. Но сейчас, благодаря тебе, я выясню это. Итак, ты идешь с нами или как?

– Конечно, – сказала я. – Дай мне еще минутку.

Дафна кивнула и пошла назад к Карсону и Логану. Метис закончила с исцелением Логана, и три ученика попрощавшись с профессором, пошли в сторону двери и покинули библиотеку.

Метис смотрела им вслед еще некоторое время, прежде чем снова вернуться к Эйджексу, который все еще пытался утешить Найкмедса из-за беспорядка в библиотеке.

Никто не заметил, как я проскользнула в заднюю часть библиотеки, в место, у которого я стояла с мечом.

Я быстро осмотрела остатки стекла и древесины, прежде чем медленно подняла голову.

Там стояла она, в галерее на втором этаже, который был украшен статуями всех Богов и Богинь. Статуя Ники находилась прямо над разбитой витриной, как будто она наблюдала за мной все это время.

Вероятно, она даже делала это. Мысль об этом утешила меня, что раньше удавалось сделать только объятиям бабушки Фрост.

Ника выглядела так же как в моем видении.

Длинная, ниспадающая тога омывала ее тело, за спиной поднимались крылья, и холодная, пугающая красота наполняла ее лицо.

Я не знаю, почему я никогда раньше не замечала, что она стояла там наверху. Вероятно, я просто не смотрела вверх. Возможно, я просто не была готова.

– Хм, – откашлялся голос.

Я посмотрела вниз на меч в моих руках. Я совершенно забыла, что я все еще крепко сжимала оружие в руках.

Это было странно, но клинок ощущался странно, как будто он был естественным продолжением моей руки. Практически частью меня самой.

Вик снова открыл свой сумеречный взгляд и сконцентрировано смотрел на меня. Ну да, так сконцентрировано насколько это возможно только одним глазом.

– Ты держалась сегодня достаточно хорошо для полной неумехи, – сказал меч, и его рот защекотал мою ладонь. – Ты срочно должна попросить своего друга Спартанца показать тебе некоторые приемы.

Так как он потенциально настоящий воин.

– Позже, Вик, – сказала я. – Не сейчас, позже.

Он, кажется, кивнул.

– Тогда, если ты позволишь, я бы немного подремлю. Все это волнение истощало меня. Я больше не так молод, как раньше, ты знаешь.

– Конечно, – сказала я дружелюбно. – Дремли Вик. Обо всем остальном мы поговорим позже.

Едва я закончила говорить, а его глаза были уже закрыты. Вероятно, я только вообразила это, но казалось, что рот Вика под моей рукой вытянулся в ухмылку.

Я как раз хотела опустить меч и покинуть библиотеку, когда что-то сверкнуло на лезвии, прямо рядом с лицом Вика и остатком рукоятки.

Я поднесла оружие к свету и вертела его туда-сюда, чтобы получше рассмотреть, что привлекло мое внимание.

Это были символы, которые я уже видела однажды на клинке, мягкие буквы, которые я не могла распознать.

Теперь они пылали холодным, серебряным огнем, и впервые я смогла прочитать слова, которые были выцарапаны на лезвии меча "Semper Viktor", "Всегда побеждающий".

Конечно. Ника была греческой Богиней Победы, и это был ее меч.

И теперь он принадлежал мне. Богиня сама дала его мне, чтобы помочь мне стать ее Чемпионом.

Я могла только надеяться, что я отдам должное Вику и странному, непоколебимому доверию, которым Ника наградила меня.

Глава двадцать четвертая

Произошедшее в библиотеке древностей вечером большого бала стало главной темой разговоров в школе на всю следующую неделю.

Но не так, как я того ждала.

Несмотря на то, что Морган МакДугал не могла, по-видимому, ничего вспомнить, она умудрилась пожинать славу. Сказала, что уничтожила план Жасмин, разрушила Чашу Слез и убила Немецкого Охотника.

Выглядело так, как будто Логана и меня даже не было там и она одна спасла Академию от судьбы, которая была хуже смерти.

Не все ученики поверили ей, и таким образом дикие слухи распространялись так быстро, как они успевали набирать сообщения.

Им хватило теории, что группа Жнецов спрятала магическую бомбу на кампусе, о сумасшедших ритуалах пьяных учениках и истории, что Жасмин восстала из мертвых и разорила библиотеку, так как была расстроена, что не стала принцессой бала до своей смерти.

Этот последний слух был намного правдивее, чем все думали.

На время неразберихи я просто втягивала голову в плечи. Что-то подсказывало мне, что это было лучше, лучше если как можно меньше людей будет знать, что я раскрыла все эти вещи.

Я все еще слишком ясно помню светящиеся красные глаза в магическом облаке, появившиеся когда я разрушила Чашу Слез. Как глаза были направлены на меня, и я видела в них ненависть, ярость и гнев.

Я помнила, как Жасмин сказала, что она Жнец и в Академии есть и другие.

Другие ученики и профессора, которые служили Локи, которые хотели бы освободить его из тюрьмы и вернуть Бога в мир смертных, чтобы он мог возобновить Войну Хаоса.

И Ника ждала, что я могла каким-то образом помочь это остановить.

Вопреки моему неприятному чувству жизнь возвращалась в нормальное русло. Я ходила на занятия и отработывала обычные смены в библиотеке.

Собственно я отработывала даже двойные смены, потому что Найкмедс решил возложить ответственность на меня за разрушение его бесценной библиотеки, и поэтому меня нужно было наказать, чтобы я убрала все снизу доверху.

Если раньше я думала, что Найкмедс недолюбливал меня... теперь он ненавидел меня. И так, да, в моем мире все снова было нормально.

Еще тем же самым вечером после происшествия в библиотеке я позвонила бабушке Фрост и рассказала, что произошло.

Она сразу же захотела приехать в школу и побыть со мной, но я сказала ей, что все было в порядке.

По правде, мне просто нужно было немного времени, чтобы подумать о многих вещах.

Наконец, пару дней спустя, мне удалось надолго отделаться от Найкмедса и сбежать со школьной территории и навестить ее.

– Ты знала об этом все это время? – спросила я бабушку Фрост, когда мы ели на кухне липкие, безбожно сладкие шоколадные пироги с глазурью. – То, что мы наследники длинного рода принцесс-воительниц, которые служат по-настоящему крутой Богине.

– Принцессы-воительницы? Вы так теперь это называете? – бабушка Фрост улыбнулась и взяла еще одну штуку. Ее красочные шали колыхались при движении.

Она как раз закончила с предсказанием для клиента, так что она носила обычную цыганскую одежду.

Я закатила глаза.

– Давай уже, ты знаешь, что я имею в виду.

– Конечно я знала это. Это делает нас цыганками, Гвен.

Я нахмурила лоб.

– Почему мы – цыгане, если мы – принцессы-воительницы? Этого ты мне еще не сказала.

Бабушка посмотрела на меня серьезным лицом.

– Гвен, почему ты думаешь, что мы можем делать вещи, которые мы можем? Почему ты думаешь, я могу видеть будущее или ты прикасаешься к вещам и затем знаешь все о них? Откуда, ты думаешь, исходит эта сила?

Я открыла рот, но не находила ответа. Поэтому просто пожала плечами.

– Мы можем делать эти вещи и остальное, потому что Ника наделила нас силой. Давно, когда наш первый предок служил Нике, Богиня вознаградила ее даром смотреть в будущее. Через годы поколений этот дар проявлялся в самых разных формах, как например, в способности твоей матери или в твоей психометрии.

– Но я думала, мы – цыгане, – сказала я. – Не воины.

– Цыгане – это слово для тех, кто благословлен Богами, – ответила бабушка. – Это слово обозначает все, кто обладает особенными даром или способностями, также как и мы. Мы тоже сильны в нашей магии и мы такие же отличные воины как все эти Валькирии, Амазонки и остальные, с которыми ты ходишь в школу.

Итак, Дафна была права. Я была воительницей, только с другим видом магии.

Некоторое время я размышляла над тем, что сейчас сказала бабушка.

– Хорошо, значит Ника подарила нам наш дар. Я думаю, что могу это понять.

Но есть еще огромное количество других Богов и Богинь. Я имею в виду, ты должна увидеть все эти статуи в библиотеке.

Ааа... есть еще другие люди, такие как мы? Другие цыгане? Больше людей, которые получили дар от Ники?

– И да и нет, – бабушка Фрост посмотрела на меня.

– Есть еще много цыган, но каждая семья благословлена только одним Богом или одной Богиней, а это значит, что мы – единственные, кто служит Нике, также как есть только одна семья, которую благословили Афина или Арес, или Один и так далее.

– Ты встречала других цыган? – спросила я.

– Да, – ответила бабушка сухим голосом. – Но не все такие как мы.

– Что ты имеешь в виду?

Она посмотрела на меня своими фиолетовыми глазами.

– Не все из них хорошие, Гвен. Многие ленивы или совершенно не заинтересованы, или используют дар, чтобы достичь богатства и власти.

А большинство – Жнецы.

– Жнецы? Как Жасмин?

Бабушка Фрост кивнула.

– Именно, как Жасмин, или еще ужаснее.

Итак, в мире были другие люди, другие подростки, которые также, как я обладали особенным даром?

И большая их часть – Жнецы Хаоса? От этой мысли мне стало холодно.

– Почему раньше ты не рассказывала мне об этом? – спросила я. – Почему ты никогда не рассказывала, откуда у нас да, и о Жнецах, Цыганах и зачем вообще меня отправили в Академию? Это... упростило бы многое для меня. Сделало бы проще. По крайней мере, я понимала бы это. Я дала бы шанс Академии. Я бы хотя бы поверила в магию.

Я помедлила, так как вспомнила еще кое-что, над чем размышляла последнее время.

– Ты и мама... тоже были в Академии? Вы были ученицами Академии?

Бабушка одарила меня грустной улыбкой.

– Да, были. И поэтому мы решили, что ты не должна туда идти.

– Что ты хочешь этим сказать?

Она вздохнула.

– Мы – часть опаснейшего мира, моя сладкая. Цыгане, Жнецы, Локи. Это единый, большой, связанный узел. Одного без другого быть не может. Но твоя мама и я хотели для тебя лучшего. Мы хотели, чтобы ты могла вести нормальную жизнь. Чтобы ты могла спокойно повзрослеть, и не волноваться постоянно, что Жнецы могли бы попытаться убить тебя.

Я подумала о Дафне, Карсоне, Логане и обо всех в школе.

О том, что для них вся эта сила, Боги и магия были совершенно нормальными вещами, и я вспомнила, как Карсон объяснял мне, что они все потеряли кого-то из-за Жнецов.

Внезапно я стала благодарна маме и бабушке, что они сделали это для меня. За то, что они хранили меня так долго подальше от этого.

– Но затем я схватила расческу Пейдж и испытала магический удар, – произносила я. – Профессор Метис пришла поэтому?

– Отчасти, – фиолетовые глаза бабушки потемнели, и какое-то время она молчала. — Метис считала, что пришло твое время пойти в Академию, где твоя магия наберет силу. Ты должна была научиться лучше ее контролировать, пока она только нарастала. Я больше не такая юная, как раньше, Гвен. Я тоже хотела, чтобы ты пошла в Академию. Там ты в безопасности. По крайней мере, настолько, как там это возможно.

– Что насчет Ники? – спросила я. – Ты и мама служили ей когда-нибудь как Чемпионы?

Бабушка кивнула.

– Да. Ника приходила к каждому из нас, когда считала, что мы готовы и просила нас служить ей.

– Почему ты не рассказывала мне и об этом?

– Потому что это было твое решение, Гвен.

Точно также как твоя мама и я должны были его встретить. Также как и твоя дочь должна будет принять решение, – она вздохнула. – От многих детей в Академии с самого рождения ждут, что они станут великими воинами. Твоя мама и я не хотели просто растить тебя под таким давлением. Мы хотели, чтобы ты сама принимала решения по своему желанию, а не потому что ты испытываешь чувство, что ты обязана придерживаться традиций семьи. Кроме того, быть Чемпионом означает, более или менее, что ты будешь носить большую мишень на спине. Жнецы убивают воинов, конечно, но они попытаются сделать все, чтобы избавиться от Чемпиона.

От ее слов мой желудок сжался.

– Но зачем?

– Потому что Чемпионом всегда является то, кто обладает самой сильной магией, лучшими боевыми навыками и самым смелым сердцем, потому что они могут совершить большинство благородных дел. А это значит, что для Локи и его Жнецов они представляют самую большую опасность. Мы просто хотели защитить тебя настолько долго, насколько это было возможным, сладкая, – бабушка сделала паузу. – Кроме того, мы не хотели, чтобы ты выросла такой, как некоторые другие подростки.

Я нахмурила лоб.

– Что ты имеешь в виду?

Она пожала плечами.

– Тяжело жить в мире, в котором Жнецы не хотят ничего другого кроме, как убить других детей. Поэтому большинство родителей балуют своих детей и дают им все, что они хотят: машины, одежду, драгоценности. На тот случай, если они никогда больше не увидят, как их дети вырастут. Я не хочу предполагать правильно это или нет, но в любом случае это не тот вариант, как хотела бы вырастить тебя твоя мама. Она хотела, чтобы ты знала цену деньгам и жизни. В большей части жизни.

Это должно было причиной, почему профессора в Академии так много позволяют ученикам: курить, пить, заниматься сексом.

Профессора знали, что мы в любой, совершенно обычный день можем быть убиты Жнецами, и они считали, что мы должны наслаждаться жизнью до этого момента. Но слова бабушки вызвали следующий вопрос.

– Так значит, у нас есть деньги? Я имею в виду... много денег? Как у родителей других учеников?

И если у нас есть деньги, почему я должна работать в библиотеке древностей?

Снова бабушка пожала плечами.

– Не так много как у других, но достаточно. Даже больше чем достаточно. Идея, чтобы ты работала в библиотеке древностей принадлежала профессору Метис. Она считала, что благодаря контакту с другими учениками ты быстрее вольешься в жизнь Академии. Конечно, это не совсем сработало.

Нет, не сработало. Я отодвинула от себя тарелку с шоколадным кексом. В моей голове господствовал слишком большой беспорядок, чтобы попытаться насладиться им.

Я все еще не могла до конца поверить в то, что только что рассказала мне бабушка, что я узнала за последние дни – тайны, которые, наконец, открылись для меня.

Знать, что я находилась в опасности, потому что мне было суждено стать Чемпионом Ники, не очень-то поднимало настроение. Но тайны сами по себе никогда не приносили ничего хорошего.

Бабушка Фрост не сказала ни слова. Вместо этого она вытянула руку и накрыла ею мою.

Как всегда я почувствовала, как ее теплое, мягкое одеяло любви укрывает меня.

И я знала, не важно, что должно произойти, не важно, каким бы сумасшедшим это не было, бабушка любила бы меня так же сильно как и я ее. Также как я любила мою маму.

Я вспомнила то, как видела маму, когда впервые взяла меч-Вика в руки. Она была частью того, к чему сейчас принадлежала я.

И она улыбалась, как будто считала мои действия правильными.

Мысль, поддерживает она или нет, позаботилась о том, что я немного меньше стала скучать

по маме, что боль от ее потери и чувство вины стало выносить немного легче. Вероятно, это была тайна, с которой я могла жить.

– Хватит разговаривать о цыганах, Богах и всех остальных, – сказала бабушка, и внезапно дразнящие нотки проникли в ее голос. – Метис рассказала мне, что видела тебя на балу с очень симпатичным Спартанцем, тем же Спартанцем, который помог тебе вечером в библиотеке. Ты кое-что утаила от меня, Гвен. И теперь я хочу знать все о нем.

У меня было еще что обсудить, и я хотела задать вопросы о маме, об Академии, о моей задании как Чемпиона Ники. Но это могло подождать.

В этот момент я не хотела ничего другого кроме, как просто насладиться временем с бабушкой.

– Ты хочешь узнать все о Логане Куине? – спросила я и подняла бровь вверх.

– Все, до малейших подробностей, – настаивала бабушка.

– А теперь выкладывай, как сказали бы подростки.

Я только улыбнулась и покачала головой. Остаток времени мы провели на кухне, разговаривая и кушая вместе.

Глава двадцать пятая

Вечером следующего дня профессор Метис позвала меня к себе в кабинет.

Последний раз я была здесь в начале учебного года, в мой первый день в Академии, и я была слишком охвачена яростью, чтобы вообще рассматривать помещение.

Старые, толстые книги по истории мифов наполняли длинные полки, которые тянулись вдоль двух стен, в то время как подокоуник был заполнен горшками с подсолнухами и незабудками.

Справа и слева от окна висело несколько документов и медалей, на которых можно было прочитав что закончила, и что выиграла профессор Метис. А их было много.

Рабочий стол Метис был завален бумагами, ручками и другими вещами, а на углу стояла маленькая мраморная статуя.

Она выглядела как маленькая версия статуи Афины, которая была греческой Богиней Вудрости, в библиотеке древностей, но я не была полностью уверена.

Самым странным было оружие. Целая куча стояла на каркасе в углу. Пара мечей, боевой жезл, несколько кинжалов, даже арбалет со стрелами.

Метис с ее серебряными очками и ее излучением спокойствия не производила не меня впечатление воина.

Не так как тренер Эйджекс, который выглядел мускулистым, накаченным и в целом очень крепким.

Профессор Метис смотрела в окно на двор, когда я вошла в комнату. Я закрыла дверь позади себя и осталась стоять, чтобы подождать, когда она меня заметит. Через мгновение она повернулась и улыбнулась мне.

– Привет, Гвен. Присаживайся же. Есть пара вещей, которые мы должны обсудить.

Да, я уже догадалась, после того как я была втянута в смерть ученицы, разгром библиотеки и ряду других плохих вещей.

Поэтому я последовала указаниям и села на стул перед письменным столом.

Профессор Метис тоже села. Ее взгляд метнулся к фотографии в рамке на письменном столе, но так как она была повернута в ее сторону, я не видела, кто на ней.

Ее муж или дети, вероятно. Может быть, даже друг или домашнее животное.

– Как у тебя дела, Гвендолин?

Я пожала плечами.

– Хорошо, насколько это возможно.

Это даже было правдой, за последнее время я видела и сделала слишком много вещей, и выучила главное о себе, моем даре и о том, почему я вообще была в Мифической Академии.

Из-за всего этого моя голова все еще жужжала. И вероятно я ужасно боялась, так как Богиня решила сделать меня своим Чемпионом.

Но, по крайней мере, я получила пару ответов. Я считала, что уже лучше понимаю все.

– Я хотела тебе сказать, что очень довольна сочинением, которое ты сдала вчера, – сказала Метис. – О Нике.

Ты получишь за него отлично.

Я села немного более прямо.

После всего что произошло, мне было довольно легко написать это сочинение. В последнее время я стала более внимательной на уроках истории мифов.

И начала по вечерам, если оставалось время, читать все, что я находила в библиотеке о Нике, Локи и Войне Хаоса.

Было так много книг с такими противоречивыми представлениями, что было трудно понять, что из этого правда, а что нет.

Но для меня в Мифической Академии так было всегда, школа мифов, магии и вундеркиндов-воинов.

– Спасибо, – ответила я. – Его было довольно легко написать. Я... эм... у меня свой собственный опыт после произошедшего в библиотеке, который я могла использовать.

– Да, – согласилась профессор Метис тихим голосом. – Наверное, могла.

Метис сняла серебряные очки и посмотрела на меня. Впервые я заметила, какой красивой она была с ее черными волосами, загорелой кожей и зелеными глазами.

Кроме того, она была моложе, чем я думала, приблизительно одного возраста с моей мамой до того как она умерла, около сорока.

– Нам нужно поговорить о том, что произошло в библиотеке, – продолжила Метис.

– Даже при условии, что ты действовала очень мужественно и благородно, ты попала из-за этого в большую опасность.

– Опасность? – спросила я. – Какой вид опасности?

– Ты упомянула о том, что рассказала тебе Жасмин о своей семье и согласилась, что они – Жнецы, которые служат Локи. У меня есть причины предполагать, что Жасмин рассказала им о своем плане украсть Чашу, чтобы принести Морган в жертву, – объяснила Метис.

– Ее родители и ее старший брат затаились, также как и остальная часть семьи.

Тетя, дяди, кузины, все. Они все исчезли. Члены Пантеона не могут нигде их найти.

– Момент. Это звучит, как будто они предвидели, что их арестуют... или что-то в этом роде.

– Что-то в этом роде, – согласилась Метис, и яростный оттенок появился в ее голосе. – Я не

знаю как, но семья Жасмин узнала, что ты была там той ночью. Вероятно, они узнали это от другого ученика. Эштоны не относятся к тому типу людей, которые просто так оставят смерть дочери. Может случиться так, что они придут за тобой.

– Но я не убивала ее, – протестовала я. – Это был Логан, и это только, чтобы защитить меня. И что касается остального, я не так уж и много сделала тем вечером. Я просто бегала по месту, боялась и пыталась не умереть.

– Было гораздо больше чем это, Гвен. Ты разрушила Чашу Слез, один из Тринадцати Артефактов, который хотели заполучить многие Жнецы, многие из последователей Локи. И ты не дала Жасмин принести в жертву Морган. Жертва укрепила бы власть Локи и еще ослабила бы его тюрьму. Это делает тебя целью для мести, для всех Жнецов.

Я засунула руки глубже в карманы балахона, пока по спине пробегала холодная дрожь.

Я знала, что она сказала правду. До сегодняшнего дня я была никем в Академии, точно как сказала Жасмин. Та девочка-цыганка, которая видела вещи. Но теперь я была той девочкой-цыганкой, которая имела свои тайны.

– В обычном случае это не было бы проблемой, так как ученики здесь в Академии учатся тому, как использовать магию, как бороться и, особенно, как защищаться от Жнецов, – продолжала Метис.

– Но ты здесь только пару месяцев, и тебе не хватает тренировок, которые проходили другие ученики почти всю их жизнь. Поэтому я разрешила тебе сохранить меч из библиотеки.

Ты научишься с ним обращаться. Так быстро как возможно. Могла бы я взглянуть, пожалуйста?

На меч?

Я нагнулась и подняла Вика с пола, куда положила его, когда садилась. После вечера в библиотеке я везде носила его с собой, также как это делали другие ученики с любимым оружием.

Но Вик никогда не открывал глаза при посторонних, и разговаривал он только со мной. По правде сказать, я до сих пор считала это немного зловещим.

Да, между тем я верила в Богов и Богинь, и Хаос, и все эти вещи. Но все равно, говорящий меч было очень сложно проглотить.

Я передала Вика Метис, она вытащила меч из кожаного чехла, который дал мне тренер Эйджекс. Я затаила дыхание и задавалась вопросом, откроет ли Вик глаз и будет ли пристально, зло смотреть на профессора Метис, так как она потревожила его сон.

Он всегда делал так, если я пыталась поговорить с ним, когда у него не было настроения. В этом плане Вик был немного нервным, так как он всегда хотел бы следовать своему расписанию, а не моему.

– Это прекрасный меч, – сказала Метис и восхищалась серебряным клинком. – Очень подходит для Чемпиона Ники.

Понадобилось некоторое время, чтобы ее слова осели.

– Откуда вы знаете...?

Я кусала губы.

Метис засмеялась.

– Откуда я знаю, что Ника выбрала тебя своим Чемпионом?

Она застала меня врасплох. Я никому не рассказывала, кроме бабушки Фрост, что я видела Нику и что она мне сказала.

Метис убрала Вика обратно в ножны и вернула мне. Затем она отошла к оружию и взяла боевой посох с верхнего крепления.

Профессор подошла ко мне с оружием, чтобы я могла рассмотреть его. Посох состоял из толстого, отполированного, отливающего дерева.

Он был вполне мягкий и гладкий, хотя я заметила, что на боку была выцарапана неясная надпись.

– Каждый Чемпион получает от своего Бога или своей Богини особенное оружие, чтобы использовать его в различных сражениях, – объяснила Метис. – И Чемпион всегда узнает Чемпиона.

– Как? Как можно узнать, что кто-то другой – Чемпион?

Профессор пожала плечами.

– По большей части это простое чувство. Просто знаешь, что кто-то – Чемпион. Мы все... находим друг друга. Как магниты, которые постоянно притягиваются друг к другу и снова отталкиваются. Особенно те, которые стоят по разные стороны, служат противоположным Богам. Например, меня бы не удивило, если ты однажды наткнешься на Чемпиона Локи, так как ты служишь Нике. Два Бога, которые столетиями сражаются друг с другом, также как их Чемпионы.

У Локи был Чемпион? Также как у Ники?

Я не забыла темно-красные глаза злого Бога, которые я видела тем вечером в библиотеке.

Этот полный ненависти взгляд преследовал меня с тех пор в моих кошмарных снах, хотя я точно знала, что Локи был заперт и не мог добраться до меня. Однако я подвергаю сомнению, что это относится к его Чемпиону.

Решительно я вытеснила эту мысль и вместо этого пристально посмотрела на буквы на боевом посохе Метис.

– Что стоит на вашем оружии? И почему я не могу читать эти буквы?

Метис засмеялась.

– Только Чемпион может прочесть руны, сообщение на его оружии.

На моем стоит: "Мудрость – сила."

Мудрость? Мой взгляд переместился к статуе на письменном столе Метис. Афина была греческой Богиней Мудрости, что значило, что Метис, должно быть, была ее Чемпионом.

Дафна уже рассказывала мне, что профессор была Чемпионом, но я не совсем доверяла ей. Мне определенно нужно было срочно начинать больше верить Дафне.

– Но, если вы – Чемпион, почему вы преподаете в Академии? – спросила я. – Почему вы не сражаетесь где-то там вне этих стен со Жнецами или как?

Метис положила посох на место к остальному оружию, затем она вернулась назад к письменному столу и села.

– Потому что мое задание Чемпиона заключается в том, чтобы быть здесь и следить за учениками. Делиться с ними знаниями и всем остальным, что им нужно, чтобы сражаться против Жнецов. И я здесь, чтобы обучить тебя, Гвен.

Она помедлила:

– Именно этого хотела бы Грейс.

На какой-то момент мне показалось, что меня ударили по голове. Только... просто... смотрела. Затем мой мозг снова начал работать.

– Грейс? Моя... моя мама? Что вы знаете о ней? Почему бы она хотела, чтобы вы научили

меня, как быть Чемпионом?

Вопросы вылетали из моего рта один за другим.

– Мы дружили с твоей мамой, – объяснила Метис. – Точнее сказать, мы были лучшими подругами. Тогда, когда были ученицами здесь.

Профессор Метис снова надела очки и взяла фото со стола, то самое, на которое она смотрела пару минут назад. Она развернула его, чтобы показать мне.

На фотографии стояли две девушки, держась за руки, на их лицах сияли широкие улыбки.

Одна из девочек была молодой версией Метис, когда она была приблизительно в моем возрасте.

Другая на фото была моей мамой.

Каштановые волосы, фиолетовые глаза, потрясающая улыбка. Грейс Фрост уже тогда была прекрасна.

Моя мама ненавидела фотографироваться, поэтому у меня было не так много ее фотографий, особенно, немного из юных лет. Но эта, я знала, что она была совершенно особенной.

– Можно я... можно я прикоснусь к ней? – прошептала я. – Пожалуйста?

Метис вытащила фотографию из рамки и передала мне. Дрожащими руками я взяла ее. Мои пальцы прикоснулись к мягкой, гладкой бумаге, я закрыла глаза и позволила воспоминаниям заполнить меня.

Так много картинок вспыхивало в моем мозгу, и все они показывали мою маму и Метис.

Смеющиеся, разговаривающие, во время прогулки по кампусу, обеда в столовой, тренировки в спортзале и всех остальных бесчисленных занятий, которые делали ученики в Академии.

Были и другие воспоминания, другие чувства, которые были связаны с фотографией. Совершенное доверие, которое они испытывали друг к другу, все эти тайны и желания, которыми они делились.

Метис и моя мама всегда любили друг друга, как сестры. Это было чувство, которое я почувствовала четче всего: любовь. Это было... приятно знать, что кто-то был также сильно привязан к моей маме как и я. То, что еще кто-то скучает по ней также как и я.

Я снова открыла глаза и вытерла слезы.

– Ты можешь оставить ее, если хочешь, – тихо предложила Метис. – У меня есть еще копия.

Я только кивнула, потому что в моем голосе все еще была грусть. Я мягко прикасалась пальцами к фотографии и снова ощутила, как чувства исходят от нее и проникают внутрь меня.

Целую минуту никто не произносил ни слова, но наконец, Метис откашлялась.

– Во всяком случае, – сказала профессор Метис, – твоя мама и я были друзьями. Она спасала мне жизнь бесчисленное количество раз, и я планирую, что тем же самым отплачу тебе, Гвен. Поэтому я, немного изменила твое расписание уроков. Дополнительно к нормальным урокам физкультуры у тебя будут ежедневные частные уроки по боевому искусству с репетитором, чтобы улучшить твои способности владения мечом.

Репетитор по борьбе? Я не была уверена, нужно ли мне радоваться.

Метис посмотрела в направлении стеклянной двери.

– Заходи, пожалуйста.

Секундой позже повернулась дверная ручка, дверь распахнулась, и Логан Куин вошел в

кабинет.

– Я думаю, ты и мистер Куин уже знакомы, – проговорила Метис. – Он показался мне подходящей кандидатурой на роль твоего репетитора, после того, что произошло в библиотеке.

Я не разговаривала с Логаном с того вечера.

Хотя он и пошел тогда с Дафной, Карсоном и мной до общежития, однако не присоединился к нам тогда, объяснив, что он устал и хотел бы вернуться в свою комнату.

После этого я постоянно высматривала его, но, ни во дворе, ни в коридорах его не было. А на физкультуре он никогда не смотрел на меня, и в библиотеке он тоже не появлялся в мое рабочее время.

Я улыбнулась Логану и подумала, что все может быть очень даже не так страшно, но он одарил меня только лишь ледяным взглядом. Я нахмурила лоб.

Что здесь происходило? Я думала, мы были, по меньшей мере, друзьями, если даже не чем-то большим. По крайней мере, я надеялась.

– Логан будет тренироваться с тобой по утрам до начала занятий, – повторила Метис. – Ты действительно должна научиться у него всему, чему сможешь, Гвен.

Так как это не шутка, и опасность, которая угрожает тебе, очень-очень реальна. Ты понимаешь это?

Мороз пробежал по спине и я кивнула. Тогда я вспомнила еще кое-что.

– Эм, а что насчет...

Я указала на Вика. Было трудно представить, что учиться сражаться придется с оживающим мечом.

И что я должна рассказать Логану о Вике?

Должна ли я ему сказать, кто он и от кого я его получила?

Метис посмотрела сначала на меч, затем на меня.

– Это твой меч, Гвен. Ты будешь учиться обращаться с ним. Я уверена, что обучение будет протекать быстрее, также как у меня с моим боевым посохом. Все что касается остального, я предоставляю решать тебе.

Ее боевой посох должно быть сильно отличался от Вика, так как я не могла себе представить, чтобы Вик начал бы мне повиноваться. Но, по меньшей мере, я могла открыть историю меча Логану, когда я захочу.

– Я думаю, что на сегодняшний момент это все, – сказала профессор Метис. – Уже поздно. Идите и наслаждайтесь остатком дня, но помните, что на следующей неделе нужно сдать очередное сочинение.

– Да, профессор Метис.

– Логан, тренер Эйджекс уже поговорил об этом с тобой, – обратилась Метис к Спартанцу. – Ты должен атаковать Гвен так жестоко, насколько это необходимо, чтобы она быстро продвигалась вперед, понимаешь?

– Да, мэм.

– Хорошо. Теперь вы оба можете идти.

Профессор Метис взяла стопку бумаг и начала листать ее. Я осторожно убрала фото мамы, которое дала мне Метис, в сумку, чтобы не помять его.

Затем Логан и я покинули кабинет, а вскоре после этого и здание истории. Уже было за шесть

вечера, главный двор был практически пуст, за исключением пары учеников, которые выходили из столовой или библиотеки древностей.

Вечерние сумерки накрывали траву и деревья и купали их в мягких пурпурных и серых тонах.

Мы остановились на краю площади, даже не глядя друг на друга. Неловко.

– Итак, – сказала я наконец. – Теперь ты мой репетитор по борьбе?

Логан кивнул.

– Метис попросила тебя об этом? Или она заставила тебя?

Я спрашивала, так как хотела понять, нет, просто обязана узнать, что чувствовал Логан по отношению ко мне. Мне нужно было что-то, что подсказало бы мне, был ли он заинтересован во мне или его просто заставляли.

– Нет, – ответил Логан тихим голосом.

– Она не заставляла меня. Она, тренер Эйджекс и Найкмедс попросили меня об этом, и я согласился.

– Почему?

Впервые Логан посмотрел на меня, и его губы растянулись в легкой, сексуальной улыбке.

– Кто-то должен присмотреть за тобой, цыганочка. Злодеи, кажется, преследуют тебя. И кроме того, мы оба знаем, что ты едва ли сможешь пересечь школьную территорию без того, чтобы не столкнуться с человеком.

Улыбка растопила часть холода в его глазах, и на мгновение у меня возникло чувство, как будто мы снова на балу. Как будто мы вернулись назад к нашему поддразнивающему флирту.

Поэтому я собрала все свое мужество и сделала то, о чем думала с того вечера в библиотеке.

– Хм, возможно, ты хотел бы еще немного поговорить об этом. За... чашечкой кофе... или.

Да, я непременно хотела пойти с ним на свидание, и он тоже это знал.

Но это ему не понравилось, так как Логан напрягся. Тепло в его глазах исчезло, и он сжал губы. Затем он отступил на шаг и покачал головой.

– Это не очень хорошая идея, Гвен.

О - о. Он использовал мое имя, что означало, что он был серьезен. Мое сердце судорожно сжалось в груди.

– Почему нет? Я... ты мне нравишься. И я думала, что... тоже нравлюсь тебе, вероятно? – я вытянула лицо. В моей голове слова не казались такими жалкими, как после того как я их проговорила.

На мгновение черты лица Логана стали мягкими.

– Ты мне нравишься, Гвен. Очень. У тебя есть что-то особенное внутри.

Затем выражение его лица снова окаменело.

– Но есть вещи, которые... ты просто не знаешь обо мне. О Спартанцах, которыми мы являемся. Вещи, которые совсем не захочешь узнать, особенно обо мне. Я не тот парень, которым ты меня считаешь. Я не герой. Даже на долю.

У Логана было то самое выражение в глазах, этот дикий, раненный, разочарованный взгляд, который я видела у Пейдж Форрест, незадолго до того как я подняла ее щетку для волос.

Какую бы тайну Спартанцев он не скрывал, она была огромной.

И все, что я должна была сделать, чтобы узнать ее, это вытянуть руку и прикоснуться к нему. Логан был первым парнем, который, ну да, за очень-очень долгое время начал мне нравиться. И он стоял здесь и объяснял мне, что я ему тоже нравилась, но мы не можем даже попить вместе кофе.

А уж тем более делать что-то другое. Я хотела знать, что он скрывал от меня, какую тайну считал такой ужасной, что из-за нее я не могла быть с ним вместе.

И я хотела это знать сейчас.

Это было бы так просто, использовать мой дар, мою психометрию. Просто взять его за руку и узнать все его тайны. Искушение было таким сильным.

Но затем я подумала о Жасмин Эштон и о том, как Валькирия использовала силу, свою магию, чтобы получить то, чего она хотела, месть для лучшей подруги.

Я вспомнила о том, что бабушка Фрост рассказывала мне о других людях, других цыганах. Что некоторые из них использовали силу для эгоистических целей. Что некоторые из них были злыми.

Медленно я сжала руки в кулаки.

Нет. Я не была такой. Я не могла этого сделать. Я не могла сделать такое с Логаном, с кем-то, кто что-то значил для меня. Я никогда не буду использовать дар, который мне подарила Ника, чтобы узнать тайны против чей-то воли.

Между тем я была умнее, лучше. Я была лучше, чем Жасмин и другие Жнецы, которые используют силу, чтобы навредить другим.

Итак, я просто взглянула на него, и мои чувства к нему отчетливо читались в моих пурпурных глазах. Но Логан просто отвел взгляд.

– Логан! – прокричал голос. – Вот ты где!

Через площадь к нам шла девушка, та самая с которой Логан был на балу. Та самая, которая так обиделась, когда он танцевал со мной.

Дафна рассказала мне, что ее зовут Саванна Варен и она — Амазонка, которая живет в общежитии Валгалла. Я постаралась и узнала, что это было ее окно, из которого выпрыгнул Логан в тот день, когда я встретила его у общежития после того, как я украла ноутбук Жасмин.

Саванна бросила на меня злой взгляд и прошла мимо. Логан обхватил ее рукой и наклонил голову, в то время как она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его. Логан плотнее притянул Саванну к себе, и она обвила руки вокруг его шеи.

Я еще крепче сжала кулаки. Если Амазонка еще глубже засунет свой язык в горло Логана, она прижала бы его мозг к затылку. Если там вообще был мозг.

Через минуту диких поцелуев они оторвались друг от друга. Логан улыбнулся ей, но его глаза все еще были ледяными.

Саванна повернулась и одарила меня злобной ухмылкой. Я почувствовала, как мое сердце замерзло. Так это выглядело.

Логан Куин, мужская шлюха Мифической Академии, снова занялся своим занятием, а я была для него простой девочкой – цыганкой.

– Ты готов, сладкий? – спросила Саванна.

Она положила голову на плечо Логана и смотрела на него из-под длинных идеальных ресниц.

– Конечно. Идем, – сказал Логан.

– Цыганка и я уже все равно закончили ..

С этими словами он развернулся и пошел с ней прочь. Он ни разу не обернулся назад.

Я осталась стоять и чувствовала себя, как будто мне только что разбили сердце, когда я даже никому не дарила его.

Глава двадцать шестая

Позже, этим же вечером, ко мне в комнату пришла Дафна с пиццей в одной руке и упаковкой с шестью бутылками колы в другой. Мы планировали позаниматься, а потом устроить праздник порока.

Я, конечно, отвечала за десерт, и бабушка Фрост, когда я навещала ее вчера, наградила меня шоколадом, ореховым маслом и тыквенным пирогом.

Дафна и я поставили еду на пол и сели перед телевизором, где мы включили Проект-Подиум, так как Дафна хотела посмотреть его.

Пока Валькирия рассматривала предлагаемую моду на мерцающем экране, я открыла коробку с пиццей и застыла.

– Что случилось? – спросила я.

Штуковина в коробке не выглядела для меня пиццей.

У нее были края и где-то под другими вещами было немного моцареллы, но вся поверхность пиццы была покрыта каким-то экзотическим маслом, подозрительно пахнущим соусом и сваренными овощами.

Я прищурила глаза. Это завядший шпинат? Противно.

– Я взяла ее в столовой, – сказала Дафна, вытянула руку и взяла дымящийся кусок. – Это флорентийская пицца с поджаренным ягненком. Последний писк.

– Что не так со старым сыром и стручковым перцем? Или ветчиной и ананасом?

Дафна закатила глаза.

– Паперони?

Это выходит из моды и так скучно, – ее взгляд скользнул по моей одежде. – Также как и толстовки, которые ты постоянно носишь. Нам действительно срочно стоит пойти за покупками, Гвен. Тебе непременно нужно освежить гардероб.

Я еще не долго дружила с Валькирией, но медленно начала угадывать ее настроение, и я знала, что не имело никакого смысла обсуждать с ней мои толстовки.

Поэтому я только вздохнула, взяла кусок пиццы и откусила. Окей, на вкус очень даже не плохо, но я не сказала бы об этом Дафне. По крайней мере, не сейчас.

– Итак, – сказала Дафна, открыла при помощи длинного ногтя банку и розовые искры наполнили воздух. – В столовой, когда брала пиццу, я встретила Морган.

– Как это прошло?

Собственно, Дафна не проводила больше времени с Морган и другими Валькириями с тех пор, как они с Карсоном пришли на бал.

Мы же наоборот проводили много времени, и постепенно становились настоящими друзьями. Мне нравилось много вещей в Дафне. Она была классной и смешной и совершенно помешанной на компьютерах.

Она вообще не была избалованной, эгоистичной принцессой Валькирией, какой я посчитала ее в первый день в женском туалете.

Дафна пожала плечами.

– Прошло приблизительно так, как я и ожидала. Морган пыталась уговорить меня сесть к остальным. Они все хотели узнать о моем прекрасном свидании с Карсоном. Но я точно знаю, что должна была рассказать Морган что-нибудь, чтобы они могла смеяться за моей спиной, как это делала Жасмин.

– Мне очень жаль.

Дафна снова пожала плечами.

– Не нужно. Я сказала Морган, что думаю о ней, что она глупая, легкомысленная девушка, так как спала с Сэмсоном за спиной Жасмин.

А затем передала другим девочкам электронные письма, которые я вытащила из ноутбука Жасмин, в которых Морган и Жасмин поливали грязью других.

Я почти подавилась пищей.

– Ты же не сделала этого!

Дафна бросила мне уверенную улыбку.

– Сделала. Ты должна была видеть их лица. Они были так обижены, что начали кричать на Морган прямо в столовой. Когда я уходила, они все еще были заняты.

Это не была кровная, жестокая месть, которую желала Жасмин, но это было уже кое-чем. Вероятно, другие девочки узнали бы теперь, какой по-настоящему была Морган, и могли сторониться от нее.

– Что насчет тебя? – спросила Дафна. – Ты встретишься с Метис? Что она сказала?

Я еще не была готова рассказать Дафне, что Богиня Ника выбрала меня своим Чемпионом, поэтому я скрыла эту часть. Но я рассказала Дафне все остальное, включая ту часть, где Метис посчитала, что я в опасности, так как семья Жасмин состояла из одних Жнецов.

– Я знакома с семьей Жасмин, – сказала Дафна. – Метис не зря переживает. Ее брат особенно зловец. Я всегда считала, что он слишком безразлично напряжен, насколько он мил.

– Этого Метис не рассказывала мне, – ответила я. – Но она переделала мое расписание. Теперь по утрам, до начала занятий, у меня индивидуальные тренировки. Метис хочет, чтобы я научилась правильно использовать свой меч.

Я махнула рукой в направлении Вика, который висел в ножнах на стене прямо рядом с постером Чудо-Женщины.

– Тренировки с репетитором? – спросила Дафна. – Метис нашла тебе репетитора? Кого?

– Логана Куина.

Глаза Дафны заблестели.

– Правда? Очень интересно.

– Это не так, – сказала я горьким голосом. – Логан сам мне сказал. Это звучало примерно так: "Ты мне нравишься, но по каким-то идиотским причинам мы не можем быть вместе". А затем прямо на моих глазах засунул язык в рот Саванне Варенс.

Дафна сделала сочувствующее лицо.

Я не рассказывала Дафне, что чувствую к Логану, но была абсолютно уверена, что Валькирия догадывалась.

Вероятно, для нее это было так очевидно, как для меня ее чувства к Карсону.

– Мне очень жаль, Гвен.

Я только пожала плечами.

Пару минут мы ели молча, прежде чем Дафна не вернула разговор на правильную тему, Карсон и каким чудесным она его считает.

– Я уже говорила тебе, что он написал для меня песню? – спросила Дафна мечтательным голосом. – Речь идет...

Вопреки всем моим другим проблемам я позволила Дафне увлечь меня историей, и вскоре мы уже смеялись и хихикали, как будто мы уже лучшие подруги.

Я снова ощутила это чувство нормальности, мира. Говорить с подругой и есть пиццу. Я не могла представить более лучшего варианта провести вечер.

Конечно, было еще много всего. Богиня подарила мне меч и объявила меня Чемпионом, и семья Жасмин, и остальные злые Жнецы хотели сотворить со мной плохие вещи.

Я сказала парню, в которого втрескалась, что я втрескалась в него, а он объявил мне, что мы не можем встречаться, чтобы затем обниматься с другой девчонкой.

Мой взгляд скользнул к фотографии моей матери, которая стояла на столе прямо под Виком. Я планировала вставить в рамку фото ее и Метис и тоже поставить туда.

Вероятно, это только мое воображение, но всегда, когда я смотрела на ее фото последнее время, мне казалось, как будто мама улыбается прямо мне.

Как будто она могла видеть меня оттуда, где она была теперь. Вероятно, она умела это. В конце концов, Мифическая Академия была местом магии, здесь легенды становились реальными и все было возможно.

Я поняла еще кое-что. Люди, которых любили, никогда не умирают по настоящему, не до тех пор, пока воспоминания о них живы в сердцах.

А моя мама будет всегда в моем сердце.

Дафна пощелкала пальцами перед моими глазами.

– Земля вызывает Гвен!

—Что? Что ты сказала?

Она указала на коробку пиццы перед собой, в которой лежал только один кусок.

– Я спросила, хочешь ли ты съесть последний кусок пиццы.

Я посмотрела на нее, затем перевела взгляд на Вика, фото мамы и осмотрела остальную часть моей уютной комнаты.

Наконец он остановился на статуи Ники, которую я купила в книжном магазине школы. Крылатая Богиня Победы стояла на письменном столе рядом с фото моей мамы.

Пока я смотрела на статую, внезапно Ника открыла глаза, также как это произошло с Виком в первый вечер в библиотеке.

У нее были глаза того же цвета что и у Вика. Прекрасная смесь из пурпурного и серого, который всегда напоминает мне сумерки.

Пока я уставилась на нее с открытым ртом, один из глаз медленно закрылся, чтобы затем снова открылся.

Она мне подмигнула? Я моргнула, и в следующее мгновение глаза статуи были снова закрыты, как будто ничего не произошло.

Но на этот раз вид этого не испугал меня.

Вместо этого я почувствовала, что каким-то образом я заработала признание Богини, как будто я получила какой-то вид... умиротворенности или что-то в этом роде.

Победа достигнута. По меньшей мере, на сегодняшний вечер.

– Гвен? – снова спросила Дафна. – С тобой все хорошо?

– Я скажу тебе кое-что, – сказала я и посмотрела на свою подругу. – Почему бы нам не разделить последний кусок?

Дафна улыбнулась.

– Думаю, было бы замечательно.

– Я тоже.

Так мы и сделали.